

Пол Андерсон

ВЕЛИКИЙ
КРЕСТОВЫЙ
ПОХОД

Мастера фантазии

Пол Андерсон

Великий крестовый поход

«Издательство АСТ»

1960, 1971, 1979

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Андерсон П. У.

Великий крестовый поход / П. У. Андерсон — «Издательство АСТ», 1960, 1971, 1979 — (Мастера фантазии)

ISBN 978-5-17-144998-8

Герой «Великого крестового похода», барон Роже де Турнефиль, бросает вызов далекой звездной империи и во главе своего отряда отправляется в опасную экспедицию. Настала пора привести к покорности коварных синелицых варваров! В романе «Дети морского царя» бессмертные жители Дании – кракены, русалки, тролли и прочие «бездушные» существа, – вынуждены искать пристанище в чужих краях из-за принятия жителями страны христианства. В «Танцовщице из Атлантиды» четыре человека из разных стран и эпох, случайно захваченные полем машины времени, переносятся в древнюю Элладу, во времена гибели Атлантиды.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-144998-8

© Андерсон П. У., 1960, 1971, 1979
© Издательство АСТ, 1960, 1971, 1979

Содержание

Дети морского царя	6
Пролог	6
Книга первая	9
1	9
2	11
3	13
4	15
5	18
6	23
7	29
8	36
9	41
Книга вторая	47
1	47
2	50
3	55
4	62
5	69
Книга третья	74
1	74
2	82
3	86
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Пол Андерсон

Великий крестовый поход

Poul Anderson

THE HIGH CRUSADE

THE DANCE FROM ATLANTIS

THE MERMAN'S CHILDREN

© Poul Anderson, 1960, 1971, 1979

© Перевод. И. Гурова, наследники, 2021

© Перевод. А. Захаренков, 2021

© Перевод. А. Новиков, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Дети морского царя

Посвящается Астрид и Терри

Пролог

Побережье Далматии поднимается из моря крутыми утесами. В неполной лиге от берега, на вершине высокого холма возле реки Крки и глядя на восток, на горные вершины, стоит городок Шибеник. Река возле него разливается широко и привольно, но ближе к морю снова сужается. Выше же по течению она вытекает каскадом звенящих водопадов из озера, которое обязано ей и другим рекам своим рождением.

В те дни, когда Ангевин Чарльз Роберт стал малолетним правителем хорватов и мадьяр, земли вокруг этих водопадов да и самого озера, кроме того места, где в него впадала Крка, заросли дремучими лесами. Леса эти давно уже вырубил, а землю распахали. Чуть выше по течению, примерно в том месте, где в Крку впадает Чикола, вокруг замка своего хозяина-жупана теснилась деревенька Скрадин.

Но даже внутри стен замка дикие чашобы не давали о себе позабыть. Мало того что по ночам слышался волчий вой, днем тывкали шакалы, на поля совершали набеги олени и кабаны, а иногда и рогатые великаны – лоси и зубры. В округе водились и зловещие существа: в дикой чаще – лешие, в глубине вод – водяные, а позднее, как шептались крестьяне, объявилась и вилия.

Иван Субич, местный жупан, не обращал внимания на болтовню своих крепостных. Он слыл человеком суровым, но справедливым, был близким родственником знаменитого бана Павле и потому знал, что за околицей деревеньки мир не кончается. К тому же он провел долгие годы вдаль от родных мест и много воевал. Сражения закалили его, но оставили на память многочисленные шрамы.

Его старший сын Михайло тоже не боялся лесных существ. Юноша давно успел позабыть услышанные в детстве сказки и легенды: образование он получил в монастыре в Шибенике, побывал в бурлящих жизнью портах Задар и Сплит, и даже один раз в Италии. Михайло мечтал о богатстве и славе, стремился прочь от скуки и однообразия, в которых прошло его детство. Отец помог ему попасть в свиту регента, Павле Субича.

Но в то же время он любил родные места и часто приезжал погостить в Скрадин. Здесь его знали как весельчака, отзывчивого, хоть иногда и безрассудного, привозящего с собой краски, песни и захватывающие истории о событиях, происходящих за пределами деревенского мирка.

Как-то утром в начале лета Михайло выехал из замка, направляясь на охоту. Его сопровождало шесть человек – три телохранителя и трое слуг, приехавших из Шибеника. Времена стояли относительно мирные – вражда, как среди венецианцев, так и среди могущественных кланов, поутихла, а последнего местного бандита Иван Субич укоротил на голову еще несколько лет назад. Тем не менее редкий мужчина отваживался отправляться в дальний путь в одиночку, а женщинам подобная мысль и в голову не приходила. С Михайло ехали и его младший брат Лука и двое свободных крестьян – проводники и подручные для тяжелой работы. Позади бежала стая гончих псов.

Вид у охотников был бравый. Михайло был одет по последней западной моде: зеленый кафтан и облегающие штаны, шафрановая рубашка, подбитая шелком накидка, полусапожки и перчатки с отворотами из Кордовы, длинные русые кудри над чисто выбритым лицом покрывала плоская бархатная шапочка. Когда его лошадь становилась чересчур игривой, висящий на поясе кинжал ударял его по бедру. На лошади Михайло сидел так, словно они составляли

единое целое. Его слуги, выставившие вперед поблескивающие наконечники пик, выглядели почти столь же браво. Лука, одетый в сюртук, плащ до колен и бриджи, перетянутые крест-накрест ниже колен ремешками, внешне мало отличался от крестьян – разве что одежда его была сшита из ткани получше, вышивка на рукавах красивее, а коническая шапка без полей оторочена соболем, а не кроличьим мехом. И он, и крестьяне вооружились короткими изогнутыми луками и ножами, пригодными для охоты на медведя.

Копыта прогромыхали по улице, глухо застучали по тропе за околицей. В отличие от франкских баронов, хорватская знать обычно уважала труд своих крестьян; приди Михайло в голову проскакать по нежной зелени засеянных полей, ему пришлось бы держать ответ перед отцом. Проезжая мимо выпаса, он перепугал нескольких телят, затрубив в охотничий рог, но изгородь не дала им разбежаться.

Вскоре охотники оказались в лесу, на охотничьей тропе. То был смешанный лес, дубы и березы – уходящие ввысь стволы, нависающие над головой ветви, шепот листьев, тенистые поляны и прогалины, куда солнечный свет пробивался золотыми искрами и пятнышками. В царившей здесь тишине даже птичье пение казалось далеким и приглушенным. Теплый воздух был тем не менее прохладен и полон запахов, не имевших ничего общего с запахами конюшни и коровника.

Гончие взяли след.

За несколько часов охотники добыли оленя, волка и выводок барсуков. Кабанихе удалось скрыться, но это не испортило им настроения. Добравшись до озера, они вспугнули стаю лебедей, пустили стрелы и трех подстрелили. Пожалуй, настало время возвращаться.

На берег в сотне ярдов от них вышел еще один олень. Лучи послеполуденного солнца золотили его белую шкуру в тех местах, где на нее не падали голубоватые пятнышки тени. Животное было крупное, чуть меньше лося, а дерево огромных рогов тянулось к небу.

– Святые угодники! – воскликнул Михайло, вскакивая. Рядом с оленем свистнуло две стрелы, но он оставался на месте до тех пор, пока охотники вновь не вскочили в седла, и лишь потом помчался прочь. Но не в густые заросли, сквозь которые не пробиться лошадям. Олень бежал по тропе, мелькая белым пятном в полумраке чащобы. Погоня оказалась тщетной. Животное мотало преследователей по всему лесу, а когда лошади выдохлись, а измученные собаки высунули языки, вернулось на берег озера.

В вечерних сумерках его тело светилось на фоне темных стволов. Солнце почти закатилось, оставив лишь желтый мазок на голубизне западного небосклона. Восток превратился в быстро густеющий пурпур, на котором уже замерцала ранняя звезда. В лощинах лежал туман. Над головами носились летучие мыши. Похолодало. Лес окутала тишина.

И, словно клочок тумана, увенчанное короной рогов животное замерцало и исчезло.

Михайло процедил сквозь зубы проклятие. Лука непрерывно крестился, слуги тоже. Оба крестьянина спешились, опустили на колени, сорвали с себя шапки и громко молились.

– Нас околдовали, – пробормотал Сиско, старший из крестьян. – Но кто? И зачем?

– Во имя Господа, уйдем отсюда! – взмолился его друг Дража.

– Нет, стойте! – набрался мужества Михайло. – Лошадям надо отдохнуть, иначе мы загоним их насмерть. И вы это знаете.

– Ты что, хочешь торчать здесь всю ночь? – произнес, запинаясь, Лука.

– Нет, только час-другой, пока не взойдет луна. Она осветит нам дорогу.

Слуга Михайло обвел взглядом ртутно поблескивающую гладь озера, зубчатую стену зарослей на дальнем берегу и умоляюще произнес:

– Господин, здесь не место для христиан. Тут бродят древние языческие бесы. Ведь мы гнались не за оленем, а за ветром, и теперь он исчез, словно ветер. Почему?

– И ты еще называешь себя горожанином? – усмехнулся Михайло. – Нас глаза подвели, вот и все. Чему тут дивиться, коли мы так устали? – Он взгляделся в лица своих спутников. –

Для христианина любое место на свете годится, если в душе есть вера. Слезайте, призовем наших святых. Как тогда демоны смогут нам навредить?

Слегка прибодренные, остальные спешили, вместе помолились, расседлали лошадей и принялись вытирать их попонами. Над их головами зажигались все новые звезды.

Смех Михайло разорвал ночную тишину:

– Видите? Нам нечего бояться.

– Верно, нечего, – пропел за его спиной девичий голос. – Это и вправду ты, милый?

Михайло обернулся. Хотя он и его спутники превратились в силуэты среди теней, он очень ясно видел вышедшую из камышей девушку – такими светлыми были ее обнаженное тело и распущенные волосы, столь огромными и сияющими ее глаза. Она приблизилась к нему, широко разведя руки.

– Иисус и Мария, спасите нас, – простонал Дража. – Это вилия.

– Михайло! – негромко воскликнула она. – Михайло, прости меня, я пытаюсь вспомнить. Истинно пытаюсь.

Михайло все же смог устоять на подгибающихся ногах.

– Кто ты? – выдохнул он, тщетно стараясь успокоить колотящееся в груди сердце. – Чего ты хочешь от меня?

– Вилия, – прохрипел Сиско. – Демон, призрак. Отгоним ее молитвою, пока она не увлекла нас всех в подводный ад!

Михайло нащупал на груди крест, унял дрожь в коленях, встал перед существом и приказал:

– Во имя отца, и сына, и святого духа...

Но не успел он произнести «...изыди!», как она приблизилась к нему вплотную. Юноша разглядел точеные черты ее прекрасного лица.

– Михайло! – взмолилась она. – Это ты? Прости, если причинила тебе боль, Михайло...

– *Надя!* – завопил он.

Она замерла.

– Так меня звали Надя? – переспросила она, удивленно сведя брови. – Да, кажется, я была Надей. А тебя, конечно, звали Михайло... – Она улыбнулась. – Ну да, правильно. И я вызвала тебя к себе, милый. Так ведь?

Михайло испустил вопль, повернулся и помчался прочь. Его люди тоже разбежались по сторонам. Испуганные лошади бросились врассыпную.

Когда снова воцарилась тишина, вилия Надя осталась на берегу одна. Звезд на небе прибавилось. Последние отблески заката исчезли, но небо на западе еще едва отсвечивало. Озеро, отражая это слабое сияние, превращало стоящую на берегу фигуру в плавно очерченный светлый силуэт. Поблескивали слезы.

– Михайло, – прошептала она. – Прошу тебя...

Потом она забыла обо всем, рассмеялась и неслышно скользнула в лес.

...Охотники вернулись домой по одному, но целыми и невредимыми. После рассказов Сиско и Дражи люди стали с еще большей опаской поглядывать в сторону чащи. Михайло не задержался в деревне ни на день более необходимого. Вскоре заметили, что он уже не тот веселый юноша, каким его привыкли видеть. Он стал проводить много времени с капелланом замка, а позднее и со своим исповедником в Шибенике. Через год он постригся в монахи. Его отца жупана это не осчастливило.

Книга первая Спрут

1

Епископ Виборгский назначил Магнуса Грегерсена своим новым архидиаконом. Муж сей был более образован, чем прочие, поскольку обучался в Париже, к тому же честен и набожен, но люди считали его слишком строгим и говорили, что смотреть на его длинную тощую фигуру и вытянутую постную физиономию ничуть не приятнее, чем на разгуливающую по полю ворону. Но епископ посчитал, что нужен ему как раз такой человек, ведь за годы раздора, опустошившие Данию после смерти короля Эрика, епископская паства погрязла в распущенности.

Объезжая восточное побережье Ютландии в качестве ректора епископа, Магнус приехал в Элс – не на остров, а в одноименную деревушку. Сие бедное и отдаленное селение с юга и запада окружала чащоба, пересекаемая лишь двумя-тремя дорогами, с севера его отрезала Конгерслевская Топь, а с востока – пролив Каттегат. Каждый год в сентябре и октябре местные рыбаки вместе с тысячами других ловили в проливе сельдь во время ее большого хода, в прочее же время обитатели деревушки почти не общались с миром. Они тянули вдоль побережья свои сети и ковырялись на акрах тощей земли до тех пор, пока время и тяжкий труд не сламывали их, а кости их не успокаивались на вечный отдых рядом с маленькой деревянной церковью. В такой глухомани до сих пор частенько соблюдали древние традиции и обряды. Магнус считал подобные поступки язычеством и в душе скорбел о том, что у него нет подходящего и готового способа остановить неразумных.

И посему до поры скрываемое рвение проснулось в нем с новой силой, когда до него дошли некие слухи о происходящем в Элсе. Никто из местных жителей не захотел признаваться Магнусу, что ему известно о событиях, которые могли произойти с того дня, как четырнадцать лет назад Агнете вышла из моря. Тогда Магнус уединился с местным священником и сурово потребовал от него правды. Отец Кнуд, мягкий человек, родившийся в одном из крошечных домиков Элса, уже давно закрывал глаза на то, что считал мелкими грехами, дарящими его пастве хоть какую-то радость в их унылой жизни. Но ныне он стал стар и слаб, и Магнус вскоре вырвал из него всю историю целиком.

Когда ректор вернулся в Виборг, в глазах его пылало святое пламя. Он пришел к епископу и сказал:

– Мой господин, делая объезд вашей епархии, я обнаружил прискорбно много следов в тех местах, где потрудился дьявол. Но я не ожидал наткнуться на него самого – нет, вернее будет сказать, на целое гнездо его омерзительнейших и чрезвычайно опасных демонов. И тем не менее сие свершилось в прибрежной деревушке Элс.

– О чем говоришь ты? – сурово спросил епископ, ведь и он страшился возвращения древних языческих богов.

– Я веду речь о том, что неподалеку от берега таится целый город морских людей!

Епископ расслабился.

– Как интересно. Мне не было ведомо, что в датских водах и поныне остался кто-то из них. Они вовсе не дьяволы, мой добрый Магнус. Да, у них, как и у прочих животных, нет души. Но они не подвергают опасности спасение прочих душ, на что способны обитатели холмов эльфов. Воистину, они очень редко встречаются с племенем Адама.

– Но эти не таковы, мой господин, – возразил архидиакон. – Послушай, что довелось мне узнать. Два и двадцать лет назад жила неподалеку от Элса дева, при крещении нареченная

Агнете Эйнарсдаттер. Отец ее был йоменом, и, по словам соседей, зажиточным, а сама девица отличалась красотой, и посему ей сулили удачное замужество. Но однажды вечером, когда девица прогуливалась в одиночестве по берегу, из моря выбрался водяной и, начав ухаживать за нею, увлек с собой. Она провела в море, в грехе и безбожии, восемь лет.

Но настал день, и довелось ей вынести своего младшего ребенка на шхеру, дабы погрелся тот на солнце. С места сего слышны были церковные колокола, и как раз когда она сидела, покачивая колыбель, они зазвонили. Тоска по дому, если не раскаяние, пробудились в ней. Она вернулась к водяному и принялась умолять его отпустить ее снова послушать слово Господне. Тот с неохотою согласился и проводил ее на берег, но перед сим заставил ее поклясться не совершать трех поступков – не распускать свои длинные волосы, будто она незамужняя, не искать встречи с матерью в родной хижине и не склонять головы, когда священник произнесет имя Всевышнего. Но каждый из сих поступков она совершила: первый из гордости, второй из любви, а третий из страха. И тогда божественная милость сорвала чешую с ее глаз, и осталась она на земле.

Тогда водяной пришел на берег и начал ее искать. Вышло так, что день тот тоже оказался одним из святых, и отыскал он ее в церкви во время мессы. Когда же вошел он в церковь, лица на картинах и статуях обратились к стене. Никто из прихожан не посмел поднять на него руку – столь огромен и силен он был, и столь тяжел, что оставлял за собой глубокие следы, хотя дело было летом, а улица суха. Он умолял ее вернуться, напоминал о рыдающих без матери детях и вполне мог добиться своего, как и в прошлый раз. Ведь это не отвратительные создания с рыбьими хвостами, мой господин. Не будь у них широких перепончатых ног, больших слегка раскосых глаз, безбородых лиц у мужчин, да еще зеленых или голубых волос у некоторых, любой принял бы их за красивых людей. У водяного же сего волосы были золотистые, как у Агнете. И он не угрожал, речи его были полны любви и сожаления.

Но Господь укрепил силы Агнете. Она отказала ему, и водяной вернулся обратно в море.

У отца ее хватило как благоразумия, так и приданого, чтобы выдать ее замуж в другом месте, подальше от берега. Говорят, она больше никогда не была весела и вскоре умерла.

– Если то была христианская смерть, – сказал епископ, – то я не вижу вреда, причиненного кому-либо.

– Но ведь морской народ до сих пор там! – воскликнул ректор. – Рыбаки часто видят, как они со смехом плещутся в волнах. Не слабое ли то утешение для бедного труженика, ютящегося в покривившейся в хижине вместе с уродливой женой? И не внушает ли ему сие зрелище сомнение в справедливости Господней? А ежели другой водяной соблазнит другую деву, и на сей раз навсегда? Сейчас, когда дети Агнете и ее любовника выросли, это куда как вероятно. Они выходят на берег почти как к себе домой и заводят дружбу с некоторыми мальчиками и молодыми людьми – и, что еще хуже, даже с девочками.

Мой господин, это работа Сатаны! И если мы допустим, что вверенные нам души будут утеряны, что мы ответим в Судный день?

Епископ нахмурился и почесал подбородок.

– Ты прав. Но что, однако, мы можем испробовать? Если жители Элса уже свершили запретное, еще один запрет вряд ли подействует на них – рыбаки, я знаю, народ упрямый. А ежели мы пошлем гонца к королю за рыцарями и солдатами, как они спустятся на дно морское?

Магнус поднял палец.

– Мой господин, – страстно произнес он, – я изучал подобные вопросы и знаю, как справиться с этой заразой. Морские люди могут и не быть демонами, но даже существа без души должны умчаться прочь, ежели на них правильно возложить слово Господне. Получу ли я твое дозволение свершить экзорцизм?

– Получишь, – отозвался епископ дрогнувшим голосом. – Вместе с моим благословением.

Вот почему Магнус вернулся в Элс. Позади него громыхало доспехами еще более ратников, чем обычно, дабы не вводить поселян в искушение бунта. И все они смотрели, кто с жадностью ко всякой новизне, кто уныло, а кто и со слезами, как архидиакон собственноручно поплыл на лодке в море к месту над подводным городом. И там колоколом, священным писанием и свечой он мрачно проклял морской народ и приказал ему именем Господа убраться отсюда навеки.

2

Тауно, старший сын прекрасной Агнете и царя подводного города Лири, отсчитал свою двадцать первую весну. В его честь было устроено большое веселье с угощением, песнями и танцами. Беззаботная молодежь стайками порхала вокруг дворца, над ним и в глубине, между раковин, зеркал и золотых пластин, отражавших морское сияние, освещающее тронный зал. Были подарки, искусно изготовленные не только из золота, янтаря и кости нарвала, но и из жемчуга и кружевного розового коралла, доставленного издалека дельфиньими караванами. Были и состязания в плавании, борьбе, метании гарпуна и музыке, и любовные игры в полутемных комнатках без крыш (да и кто тут нуждался в крышах?) и в колышущихся садах бурозеленых водорослей, где метеорами проносились ручные рыбы.

Позднее Тауно отправился на долгую охоту. Хотя морской народ жил в глубинах моря, на сей раз он начал путешествие в основном из интереса, чтобы заново полюбоваться величием норвежских фьордов. С ним поплыли девушки Ринна и Ракси, как для своего удовольствия, так и желая доставить удовольствие Тауно. Вместе они совершили веселое путешествие, много значившее для Тауно, – среди беспечного морского народа он часто бывал серьезен и даже иногда впадал в хмурую задумчивость.

Компания направлялась домой, и впереди уже виднелся Лири, когда на них обрушилось проклятие.

– Вот он! – нетерпеливо воскликнула Ринна, завидев город, и бросилась вперед. Ее зеленые локоны заструились вдоль стройной белой спины. Ракси осталась возле Тауно. Она со смехом закружила вокруг него и, проплывая снизу, касалась пальцами его лица или чресел. Он принялся ловить ее с той же игривостью, но она всякий раз ускользала.

– Поймай! – дразнила она, подставляя губы для поцелуя, Тауно усмехался и вновь устремлялся к ней. Унаследовав форму ног от матери, полукровки не были столь быстрыми и ловкими в воде, как дети отцовской расы, но человек все равно ахнул бы, увидев их в движении. Дети Агнете охотнее выходили на берег, чем их двоюродные братья и сестры. Они от рождения были способны жить под водой без помощи чар, не дававших их матери умереть от удушья, соли или холода, а морским людям с прохладным телом нравилось обнимать их более теплые тела.

Над головой Тауно лучи солнца дробились в волнах, создавая крышу из мелкой ряби, отражающуюся на белом песке. Вода вокруг него переливалась всеми оттенками изумруда и аметиста, постепенно темнея в отдалении. Он ощущал, как она оmyвает его тело, отвечая любовной лаской на игру мускулов. Золотисто-бурые стебли ламинарии тянулись вверх с облепленных морскими уточками скал, колыхаясь от малейшего движения воды. На дне щелкал клешнями краб, чуть далее скользил в глубину тунец, бело-голубой и великолепный. Вода постоянно менялась: тут она была ледяной, там мягкой, тут бурлящей, а рядом спокойной, в ней таились тысячи всевозможных оттенков вкуса и запаха, недоступные чувствам живущих на берегу, а для тех, кто способен слышать, в ней раздавались кудахтанье, хихиканье, кваканье, треск, всплески и бормотание набегающих на берег волн, а вдобавок ко всему в каждом водовороте и журчании Тауно распознавал гигантские медленные шаги приливов.

Теперь он уже видел Лири вблизи: дома, из пучков водорослей на рамах из китового уса и китовых ребер, хрупкие и фантастически ажурные в этом мире малого веса, просторно раз-

бросанные среди садов из водорослей и анемонов; в середине дворец его отца, большой, древний, из камня и коралла нежных оттенков, украшенный резными фигурами рыб и морских животных. Столбам главных дверей была придана форма статуй лорда Эгира и леди Рэн, а перемычкой дверей служила фигура парящего альбатроса. Над стенами дворца возвышался хрустальный купол, соединенный с поверхностью моря. Царь построил его для Агнете, дабы она при желании могла побыть в сухости, подышать воздухом и посидеть у огня среди роз и всего прочего, что его любовь смогла раздобыть для нее на берегу.

В городе плавал и сутился морской народ – садовники, ремесленники, охотник, обучающий пару молодых тюленей, китовый пастух, покупающий в лавке новый трезубец, парень, влекущий за руку девушку в сторону мягко освещенной пещеры. Звенели бронзовые колокола, давным-давно снятые с затонувшего корабля, и звук их в воде был более чист, чем в воздухе.

– Эгей! – крикнул Тауно и рванулся вперед. Ринна и Ракси плыли по бокам от него. Все трое запели сочиненную Тауно Песнь Возвращения:

Здравствуй, мой город в зеленой воде.
Вот я вернулся, ведомый тоскою
Путник усталый, в приветный приют.
О чудесах я поведать вам чаю.
Так, на заре золотистые чайки...¹

Внезапно обе девушки закричали. Они зажали уши руками, закрыли глаза и слепо завертелись, отчаянно молотя ногами забурлившую воду.

Тауно увидел, что такое же безумие охватило весь город Лири.

– Что это? – в ужасе закричал он. – Что случилось?

Ринна застонала, терзаемая болью. Она не видела и не слышала его. Он схватил ее, она начала вырываться, и тогда Тауно с силой стиснул ее сзади ногами и одной рукой. Свободной рукой он ухватил ее длинные шелковистые волосы, не давая ей дергать головой, приблизил губы к ее уху и пробормотал:

– Ринна, Ринна, это я, Тауно. Я твой друг. Я хочу тебе помочь.

– Тогда отпусти меня! – вскрикнула она. Голос ее дрожал от боли и страха. – Все море наполнено звоном, он терзает меня, как акула, мои кости отделяются друг от друга – и свет, жестокое, ослепляющее сияние, он обжигает, обжигает... и слова... Отпусти меня, или я умру!

Потрясенный, Тауно отпустил девушку. Всплыв на несколько ярдов, он заметил колышущуюся тень рыбацкой лодки и услышал звон колокола... в лодке горел огонь, а чей-то голос распевал на незнакомом языке. И всего-то?

Дома подводного города содрогнулись как от землетрясения. Хрустальный купол над дворцом разбился и распался дождем из тысяч сверкающих осколков. Камни стен задрожали и начали вываливаться. И увидев, как рассыпается в прах то, что стояло с тех самых пор, как растаял Великий Лед, Тауно содрогнулся.

Он увидел, как вдалеке появился его отец верхом на касатке, имевшей отдельное заполненное воздухом помещение во дворце, которую никто другой не посмел бы оседлать. Царь имел при себе только трезубец и был облачен лишь в собственное достоинство и величие, но каким-то образом все расслышали его голос:

– Ко мне, народ мой, ко мне! Быстрее, пока все мы не умерли! Не спасайте других сокровищ, кроме детей своих – скорее, скорее, скорее, если вам дорога жизнь!

---

¹ Здесь и далее стихи в переводе Кирилла Королева. (Примеч. перев.)

Тауно тряс Ринну и Ракси, пока они немного не пришли в себя, и велел им присоединиться к остальным. Царь, разъезжая вокруг и собирая воедино свой объятый ужасом народ, успел лишь хмуро сказать ему:

– Ты, полусмертный, чувствуешь это не более чем мой конь. Но для нас эти воды отныне запретны. Для нас свет будет сверкать, колокол греметь, а голос – произносить проклятия до самого Конца Света. Мы должны спастись бегством, пока у нас еще есть силы, и искать новый дом очень и очень далеко отсюда.

– Где мои братья и сестры? – спросил Тауно.

– Они далеко от города, – ответил царь. Его голос, только что гремевший, стал мрачным и безжизненным. – Мы не можем их дожидаться.

– Зато я могу.

Царь сжал ладонями плечи сына.

– Я рад этому. Эйян и Ирии нужен кто-то постарше Кеннина, дабы опекать их. Мне неведомо, куда мы направимся – быть может, вы позднее отыщете нас, а быть может... – Он потряс своей золотой гривой, и лицо его исказилось мукой. – Уходим отсюда! – крикнул он.

Оглушенные, потрясенные, обнаженные, почти без инструментов или оружия, люди моря последовали за своим повелителем. Тауно застыл на месте, стиснув рукоятку гарпуна, пока они не скрылись с глаз. Рухнули последние камни царского дворца. Лири превратился в развалины.

3

За восемь прожитых в море лет прекрасная Агнете родила семерых детей. Это было меньше, чем родила бы за такое же время русалка, и, возможно, невысказанное презрение морских женщин не в меньшей мере помогло ей вернуться на землю, чем притягивавший ее вид бревенчатых домиков с тростниковыми крышами или колокола маленькой церкви.

Хотя морской народ, подобно прочим нелюдям, не знал смерти от старости (словно тот, чье имя они не произносили, подобным образом возместил им отсутствие бессмертной души), жизнь его имела и суровую сторону. На них охотились акулы, косатки, кашалоты, скаты, морские змеи и десяток разных видов хищных рыб; те же существа, на которых охотились они сами, тоже зачастую были опасны. Коварство ветра и волн могло стать для них смертельным, равно как и ядовитые зубы и шипы. Холод, слабость и голод уносили многих, особенно в юном возрасте, и они были вынуждены считаться с тем, что выживают лишь немногие из родившихся детей. Королю повезло – возле его дома было лишь три могилы, на которых никогда не позволяли умереть морским анемонам.

Четверо его оставшихся детей встретились среди руин Лири. Их окружал хаос обломков дворца, а в отдалении виднелись остатки домов поменьше. Сады уже начали увядать, стада рыб – разбегаться, а крабы и омары копошились в кладовых, словно слетевшиеся к трупу на берегу вороны. Местом их встречи оказался участок перед главными дверями дворца. Увенчивавший их ранее альбатрос лежал с разбитыми крыльями, статуя лорда Эгира упала лицом вниз, а над ней возвышалась улыбающаяся статуя леди Рэн, некогда завлекавшей мужчин в свои сети. Вода сильно похолодела, а поднятые штормом волны пели городу Лири поминальную песнь.

Дети подводного царя были обнажены, как это принято у морского народа кроме тех дней, когда начинаются фестивали, – зато у каждого имелся нож, гарпун, трезубец и топор из камня или кости, дабы отгонять прочь те опасности, что уже кружили в отдалении, все теснее смыкая кольцо. Никто из них не выглядел в точности как морской житель, но старших троих отличали высокие скулы, раскосые глаза и безбородость их отца. Хотя мать и научила их датскому языку и некоторым датским обычаям, все они сейчас разговаривали на языке морского народа.

Тауно, старший среди них, заговорил первым:

– Мы должны решить, куда держать путь. Смерть было трудно удерживать на расстоянии еще тогда, когда с нами был весь наш народ. Мы не сможем долго справляться с ней в одиночку.

Он был также и самый крупный из них, высокий, широкоплечий, с мощными от постоянного плавания мускулами. Длинные, до плеч, волосы, стянутые украшенной бисером ленточкой, были у него желтыми с едва заметным оттенком зелени, янтарные глаза расходились широко по обе стороны тупого носа и располагались высоко над тяжелыми ртом и челюстью. Кожа его покрылась загаром от частого пребывания на поверхности или на берегу.

– Почему бы нам не отправиться вслед за отцом и всем племенем? – спросила Эйян.

Ей было девятнадцать зим. Она тоже была высока для женщины и сильна силой, таящейся под четкими изгибами груди, талии и бедер до тех пор, пока она не начинала крепко обнимать возлюбленного или метать острогу в развалившегося на берегу моржа. Кожа у нее была самой белой из всех детей Агнете, а рыжие волосы крыльями разлетались по обе стороны смелого сероглазого молодого ястребиного лица.

– Нам неведомо, куда они отправились, – напомнил ей Тауно. – Место это должно находиться далеко, ведь наш город стоял там, где были последние возле всей Дании хорошие рыбные угодья. И хоть морской народ, живущий в Балтийском море или вдоль побережья Норвегии, и сможет помочь им в пути, для всего населения Лири постоянного места нигде нет. Моря очень широки, сестра, и искать придется долго.

– Но мы, конечно же, сможем спросить, – нетерпеливо произнес Кеннин. – Когда они примут решение, то обязательно попросят кого-нибудь передать нам весточку. – В его глазах вспыхнул огонек, сделав их летнюю голубизну еще ярче. – Ха-а-а, вот подвалил случай побродить по свету!

Кеннину было шестнадцать зим, и ему только предстояло возмужать и ощутить, как угасает юношеский пыл. Он еще не вырос полностью, но видно было, что ему не стать ни высоким, ни широкоплечим. С другой стороны, по своему проворству он был ближе к морскому народу, чем его брат и сестры. У него были зеленовато-русые волосы, круглое и веснушчатое лицо, а тело раскрашено самыми яркими узорами, известными обитателям моря. На остальных украшениях и орнаментов не было – Тауно находился в слишком подавленном настроении, Эйян всегда насмеялась над тем, скольких хлопот требует раскраска, а Ирия просто была застенчива.

– Как вы можете шутить... – прошептала Ирия, – когда... когда никого больше нет?

Братья и сестра подплыли к ней поближе. Для них она до сих пор оставалась ребенком, оставленным в колыбели матерью, на которую она все больше и больше начинала походить. У нее было маленькое худое тело с едва намечающимися грудями, золотистые волосы и огромные глаза над вздернутым носиком и слегка приоткрытыми губами. Она сторонилась шумных пирушек столь долго, сколь это было пристойно для дочери царя, и еще ни разу не уединялась с мальчиком, проводя каждый день долгие часы в куполе своей матери, перебирая некогда принадлежавшие Агнете сокровища. Она часто лежала на волнах, разглядывая зеленые холмы и дома на берегу, прислушиваясь к колоколам, созывающим христиан на молитву, а ближе к вечеру выбиралась на берег с кем-нибудь из братьев и бегала в сумерках по пляжу или за искривленными ветром деревьями, а при появлении людей безмолвной тенью затаивалась в вереске.

Эйян быстро и крепко обняла ее.

– В твоих жилах слишком много нашей смертной крови, – сказала старшая сестра.

Тауно нахмурился.

– И в этом ужасная правда, – сказал он. – Ирия слаба. Она не сможет плыть быстро или далеко без отдыха и пищи. Что, если на нас нападут морские звери? Что, если зима застанет нас вдали от теплого мелководья или же беглецы из Лири отправились в Гренландию? Не представляю, как мы сможем взять ее в любое путешествие.

– А нельзя ли оставить ее кому-нибудь на воспитание? – спросил Кеннин.

Ирия сжалась в объятиях Эйян.

– О нет, нет, – взмолилась она так тихо, что они едва ее расслышали.

Кеннин покраснел, осознав свою глупость. Тауно и Эйян переглянулись поверх вздрагивающей и согбенной спины сестры. Почти никто из морских людей не согласился бы взять к себе слабую девочку, когда и у сильных хватает неприятностей в заботах о себе. Если им и повезет, то люди сделают это без особого желания. У них не было реальной надежды отыскать сородича, пожелавшего бы взять ребенка с той же охотой, с какой их отец пожелал бы взрослую девушку, да и не нашлось бы для ребенка нужной ласки.

Тауно пришлось собрать все свои силы, прежде чем произнести решение:

– Я считаю, что перед уходом нам нужно отдать Ирию народу ее матери.

4

Старого священника Кнуда разбудил стук в дверь. Он выбрался из-за полога кровати, нащупал в темноте рясу – подернутые пеплом угли в очаге почти не давали света – и на ощупь добрался до двери. Все кости его ныли, а зубы стучали от холода ранней весны. Кто бы это мог быть, кроме смерти, недоумевал Кнуд. Он уже пережил всех своих товарищей по детским играм...

– Иду, Господи, уже иду.

Недавно взошедшая полная луна отбрасывала ртутную дорожку на пролив Каттегат и заливала призрачным светом иней на крышах домов, но две перекрещенные улицы Элса были погружены в густую тень. На ночь земли вокруг деревушки превращались во владения волков и троллей. Странно молчаливыми, словно боялись лаять, были и собаки, а вся ночь настолько тихой, что можно было расслышать малейший шорох. Что там за глухой стук? Копыто? Не Адский ли Конь пасется среди могил?

Окутанные облаком своего дыхания, перед ним стояли четверо. Отец Кнуд ахнул и перекрестился. Он никогда не видел водяных – кроме того, что заходил в церковь, – разве что издалека в молодости, ставшей теперь лишь чудесным сном. Но кем же еще могли они быть? Лица высокого мужчины и женщины были вылеплены не по людской форме, у мальчика не так явно, а маленькая девочка почти не отличалась от человека. Но на ней тоже блестела вода, капающая с накидки из рыбьей кожи, и она тоже сжимала гарпун с костяным наконечником.

– Вы... вы должны были уйти, – пробормотал священник. Его голос в морозной тишине прозвучал пискляво.

– Мы дети Агнете, – сказал крупный молодой мужчина. Он говорил по-датски с ритмичным акцентом, воистину, мелькнуло в голове у Кнуда, заморским. – Заклинание не коснулось нас.

– Не заклинение – святой экзорцизм... – Кнуд призвал на помощь Господа и расправил узкие плечи. – Умоляю вас, не гневайтесь на селян. Они не сами это сделали и не желали этого.

– Знаю. Мы спрашивали... друга... о том, что произошло. Не бойтесь. Скоро мы уйдем. Но сперва хотим отдать вашим заботам Ирию.

Священник прибодрился, услышав эти слова, а заодно и разглядев, что голые ноги гостей имеют людскую форму и не оставляют глубоких следов из-за огромного веса тел. Он пригласил всех войти. Четверо переступили порог, морща носы как при виде застарелой грязи, так и от запахов, царивших в единственной комнатке дома, каким мог похвастать священник. Тот раздул огонь, поставил на стол хлеб, соль и пиво, дождался, пока гости усядутся на скамью, и сам сел на стул, готовясь к разговору.

Он оказался долгим, но закончился добром. Отец Кнуд пообещал сделать для девочки все, что в его силах. Братья и сестра немного задержатся, чтобы в этом убедиться, а он должен каждый вечер отпускать Ирию на берег для встречи с ними. Священник умолял их остаться на берегу и принять крещение, но они отказались. Потом они поцеловали сестру и ушли. Она плакала, беззвучно и безнадежно, пока не уснула. Священник перенес ее на постель, а сам застелил скамью тем, что нашлось в доме.

На следующий день настроение Ирии улучшилось, и с каждым новым днем она становилась все веселее, пока к ней не вернулась прежняя живость. Ребенок Агнете держался отчужденно, боясь признать, что в ней течет чужая кровь, но отец Кнуд проявил к ней всю ту доброту, которую позволяла его бедность. Помогали ему в этом и принесенные из моря дары из рыбы и устриц. Для девочки земля оказалась столь же новой и необыкновенной, как сама она для деревенских детей. Вскоре ее уже окружала шумная стайка резвящихся ребятишек. Что до работы, то она ничего не знала о ремеслах людей, но желала им научиться. Марен Педерсдаттер попробовала обучить ее работе за ткацким станком и сказала, что девочка может стать незаурядной мастерицей.

Тем временем священник послал в Виборг молодого гонца, спрашивая, что следует делать с девочкой и можно ли крестить полукровку. Он молился, дабы ему позволили сделать это, потому что иначе не представлял, что станет с его бедной любимицей. Посланник не возвращался несколько недель – должно быть, в епархии перерывали все книги. Наконец он вернулся, на этот раз на коне, сопровождаемый стражниками, церковным секретарем и самим ректором.

Кнуд рассказал Ирии о христианстве и Господе, и она выслушала его в молчании, широко раскрыв глаза. Теперь же архидиакон Магнус встретился с ней в доме священника.

– Истинно ли веруешь ты в единого Бога – в Отца и Сына, который есть наш господин и спаситель Иисус Христос, и Святого Духа, исходящего из них? – рявкнул он.

Она вздрогнула от его суровости.

– Верую, – прошептала она. – Я не очень хорошо все это понимаю, но все равно верую, добрый господин.

После последующих расспросов Магнус сказал Кнуду:

– От ее крещения не будет вреда. Она не неразумная дикарка, хотя и сильно нуждается в более тщательном обучении перед конфирмацией. Ежели она окажется приманкой дьявола, святая вода разоблачит ее; ежели она просто не имеет души, то Господь подаст нам знак, и мы поймем это.

Крещение было назначено на воскресенье после мессы. Архидиакон дал Ирии белые одеяния и выбрал для нее имя святой. Она стала меньше его бояться и согласилась провести субботнюю ночь в молитвах. В пятницу вечером, переполненная нетерпением, она попросила сестру и братьев прийти на службу – священник, конечно же, дал позволение в надежде обратиться и их – и заплакала, когда они отказались.

И вот в ветреное утро, когда по небу плыли клочковатые белые облака, а в море плясали гребни небольших волн, перед жителями Элса, собравшимися в деревянной церкви, у подножия модели корабля, висевшей в приделе, и перед распятием над алтарем она преклонила колени, и отец Кнуд совершил над ней и ее крестными родителями ритуал, перекрестил ее и радостно произнес:

– Окрещиваю тебя и нарекаю Маргрете, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Девочка закричала, и ее худое тельце рухнуло на пол. С церковных скамей донеслись аханье и хриплые возгласы, кто-то вскрикнул. Священник наклонился, в спешке позабыв о своей больной негнувшейся спине, и прижал девочку к себе.

– Ирия! – произнес он с дрожью в голосе. – Что с тобой?

Тяжело дыша, она обвела церковь ошеломленным взглядом.

– Я... Маргрете, – сказал она. – Кто ты такой?

Ректор Магнус навис над ними.

– А ты кто такая?

Кнуд поднял на архидиакона полные слез глаза.

– Неужели у нее воистину нет души? – всхлипнул он.

Магнус показал на алтарь.

– Маргрете, – произнес он с таким металлом в голосе, что все прихожане мгновенно стихли. – Смотри сюда, Маргрете. Кто это?

Она взглянула туда, куда указывал его узловатый палец, поднялась на колени и перекрестилась.

– Это наш господин и спаситель Иисус Христос, – почти твердо произнесла она.

Магнус воздел руки. Он тоже заплакал, но от триумфа.

– Смотрите, свершилось чудо! – крикнул он. – Благодарю тебя, всемогущий Господь, что ты позволил мне, ничтожнейшему из грешников, лицезреть сей знак неизреченной милости твоей. – Он повернулся к прихожанам: – На колени! Молитесь Ему! Молитесь!

Позднее, оставшись наедине с Кнудом, он уже более спокойно пояснил:

– Епископ и я думали, что может случиться нечто подобное, особенно потому, что в послании твоим было сказано, что святые картины не отвернули от нее свои лики. Понимаешь, у полукровок воистину нет души, хотя тела их, без сомнения, не стареют. Но Господь возжелал получить даже таких. Через святой обряд крещения Он дал ей душу, как дает ее зашевелившемуся во чреве матери младенцу. Теперь она стала полностью человеком, смертной во плоти, но с бессмертной душой. И нам надлежит приложить все старания, дабы не утерjala она души своей и спасла ее.

– Но почему она ничего не помнит?

– Потому что родилась заново. Она сохранила датский язык и все прочие человеческие умения, которыми обладала; но все, что любым образом связывало ее с прежней жизнью, покинуло ее. Наверняка это тоже милость небес, иначе Сатана воспользовался бы ее тоской по дому, чтобы отбить от стада невинную овечку.

Но старик был больше встревожен, чем обрадован.

– Ее сестре и братьям сие не понравится.

– Я знаю, что с ними сделать, – сказал Магнус. – Пусть девочка встретится с ними на берегу перед теми семью низкими и кривыми деревьями. Их ветви укроют моих людей с взведенными арбалетами...

– Нет! Никогда! Я не соглашусь! – судорожно сглотнул Кнуд, зная, сколь жалок его авторитет в глазах архидиакона. Все же он уговорил Магнуса не устраивать засады. Полукровки и так скоро уйдут. А как подействует на новую душу Маргрете то, что первым ее воспоминанием будет пролитая кровь?

И посему священники велели солдатам стрелять лишь в том случае, если им будет приказано. Они поджидали за деревьями в холодных, ветреных сумерках. У кромки воды смутно виднелась развевающаяся белая одежда удивленной, но послушной Маргрете. Пальцы ее перебирали четки.

В шелесте листьев и плеске прибоя послышался новый звук. Прямо перед ними из воды вышли высокий мужчина, высокая женщина и юноша. Сразу было видно, что они обнажены.

– Бесстыдство, – гневно прошипел Магнус.

Мужчина произнес что-то на незнакомом языке.

– Кто ты? – спросила Маргрете на датском и шагнула назад. – Я тебя не понимаю. Что ты хочешь?

– Ирия. – Женщина протянула вперед мокрые руки. – Ирия. Что они с тобой сделали? – произнесла она на ломаном датском.

– Я Маргрете, – ответила девочка. – Они сказали мне... Я должна быть смелой... Кто вы? И что вы?

Юноша взревел и прыгнул к ней. Она подняла крест.

– Именем Господа, изыди! – в ужасе завопила она.

Юноша не подчинился, но остановился, когда его удержал брат. Высокий мужчина судорожно вдохнул.

Маргрете повернулась и побежала через дюны к деревне. Ее сестра и братья немного постояли, недоуменно и тревожно переговариваясь, и вернулись в море.

5

Остров, который люди называют Лесё, находится в четырех лигах к востоку от северной оконечности Ютландии. Песчаный, поросший вереском, продуваемый ветрами с проливов Скагеррак и Каттегат, он почти необитаем, но все же стоящие на нем маленькие церкви навсегда отогнали от него морской народ. А были времена, когда он, называясь Хлесей – то есть «остров Хлея», языческого бога Эгира на языке морских обитателей, – служил важнейшим местом сборов всех морских племен. Однако христианские священники колоколами, священными книгами и горящими свечами давно уже изгнали из тех мест своих языческих соперников.

Но чуть ниже Лесё, подобно китенку возле матери, притулился островок Хорнфискрон: чуть крупнее рифа, всего пол-лиги из конца в конец, с чахлыми полянками вереска. На нем никто никогда не жил, поэтому изгонять из его окрестностей языческую ересь тоже никому в голову не приходило. Возле островка сохранилось еще достаточно древней власти морского бога, поэтому морской народ мог приближаться к нему с юга и выходить на берег.

Титер Ванимен, царь города Лири, привел сюда свое племя в день, когда с запада приближался дождь. Путь отнял у них больше времени, чем потребовалось бы здоровому взрослому, потому что среди них оказалось немало детей. К тому же столь большая группа путешественников не могла по дороге питаться достаточно хорошо, и голод вскоре ослабил каждого.

Выбравшись на берег, они сразу ощутили пронизывающие порывы ветра, жалищие удары первых капель дождя. Вскоре он гулким водопадом обрушился с небес, стальные пенногневные волны с рычанием бились о берег. На западе висела грозовая туча, испещренная руническими зигзагами молний, небо на востоке затягивала низкая дымка.

Ванимен, царапая плавники ног о грубый песок, взошел на самую высокую из оказавшихся поблизости дюн и стал ждать, пока его спутники рассядутся вокруг. Держа в руке трезубец – символ царской власти, – он подбодрял их своим величественным видом. Он был крупнее большинства соплеменников, под снежно-белой кожей скульптурно бугрились мускулы, а шрамы на ней напоминали о многих прожитых веках и бесчисленных жестоких схватках, которые ему довелось выиграть. Мокрые золотистые волосы ниспадали на плечи, окаймляя лицо, очень похожее на лицо Тауно, только глаза у царя были цвета морской зелени. В них читались спокойствие, сила и мудрость.

Но то была лишь маска на лице Ванимена. Утратив надежду, они были обречены. Потрясенные случившимся, соплеменники теперь во всем полагались только на царя.

«Воистину на меня одного», – подумал Ванимен. Чем дольше он жил, тем более одиноким становился. Очень немногие морские люди доживали до его лет, а в Лири это не удалось никому другому – всех рано или поздно что-то губило, и чаще рано, чем поздно, если только житель моря не отличался особым умением или удачливостью. Никого из друзей его детства уже не осталось в живых, а первая возлюбленная уже сотни лет как превратилась в сладостное воспоминание. Пусть ненадолго, но он отважился поверить, что с Агнете он обретет то, что смертные называют счастьем, но слишком ясно сознавал, что продлится оно лишь крат-

кое мгновение, пока тело ее не постареет, а жизнь – короткая, как у всех людей, – не угаснет. Он надеялся, что хотя бы в ее детях сохранится для него толика прежнего счастья. (А самое, наверное, горькое – он более не сможет ухаживать за могилами трех умерших детей.) Остались Тауно, унаследовавший и превзошедший поэтический дар отца; Эйян с ее здоровой красотой; подающий большие надежды Кеннин; доверчивая Ирия, схожая обликом с матерью, – но их уже нет рядом, и сумеют ли они отыскать родное племя в морских просторах?

«Нельзя поддаваться слабости», – вспомнил Ванимен. И, напрягшись всем телом, он заставил себя позабыть о скорби и обзрел свой народ.

Их осталось около четырнадцати десятков. Вероятно, население бывшего Лири впервые кто-либо удосужился пересчитать, и даже сегодня подобная мысль пришла в голову лишь Ванимену. Его долгая жизнь, все возрастающий груз жизненного опыта и ответственности постепенно лишили царя присущей его расе беззаботности, а взамен научили свойственной людям задумчивости.

Среди беженцев более половины оказались детьми (еще несколько умерли по дороге). Они жались к матерям – кто-то сосал грудь, кто-то из только начинающих ходить карапузов укрывался за телом матери от непогоды, и даже дети постарше, с уже вытянувшимися руками и ногами, по привычке цеплялись за пряди материнских волос, широко распахнутыми глазами вглядываясь в мир, ставший внезапно суровым и странным... Взрослые мужчины и бездетные женщины держались чуть в стороне. Среди морского народа об отцовстве обычно можно было только гадать, да ему никто и не придавал особого значения. Отпрысков обычно воспитывала мать, возлюбленные матери, которых она к тому времени заводила, ее подруги и любовники подруг – словом, все племя.

Так поступали все кроме, разумеется, Агнете... Как старалась она привить своим детям чувство того, что полагала правильным и достойным! После ее ухода Ванимен рассказал им все, что знал о нравах и обычаях жителей суши; в конце концов, за свою долгую жизнь он повидал немало. Теперь он гадал, помогут ли им его рассказы хоть чем-нибудь.

Воспоминания воспоминаниями, но встревоженные лица соплеменников сейчас обращены к нему. И они должны услышать нечто более существенное, чем завывание ветра.

Он наполнил легкие воздухом, и его мощный голос услышали все:

– Жители Лири, которого больше нет! Здесь мы должны решить, куда нам направиться дальше. Мы все умрем, если начнем бесцельно скитаться. Но в местных водах все известные нам места, способные прокормить нас, или запретны для морских людей, или уже стали домом для наших сородичей. Так куда нам теперь податься?

– А зачем нам вообще искать побережье? – с легкой язвительностью бросил один из юношей. – Я неделями прекрасно кормился в открытом море.

Ванимен покачал головой:

– Но ты не сможешь жить так годами, Хайко. Где станешь ты отдыхать, где укрываться? Где построишь дом или найдешь для него материалы? Да, мы можем укрыться в глубинах, но ненадолго – там слишком холодно, темно и пустынно, а все, принесенное с отмелей и рифов, покрывается слизью. Лишившись жилища, утратив, как сейчас, оружие и инструменты, мы станем просто животными, куда менее приспособленными к жизни, чем акулы и косатки, которые станут на нас охотиться. Ты погибнешь, но еще раньше погибнут дети – надежда нашего племени. Нет, нам, как и нашим двоюродным родственникам тюленям, суша и воздух нужны не меньше, чем вода.

А огонь, подумал он, пусть остается людям.

Впрочем, он слышал и о карликах-гномах, но даже мысль о жизни под землей заставила его содрогнуться.

Тут заговорила худая женщина с голубыми волосами:

– Ты уверен, что мы не сможем отыскать себе какое-нибудь место поблизости? Я как-то переплыла Финский залив. Его дальняя оконечность богата рыбой, а наших соплеменников там нет.

– А ты никогда не спрашивала почему, Мейива? – ответил Ванимен.

– Хотела спросить, но вечно забывала, – сказала она, немного удивившись.

– Эх, беззаботность наша, – вздохнул Ванимен. – А я это *узнал*. И едва не погиб. А потом несколько лет мучился от кошмарных снов.

В обращенных на Ванимена глазах соплеменников мелькнула искра интереса – такой рассказ все же лучше, чем тупое отчаяние.

– Живущие в тех краях смертные называются русы, – заговорил царь. – Это совсем другой народ, не похожий на датчан, норвежцев, шведов, финнов, леттов, лапландцев и других. И существа полумира, делящие с ними эти земли, тоже... иные: одни дружественны нам, другие злобны, а третьи воистину ужасны. С водяным мы бы еще договорились, но вот русалка... – Воспоминание оказалось холоднее ветра и густеющего дождя и заставило Ванимена вздрогнуть. – Похоже, там в каждой реке обитает русалка. У нее облик девы, говорят, каждая из них была девой, пока не утонула; они заманивают мужчин на дно реки и жутко мучают своих пленников. Меня тоже заманили, лунной ночью во время прилива, и я испытал и увидел такое... словом, я спасся, бежал. Но мы не сможем жить вблизи столь зловещих берегов.

В наступившей после его слов тишине слышался лишь шелест дождя. Из мира исчезли краски, глазу виделся лишь серый полумрак. Неподалеку полыхнула молния, под невидимыми небесами прокатился гром.

Наконец пожилой мужчина – родившийся во времена, когда Данией правил Харальд Синий Зуб, – заговорил:

– Я размышлял над этим, когда мы плыли сюда. Если мы не сможем присоединиться к нашим соплеменникам все вместе, то почему бы не сделать этого по двое или трое в разных местах? Полагаю, они не откажутся разделить с нами трапезу мира. И могут даже обрадоваться новизне, которую мы принесем с собой.

– Для некоторых это может стать выходом, – неохотно признал Ванимен. Он ждал подобных слов. – Но не для большинства. Вспомните, как мало осталось поселений морского народа. Мы последние, кто обитал у датских берегов. Не думаю, что наши сородичи смогут принять нас всех, не пострадав при этом. И уж, конечно, вряд ли им захочется кормить наших малышей долгие годы, пока они сами не научатся добывать пищу для всех.

Он выпрямился во весь рост, насколько позволяла буря.

– Не забывайте и того, – громко произнес он, – что *мы* жители Лири. У нас одна кровь, обычаи, воспоминания, все то, что делает нас теми, кто мы есть. Так захотите ли вы расстаться со своими друзьями и возлюбленными, позабыть старые песни и никогда не услышать новые, позволите ли вы Лири ваших предков – тех предков, что основали его во времена, когда отступил Великий Лед, – умереть, словно он никогда не существовал?

Разве не должны мы помогать друг другу? Неужели вы хотите, чтобы стали правдой слова христиан о том, что морской народ не умеет любить?

Соплеменники пристально разглядывали царя сквозь завесу дождя. Несколько детей заплакали. Наконец Мейива сказала:

– Я знаю тебя, Ванимен. У тебя есть план. Поделись им с нами.

План... У Ванимена не было власти приказывать. Лири избрал его царем после того, как кости его предшественника отыскались на рифе с гарпуном, торчащим между ребер. Он считался вождем во время довольно редких собраний общины. Он рассуживал споры, но лишь желание сохранить всеобщее уважение могло заставить проигравшего подчиниться его решению. Он говорил за всех своих подданных, общаясь с другими племенами, но необходимость

в этом возникала редко. Он руководил воплощением замыслов, требовавших усилий всей общины.

Но важнейшие его обязанности выходили за рамки традиций. Ему полагалось быть сосудом мудрости, советником юных и попавших в беду, хранителем и учителем. Оберегая талисманы, зная чары, он охранял благополучие Лири от морских монстров, злой магии и мира людей. Он общался с могучими Силами... и даже был гостем самой Ран...

В награду за это он обитал во дворце, а не в простом доме рядового горожанина; все его потребности, если он не желал охотиться сам, удовлетворялись; ему приносили восхитительные дары (но и от него ждали гостеприимства и щедрости); его высоко чтили в племени, народ которого не имел склонности к почитанию.

Теперь все эти награды, не считая разве что последней, превратились в воспоминания, оставив ему лишь тяжкое бремя ответственности.

– Здешние воды – еще не весь мир, – сказал Ванимен. – В молодости я много путешествовал, подобно некоторым нашим соплеменникам. На западе я добирался до Гринланда и там, от морского народа и от людей, услышал о землях, лежащих еще далее. Ни смертные, ни наши соплеменники сами не бывали там, но весть о тех землях правдива – дельфины подтвердили ее мне. Многие из вас наверняка помнят, как я иногда упоминал о ней. Там найдутся великолепные мелководья и пляжи, о которых христианский мир даже не подозревает, и потому не имеет над ними власти. Ежели мы отправимся туда, они станут нашими – их просторы, жизнь и красота, свобода и мир.

От удивления все заговорили разом. Голос Хайко первым перекрыл общий шум:

– Ты сам только что убеждал, что нам не выжить в открытом море. Разве сможем мы – особенно молодые, и большинство взрослых – пережить столь долгое плавание? Как раз из-за этого никто из нашего народа и не живет в тех краях!

– Верно, верно. – Король поднял трезубец. Воцарилась тишина. – Но послушайте и меня, – сказал он. – Я тоже над этим размышлял. Мы смогли бы добраться до тех мест, не потеряв никого или почти никого, если бы по дороге имелись острова, где мы могли бы отдохнуть, укрыться от непогоды и привести себя в порядок. Разве не так? А что вы скажете о плавучем острове, который отправится в путь вместе с нами? О корабле?

Люди в долгу перед нами за зло, причиненное нам, никогда не причинявшим зла им. И я говорю: давайте захватим их корабль и направим его к западным землям – к новому миру!

* * *

Ко времени вечернего прилива шторм унесся прочь, унеся с собой и разногласия, вспыхнувшие среди морского народа. Пропорив несколько часов, они согласились в Ванименом. Большинство легло спать, свернувшись между дюнами, а несколько охотников отправилось за пищей для остальных.

Ванимен уже в который раз обходил островок вместе с Мейивой. Близкие друг другу, они часто были любовниками до и после Агнете. Менее ветреная и капризная, более чуткая, чем остальные, Мейива умела наполнить радостью сердце Ванимена.

Небо на востоке превратилось в фиолетово-голубую колыбель для ранних звезд, полыхая на западе красным, пурпурным и горячим золотом. Плеск едва отсвечивающих волн убаюкивал. Воздух был тих и мягок, пахнул водорослями и морской далью. Вечер манил позабыть о голоде, усталости, врагах и насладиться часом надежды.

– Ты искренне веришь, что такое возможно? – спросила Мейива.

– Да, – убежденно ответил царь. – Я ведь рассказывал тебе, как много раз тайком пробирався в тот порт, последний раз совсем недавно. Возможно, нам придется затаиться, дожидаясь удачного момента. Но сейчас, как мне кажется, ожидание не затянется – в город приплывает

много торговцев. Никто не осмелится преследовать нас ночью, а к рассвету мы окажемся уже далеко, и отыскать нас не смогут.

– А умеешь ли ты управлять кораблем? – засомневалась она. – Об этом мы сегодня не говорили.

– Да, но немного. Кое-что подсмотрел сам, что-то узнал от людей – у меня время от времени бывали друзья среди них, помнишь? Но мы сможем научиться. Ничего опасного нам не грозит – море просторно. Да и торопиться нам некуда. Потому что у нас *будет* свой остров. Мы сможем по очереди отдыхать на нем, поэтому нам потребуется меньше пищи и мы сумеем поддержать силы охотой. К тому же, в отличие от людей, нам не нужен запас пресной воды, а путь в море нам отыскать куда проще, чем им. Простая уверенность, что впереди нас ждет земля, к которой мы стремимся, а не просто изрытый волнами берег какого-то неизвестного залива, – одно это станет тем отличием, что спасет нас.

Его взгляд поднялся от песка к мерцанию заката над западным горизонтом.

– Не знаю, жалеть мне сыновей Адама или же завидовать им, – негромко произнес он. – Не знаю.

Мейива взяла его за руку.

– Тебя как-то странно влечет к ним, – сказала она.

Ванимен кивнул:

– Да, и с годами все больше и больше. Я никому об этом не говорил, потому что кто сможет понять меня? И все же я чувствую... не знаю... что Творение создало нечто большее, чем нас – игривых и блистающих. И не важно, что у людей есть бессмертные души. Мы всегда считали это слишком низкой ценой за жизнь на берегу. Но хотел бы я знать, – его свободная ладонь сжалась, лицо нахмурилось, – что они имеют в этой жизни, здесь и сейчас, среди всей своей нищеты? Что мелькает в их краткой жизни такого, чего нам никогда не дано увидеть?

* * *

Порт Ставангер на юге Норвегии дремал под ущербной луной. Ее свет изломанным мостиком пересекал фьорд, в котором холмиками темнели островки, серебрил черепицу крыш, смягчал камни кафедрального собора и оживал в его окнах и превращал улицы под навесами домов в ущелья чернильного мрака. Касался он и носовых фигур и мачт стоящих у причала кораблей...

На одном из них, возле кормовой надстройки, свет свечи пробивался сквозь тонкую роговую пластинку, заменявшую в фонаре стекло. Корабль приплыл из ганзейского города Данцига: одномачтовый как шлюп, но длиннее и шире – такие недавно появившиеся корабли прозвали корытами. При свете дня наблюдатель бы увидел, что его обшитый внакрой² корпус кирпично-красного цвета, с белым и желтым ободком.

Бесшумно подплывающих морских людей выдавала только подсвеченная луной рябь на воде. Они не испытывали ни холода, ни страха – охотники вышли на охоту.

Ванимен вел их к цели. Через высокий борт он перебраться бы не смог, но еще ранним вечером он вышел на берег и украл все необходимое. Подброшенный крюк уцепился за борт, с него свисала веревочная лестница. Ванимен полез наверх.

Но как ни тихи были его движения, слабый шум все же достиг ушей вахтенного. (Экипаж давно уже проводил время в тавернах и харчевнях на берегу.) Моряк спустился с кормовой

---

² Обшитый внакрой – морской термин, означающий, что доски обшивки перекрываются, подобно черепице. Существует также обшивка вгладь, когда доски плотно прилегают друг к другу ребрами, как паркет или дощатый пол. (Здесь и далее примеч. перев.)

надстройкой, держа пик и фонарь. Его свет тускло блеснул на стали, высветил седые пряди в бороде – моряк оказался далеко не юноша, грузный и неповоротливый.

– Кто идет? – крикнул он по-немецки, но, увидев фигуру, шагнувшую к нему из темноты, взвыл от ужаса: – О, Иисус, спаси меня! Спаси, спаси...

Ванимен не мог позволить ему разбудить весь порт. Сорвав висящий через плечо трезубец, он до упора всадил его в живот моряка, пронзив печень. Хлынула кровь. Моряк рухнул на палубу, корчась от боли.

– Иоганна, Петер, Мария, Фридрих... – прохрипел он. Имена жены и детей? Отыскав глазами Ванимена, он приподнял руку. – Да проклянет тебя за это Господь, – услышал Ванимен. – Святой Михаил, тезка мой, ангел-воин, отомсти...

Ванимен вонзил зубец в глаз – прямо в мозг, – моряк стих. По лесенке на палубу торопливо лезли морские люди. На слова моряка они не обратили внимания – кроме царя никто из них не знал немецкого. Ванимен постоял немного, скорбя о содеянном, потом толкнул труп за борт и начал командовать на корабле.

Задача оказалась не из легких, потому что моряки из его соплеменников получились никудышные. Их неуклюжие действия и топот наверняка достигли чьих-то ушей на берегу, и все были готовы сражаться, если возникнет необходимость. Но никто из людей на корабль не явился. Простой горожанин вряд ли поступил бы мудро, отправившись выяснять причину услышанного в ночи шума, а если по Скавангеру и ходила бюргерская стража, они, несомненно, решили, что ничего особенного не произошло – так, просто пьяная драка.

Причальные канаты упали в воду. Распущенный парус подхватил вечерний бриз, ради которого Ванимен отложил захват корабля на столь поздний час. Чтобы направлять корабль, глазам морских людей хватало и тусклого света луны. Посудина медленно двинулась в глубь залива. Когда корабль проплывал мимо острова, на борт стали подниматься женщины и дети.

К рассвету норвежский берег остался далеко за кормой.

6

Ингеборг, дочь Хьялмара, была женщиной из Элса лет тридцати. Она рано осиротела и вышла замуж за первого же из младших сыновей, пожелавших ее. Когда же оказалось, что она бесплодна, а муж ее утонул в море вместе с лодкой, оставив ее ни с чем, никто из прочих мужчин не захотел сделать ей предложение. Прихожане заботились о деревенских нищих, обязывая их работать по году у любого, согласного взять их себе. Такие хозяева прекрасно знали, как надо заставлять отрабатывать потраченные деньги, не тратясь чрезмерно на еду или одежду для своих подопечных. Вместо этого Ингеборг уговорила Реда Йенса взять ее на корабль во время ловли сельди. Она выполняла в палаточном лагере рыбаков ту работу, какую умела, и вернулась в деревню с несколькими шиллингами. С тех пор она проделывала это путешествие каждый год, а в прочее время оставалась дома, лишь по рыночным дням ходила по лесной дороге в Хадсунд.

Отец Кнуд молил ее не вести такую жизнь. «А ты можешь найти мне работу получше?» – смеялась она в ответ. Ему пришлось отлучить ее если не от мессы, то от общины; она редко ходила в церковь с тех пор, как женщины повадились шипеть ей вслед на улицах и швырять в нее рыбы головы и кости. Мужчины же, проще глядящие на жизнь, согласились с тем, что ей нельзя позволять жить в деревне – лишь бы успокоить языки своих жен.

Она построила себе хижину на берегу в миле к северу от Элса. Время от времени к ней заходили многие молодые холостяки из деревни, моряки с пристававших к берегу кораблей, редкие странствующие торговцы, а с темнотой – и некоторые мужья. Если у них не оказывалось медяков, она соглашалась брать плату и натурой, отчего получила прозвище Ингеборг-Треска. В прочее время она оставалась одна и часто бродила далеко вдоль берега или по лесам. Бродяг

она не опасалась – вряд ли им пришло бы в голову ее убивать, а о чем еще волноваться? – зато побаивалась троллей.

Зимним вечером лет пять тому назад Тауно, только начинавший тогда изучать жизнь на берегу, постучал в ее дверь. Когда она его впустила, он объяснил ей, кто он такой. Он наблюдал издали за ее хижинкой и видел мужчин, заходивших в нее крадучись, зато выходивших обратно с чванливым видом. Тауно сказал, что старается узнать обычаи народа его покойной матери – не могла бы она рассказать ему, в чем тут дело? Кончилось все тем, что он провел у нее ночь, и с тех пор поступал так много раз. Она отличалась от русалок – и сердце, и тело у нее были теплее, а ремесло ее ничего не значило для Тауно, чьи морские приятели ничего не знали как о браке, так и о прочих таинствах. Он многое смог у нее узнать и многое рассказал ей, когда они лежали под одеялом, тесно прижавшись друг к другу. Он любил ее за доброту, упорство и грустноватую веселость.

Она никогда не брала с него платы, соглашаясь лишь на редкие подарки.

– Я никогда не думала плохо обо всех мужчинах, – сказала она. – О некоторых – да, вроде грубого старого скряги Кристоффера, в чьи руки я бы попала, не избери я другую жизнь. Как увижу его, вышагивающего с ухмылочкой по улице, так сразу мурашки по коже. – Она сплюнула на глиняный пол и вздохнула. – Хотя у него есть монеты... Нет, в общем-то, эти мужики с колючими бородами не так плохи, а иногда меня радует и какой-нибудь парень. – Она взъерошила ему волосы. – Но ты, Тауно, несомненно даешь мне больше, чем они. Неужели ты не понимаешь, что я была бы неправа, беря с тебя плату?

– Нет, не понимаю, – честно ответил он. – У меня есть вещи, которые люди считают драгоценными, – янтарь, жемчуг, кусочки золота. Если они помогут тебе, то почему бы тебе их не взять?

– Знаешь, – ответила она, – не говоря о прочих причинах, до господ в Хадсунде дойдут слухи, что Ингеборг-Треска приторговывает такими драгоценностями. Они захотят узнать, откуда они у меня. А мне вовсе не хочется, чтобы мой последний любовник оказался с капюшоном. – Она поцеловала Тауно. – Давай лучше поговорим о более приятном, ведь твои рассказы о подводных чудесах дают мне больше, чем могли бы дать богатства, которые можно потрогать руками.

Когда ректор Магнус изгнал морской народ, Ингеборг никого не принимала целую неделю, а глаза ее еще долго оставались красными.

Так обстояли дела, когда Тауно решил встретиться с ней вновь. Он вышел из воды обнаженный, если не считать стягивающей его длинные волосы ленточки на голове да острого кремневого кинжала на поясе. В правой руке он держал трезубец. Вечер стоял холодный и туманный, а туман все густел, пока не укрыл мягко поплескивающие волны и ранние звезды на небе. Пахло водорослями и рыбой, а с берега тянуло запахами влажной земли и молодых листьев. Под его ногами поскрипывал песок, трава на дюнах царапала лодыжки.

К хижине приближались двое юношей из деревни, освещая себе дорогу факелом. Глаза Тауно видели в темноте дальше глаз людей, и он узнал их, несмотря на одинаковые плащи с капюшонами и обтягивающие штаны. Он преградил им путь.

– Нет, – сказал он. – Не сегодня.

– Но... но почему, Тауно? – спросил один из них с глуповатой улыбкой. – Ты ведь не лишишь своих друзей небольшого удовольствия, а ее этой прекрасной большой камбалы? Мы не задержимся надолго, если тебе так не терпится.

– Идите домой. И оставайтесь там.

– Тауно, ведь ты меня знаешь, мы разговаривали, играли в мяч. Ты залезал ко мне, когда я плавал один в шлюпке. Я Стиг...

– Мне нужно тебя убить? – спросил Тауно, не повышая голоса.

Парни уставились на него. Свет оплывающего факела освещал его высокую, мускулистую фигуру с оружием в руке, слегка зеленоватые и мокрые, как у утопленника, волосы, лицо водяного и желтые глаза, холодные, как полярное сияние. Они развернулись и торопливо зашагали обратно. Сквозь туман до него донесся крик Стига:

– Правильно про вас говорили – все вы бездушные, проклятые *нелюди*...

Тауно пнул ногой дверь хижины – крытой торфом покосившейся коробки без окон из посеревших от времени бревен. Свет проникал внутрь, а воздух выходил наружу через щели между бревнами, где выпал мох. Кроме светильника с китовым жиром в ней для тепла горел очаг, отбрасывая жуткие тени на спальную лежанку двойной ширины, стол и стул, скудные принадлежности для приготовления еды и шитья, вешалку для одежды, свисающие с шестов под потолком вяленую рыбу и колбасы и развешенные на поперечных перекладинах шестов связки сухарей. В туманные ночи, как сегодня, дым от очага почти не выходил через отверстие в крыше.

Водяные, выходя на берег, опорожняли легкие от воды одним сильным выдохом, и легкие Тауно всегда после этого некоторое время горели. Воздух казался ему чересчур разреженным и сухим, а звуки в нем более глухими, хотя, надо признать, видел он на берегу лучше, чем в воде. Но хуже всего была вонь в хижине – ему приходилось постоянно прочищать легкие кашлем, чтобы разговаривать.

Ингеборг молча обняла его. Это была невысокая и коренастая женщина, веснушчатая и курносая, с крупным нежным ртом. Глаза и волосы у нее были темные, голос высокий, но приятный. Бывали на свете даже принцессы, к которым относились с меньшим благоволением, чем к Ингеборг-Треске. Тауно не нравился исходящий от ее платья запах застарелого пота, равно как и любой свойственный людям характерный запах, но под ним он улавливал солнечный аромат женщины.

– Я надеялась... – выдохнула она. – Я так надеялась...

Он высвободился из ее объятий, шагнул назад и приподнял трезубец, не сводя с нее глаз.

– Где моя сестра? – рявкнул он.

– А, сестра... У нее все хорошо, Тауно. Никто не причинит ей вреда. Никто не посмеет. – Ингеборг отвела его подальше от двери. – Иди, бедняжка, садись, поешь супа и успокойся.

– Сперва ее лишили всего, что было ее жизнью...

Тауно пришлось остановиться и откашляться. Ингеборг воспользовалась паузой.

– Христианский народ не позволил бы ей жить среди них некрещенной. Ты не можешь их винить, Тауно, даже священников. За всем этим стоит более высокая сила. – Она пожала плечами и привычно улыбнулась уголком рта. – Ценой своего прошлого, ценой старости, уродства и смерти меньше чем через сто лет она приобрела вечную жизнь в раю. Ты можешь прожить гораздо дольше, но, когда тебя настигнет смерть, твоя жизнь угаснет навсегда пламенем сгоревшей свечи. Я же переживу свое тело, только, наверное, в аду. Так кто из нас троих самый счастливый?

Немного успокоившись, но все еще мрачный, Тауно прислонил трезубец к стене и сел на лежанку. Под ним зашуршал соломенный матрац. Горящий торф выбрасывал из себя желтые и голубые огоньки, и дым его мог показаться приятным, не будь он так густ. В углах и под крышей затаились тени, бесформенные сгустки мрака плясали на бревенчатых стенах. Даже обнаженного Тауно не беспокоили холод и сырость, но Ингеборг дрожала, стоя у двери.

Он взглянул на нее сквозь полумрак и дым.

– Я мало что знаю, – сказал он. – В деревушке есть парень, из которого надеются сделать священника. Так он сказал моей сестре Эйян, повстречавшись с нею. – Он усмехнулся. – Она мне еще говорила, что с ним оказалось не так уж плохо заниматься любовью, жаль только, что от свежего воздуха он все время чихал. Так вот, – серьезно продолжил он, – если мир плывет именно так, нам остается лишь согласиться и не мешать ему. Однако... вчера вечером мы с

Кеннином отправились на поиски Ирии – хотели убедиться, что с ней хорошо обращаются. Тыфу, сколько же грязи и дерьма на тех болотах, что вы зовете улицами! Мы обошли все улицы, подходили к каждому дому, даже к церкви и кладбищу. Видишь ли, вот уже несколько дней, как мы не можем ее отыскать. А мы способны найти ее внутри чего угодно, будь то хижина или гроб. Наша маленькая Ирия теперь, быть может, и смертна, но тело ее до сих пор наполовину отцовское, и в тот последний вечер на берегу от нее по-прежнему пахло, как от освещенных солнцем волн. – Он стукнул кулаком по колену. – Кеннин и Эйян разъярились и собрались выйти на берег прямо днем и вырвать из людей правду кончиком гарпуна. Я сказал им, что они рискуют лишь умереть, а как может мертвый помочь Ирии? Но мне было очень трудно дожидаться заката, Ингеборг.

Она села рядом с ним, обняв одной рукой за талию, а другую положив на бедро, и прижалась щекой к его плечу.

– Знаю, – тихо произнесла она.

Тауно остался хмур.

– Ну? Так что же произошло?

– Понимаешь, ректор забрал ее с собой в город Виборг... Подожди! Никто не хотел навредить ей. Да и как они посмеют причинить вред сосуду небесной милости? – рассудительно произнесла Ингеборг и тут же презрительно усмехнулась. – Ты пришел в нужный дом, Тауно. Ректор привез с собой молодого писца, он побывал у меня, и я его спросила, как они собираются кормить наше чудо. Мы в Элсе не скряги, сказала я ему, но и не богачи, и теперь, когда ей уже не суждено рассказывать байки о подводной жизни, кто захочет взять к себе девочку – ведь ее придется всему учить заново, как новорожденного младенца, да еще копить для приемной дочери приданое. Да, конечно, у нее есть какой-то выбор – работа нищенки, замужество за моряком или то, что выбрала я, – но разве это правильно для такого чуда? Нет, сказал писец, все будет иначе. Они заберут ее с собой и отдадут в монастырь Асмилды в Виборге.

– Что это такое?

Ингеборг объяснила, как смогла, и под конец смогла лишь добавить:

– Там Маргрете дадут кров и будут учить. Когда ей будет нужное число лет, она примет обет и после этого станет жить в чистоте. Ее, конечно, станут почитать до самой смерти, которая наверняка будет иметь запах святости. Или ты не веришь, что труп святой не будет вонять, как твой или мой?

– Но это ужасно! – воскликнул ошеломленный Тауно.

– Неужто? Многие сочли бы такую судьбу необыкновенной удачей.

Он пристально посмотрел ей в глаза:

– А ты?

– Я... нет.

– Прожить взаперти до конца своих дней среди унылых стен, стриженной, в грубых одеждах, скудно питаясь, бормоча под нос о Боге и навсегда отвергнув то, что Бог вложил ей между ног, никогда не знать любви, детей, дома и семьи, не смея даже побродить под цветущими весной яблонями...

– Таков путь к вечному блаженству, Тауно.

– Гм. Я предпочту лучше блаженство сейчас, а мрак потом. Да и ты тоже, в сердце своем – разве не так? – что бы ты там ни говорила об отвращении к смертному одру. На мой взгляд, ваш христианский рай – весьма жалкое и унылое место.

– Маргрете может думать иначе.

– Мар... а, Ирия. – Он призадумался, подперев кулаком подбородок, сжав губы и тяжело вдыхая задымленный воздух.

– Что ж, – сказал он, – ежели она этого на самом деле хочет, быть по сему. Но как нам об этом узнать? И как узнать *ей*? Разве позволят ей вообразить, что есть нечто реальное и

правильное вне стен того унылого мна... монастыря? И не позволю обманывать свою сестру, Ингеборг.

– Вы послали ее на берег, не желая видеть ее съеденной угрями. Разве у вас теперь есть выбор?

– Неужели никакого?

Отчаяние всегда такого сильного Тауно пронзило ее, словно лезвие ножа.

– Милый мой, милый. – Она прижала его к себе, но вместо слез в ней пробудилась старая рыбацкая практичность.

– Есть среди людей нечто, открывающее любые ворота, кроме небесных, – сказала она. – Деньги.

С его губ сорвалось слово на языке подводных жителей.

– Говори, – сказал он на датском и стиснул ее руку шершавыми пальцами.

– Говоря проще: золото, – сказала Ингеборг, не пытаясь высвободить руку. – Или то, что можно обменять на золото, хотя лучше всего сам металл. Понимаешь, будь она богата, она могла бы жить, где пожелает; если денег достаточно – хоть при королевском дворе или в какой-нибудь чужой земле богаче Дании. Она правила бы слугами, воинами, кладовыми, акрами земли. Смогла бы выбирать среди женихов. И тогда, если она решит все оставить и вернуться к монашкам, то это будет свободный выбор.

– У моего отца было золото! Мы можем отыскать его среди руин!

– Сколько?

Они говорили долго. Морскому народу не приходило в голову мерить то, что было для них всего лишь слишком мягким и непрактичным металлом, пусть даже красивым и нержавеющей.

Наконец Ингеборг покачала головой.

– Боюсь, слишком мало, – вздохнула она. – Просто для жизни достаточно, но тут другой случай. В руки монастыря Асмилды и собора в Виборге попало живое чудо, и оно привлечет отовсюду множество паломников. Церковь – ее законный опекун, и она не позволит ей уйти в мирскую семью всего за несколько кубков и блюд.

– Сколько же тогда надо?

– Огромную сумму. Тысячи марок. Понимаешь, кого-то придется подкупить. Тех, кого не одолеть взяткой, придется завоевывать большими дарами для Церкви. А после всего у Маргрете должно остаться достаточно для жизни богатой молодой госпожи... Тысячи марок.

– Сколько это будет по весу? – нетерпеливо взревел Тауно, добавив ругательство на своем языке.

– Я... я... Да откуда мне знать, рыбацкой сироте, никогда не державшей в руках больше одной марки сразу? Полная лодка? Да, наверное, полной лодки хватит.

– Целая лодка! – Тауно откинулся на лежанку и уставился в потолок. – А у нас нет даже самой лодки.

Ингеборг печально улыbnулась и погладила пальцами его руку.

– Ни один мужчина не выигрывает каждую игру, – пробормотала она, – и не каждый водяной. Ты сделал то, что смог. Пусть сестра твоя проживет свой век, мучая свое тело, а потом душа ее пребудет в вечном блаженстве. Она будет помнить нас, когда ты станешь прахом, а я – гореть в аду.

Тауно потряс головой и прищурился.

– Нет... в ней течет та же кровь, что и во мне... и кровь эта не стремится к покою... она застенчива и нежна, но рождена для свободы широких морей всего мира... если святость угаснет в ней от жизни среди старух с волосатыми подбородками, сможет ли она попасть на Небеса?

– Не знаю, не знаю.

– Хотя бы свобода выбора. И покупается она полной лодкой золота. Жизнь Ирии стоит всего пару жалких тонн.

– Тонн! Я просто не подумала... Конечно, гораздо меньше. Вполне достаточно будет пары сотен фунтов. – Тревога коснулась Ингеборг. – Думаешь, ты отыщешь так много?

– Гм-м... подожди. Подожди. Мне надо вспомнить... – Тауно резко сел. – Да! Знаю! – воскликнул он.

– Где? И как?

Он тут же начал строить планы, полный ртутной быстроты морских людей:

– Давным-давно на острове к северу от этих вод стоял город людей, – начал он негромко, уставившись в тень. Голос его слегка дрожал. – Он был велик и обилен золотом. Богом его был спрут. Ему приносили обильные жертвы – сокровища, вовсе ему не нужные, но вместе с ними коров, лошадей, девственниц и пойманных преступников: все это спрут съедал. Ему нужно было не так много – тушу кита время от времени или корабль, чтобы сожрать моряков, – а за столетия жрецы научились сигналами давать ему знать, какие из зашедших в гавань судов не нужны Аверорну... И вот спрут стал вял и ленив и целые поколения людей не показывался, да в нем и не возникало нужды, потому что далеко вокруг стало известно, что нападение на Аверорн приносит не- счастье.

Постепенно сами островитяне начали сомневаться, не миф ли этот спрут и есть ли он на самом деле. Тем временем на юге вознесся новый народ. Его торговцы отправились на север, и не только с товарами, но и с новыми богами, не требующими драгоценных жертв. Жителям Аверорна эти боги пришлись по нраву, и храм спрута был заброшен, огонь в нем погас, жрецы умерли, и никто не сменил их. Под конец царь города повелел прекратить выполнять древние обряды на рассвете и на закате.

Прошел год, и разъяренный от голода спрут поднялся со дна морского и потопил все корабли в гавани. Руки его протянулись к берегу, сокрушая башни и собирая богатую добычу, а вслед за ним накатили огромные волны, поглотили остров, увлекли его на дно морское, и теперь о нем помнит лишь морской народ.

– Какая чудесная история! – хлопнула в ладоши Ингеборг, не подумав о маленьких детях, утонувших вместе с городом. – Я так счастлива!

– Не такая уж она и чудесная, – возразил Тауно. – Мы помним Аверорн потому, что спрут до сих пор там таится. И собирает с нас обильную дань.

– Понимаю... Но у тебя, наверное, есть какая-то надежда, раз ты...

– Да. Стоит попытаться. Слушай, женщина: люди никогда не опускались на дно. У морского народа нет ни кораблей, ни металлического оружия, способного долго не ржаветь. Никогда наши расы не работали вместе. Но если они попробуют... может быть...

Ингеборг долго просидела молча и потом еле слышно произнесла:

– А ты, может быть, погибнешь.

– Да, да. Но что с того? Все мы обречены с рождения. Морские люди держатся вместе – они должны так поступать, – и жизнь одного из нас не ценится высоко. Как смогу я скитаться по свету, зная, что не сделал для своей сестры Ирии, так похожей на нашу мать, все, что было в моих силах? – Тауно прикусил губу. – Но вот корабль с моряками. Как его раздобыть?

Они продолжили разговор, и она все пыталась отговорить его, а он все тверже настаивал на своем. Наконец она сдалась.

– Как знать, быть может, я смогу показать тебе то, что ты хочешь, – сказала она.

– Что? Как?

– Ты ведь понимаешь, что рыбацкие лодки Элса слишком хрупки для того, что ты задумал. Не сможешь ты и нанять корабль у уважаемого владельца – ведь у тебя нет души, а план твой безумен. Но есть, однако, шлюп – небольшой, но все-таки корабль, плавающий из Хадсунда, это город в нескольких милях отсюда в конце Мариагер-фьорда. Я хожу туда по базар-

ным дням и потому знаю людей с этого корабля. Он торговый, возит грузы на север до Финляндии, на запад до Вендланда и на восток до Исландии. В наших отдаленных краях моряки не могут удержаться от пиратства, если им кажется, что сами они не рискуют. Экипаж на том корабле – шайка головорезов, а хуже всех – сам капитан. Он родом из хорошей семьи неподалеку от Хернинга, но его отец выбрал не ту сторону в ссоре между сыновьями короля, и потому у герра Ранильда Есперсена не осталось ничего, кроме этого корабля. К тому же он горько клянет ганзейских купцов – их корабли вытеснили его из тех мест, где он раньше удачно торговал. Кто знает, вдруг он достаточно отчаянный, чтобы отправиться с тобой?

Тауно задумался.

– Возможно. М-м-м... мы, морской народ, не имеем обыкновения предавать и убивать своих соплеменников, как то проделывают люди с душами. Я умею сражаться и не побоюсь схватиться с кем угодно с любым оружием или без него; но все же если дело дойдет до придинок и нам придется опасаться нападения его моряков, то нам троим выдержать такое будет трудно.

– Знаю, – согласилась Ингеборг. – Тогда лучше и мне отправиться с вами – немного заработать, а заодно и присматривать за ними, чтобы вовремя вас предупредить.

– В самом деле? – удивился он и тут же добавил: – Тогда ты получишь честную долю добычи, подруга. Ты тоже должна получить свободу.

– Если мы останемся в живых. А если нет – то что заранее волноваться? Но, Тауно, только не подумай, что я предложила это из жадности к богатству...

– Конечно, мне нужно поговорить с Эйяном и Кеннином... составить план... еще раз поговорить с тобой... но все же...

– Верно, Тауно, верно. Завтра, всегда, когда угодно ты получишь от меня все, что тебе будет нужно. Но сегодня я прошу лишь об одном – перестань беспокоиться, изгони тревогу, и пусть останутся только Тауно и Ингеборг. Смотри, я сняла для тебя платье...

7

Выйдя из Мариагер-фьорда, черный шлюп «Хернинг» поймал попутный ветер, наполнил паруса и с доброй скоростью поплыл на север. Оказавшись на палубе, Тауно, Эйян и Кеннин сбросили с себя человеческую одежду – это вонючее душное тряпье! – в котором им пришлось для маскировки ходить несколько дней, пока шли переговоры с Ранильдом Есперсеном. Шестеро из восьмерых моряков алчно вскрикнули, увидев Эйяна, прикрытую лишь переброшенными за спину распущенными медно-красными волосами. Все они были грубы и неотесанны, искусаны вшами, покрыты шрамами от бесчисленных драк, а их кожаные камзолы, подбитые ватой рубашки и штаны заляпаны застарелыми и вонючими жирными пятнами.

Седьмым из них был семнадцатилетний парнишка Нильс Йонсен. Незадолго до Тауно он пришел в Хадсунд в поисках работы моряка, желая помочь матери-вдове растить младших братьев и сестер, но не смог отыскать ничего, кроме места на «Хернинге». Это был худощавый симпатичный парень с соломенными волосами и свежим лицом. Его глаза наполнились слезами.

– Как она прекрасна, – прошептал он.

Восьмым был капитан. Он нахмурился и сошел с полуюта, заслоняющего рулевого у румпеля от ветра и волн. Весь нос корабля тоже застилала палуба с проходящей сквозь нее мачтой. Ниже носовой палубы находились главная палуба с мачтой и двумя люками, тали, камбуз и груз, перевозимый не в трюме. Среди него лежали блок из красного гранита длиной в три фута и весом около тонны, десяток более мелких якорей и множество канатов.

Ранильд подошел к детям морского царя, когда они вместе с Ингеборг стояли у левого борта, разглядывая проплывающие мимо длинные холмы Ютландии. Стоял ясный день, солнце ослепительно сверкало на серо-зелено-голубых ледовых шапках гор. В хлопающей оснастке

свистел ветер, а корпус корабля потрескивал каждый раз, когда волнорез шлюпа в виде фигуры с зажатой в зубах костью поднимался из волны. Над головой кричали чайки, мельтешением белых крыльев напоминая метель. Пахло солью и смолой.

– Эй, вы! – рявкнул Ранильд. – Кровь божья! Приведите себя в приличный вид.

Кеннин с отвращением взглянул на капитана. Долгие часы им пришлось торговаться с ним в задней комнате гостиницы со скверной репутацией, и уже привычная грубость Ранильда показалась теперь оскорбительной.

– А ты кто такой, чтобы говорить о приличиях? – фыркнул Кеннин.

– Остынь, – негромко бросил ему Тауно. Он относился к капитану не с большей любовью, но все же несколько спокойнее. Хотя и невысокий, Ранильд был широкогруд и мускулист. Черные, никогда в жизни не мытые волосы обрамляли грубое лицо с перебитым носом и бледными глазами; сквозь бороду, отросшую почти до живота-бочонка, виднелись щербатые зубы. Он был одет так же, как и его моряки, отличаясь от них висевшими на поясе коротким мечом и ножом, а также сапогами из мягкой кожи вместо башмаков или босых ног.

– В чем дело? – спросил Тауно. – Ты, Ранильд, можешь не снимать одежду, пока она не сгниет и не свалится с тебя сама. Но мы-то здесь при чем?

– *Господин* Ранильд, водяной! – Рука капитана сомкнулась на рукоятке меча. – Мои предки были юнкерами еще тогда, когда твои ползали по дну среди рыб, – и я тоже дворянин, разрази меня гром! Это мой корабль, я снарядил его на свои деньги и, клянусь божьими костями, вы или будете делать то, что вам говорят, или повиснете на нок-рее!

Кинжал Эйян вылетел из ножен и сверкнул у глотки капитана.

– Если только мы сами не повесим тебя на вшивых бакенбардах, – прошипела она.

Руки моряков потянулись к ножам и такелажным костылям. Ингеборг втиснулась между Эйян и Ранильдом.

– Что вы делаете? – воскликнула она. – Уже успели вцепиться друг другу в глотки? Вы не получите золото без морских людей, герр Ранильд, а они его – без вашей помощи. Во имя Иисуса, разойдитесь!

Эйян и Ранильд сделали по шагу назад, все еще пронзая друг друга злобными взглядами. Ингеборг быстро заговорила вновь:

– Кажется, я знаю, в чем тут дело. Герр Ранильд, эти дети чистого моря расчесали себя до крови за дни, проведенные в городе, где на улицах роются свиньи, и ночи в комнатах, полных вони и клопов. Но вам, Тауно, Эйян и Кеннин, все-таки следует прислушаться к доброму совету, пусть даже и не очень вежливо сказанному.

– К какому же? – поинтересовался Тауно.

Ингеборг сильно покраснела, опустила глаза, переплела пальцы и еще тише сказала:

– Вспомните наше соглашение. Герр Ранильд хотел, чтобы ты, Эйян, ложилась с ним и его людьми. Ты отказалась. Я сказала, что... буду делать это сама, и так мы пришли к согласию. А ты, Эйян, очень красива – красивее любой смертной девушки. И с твоей стороны неверно и несправедливо выставлять свои прелести напоказ перед теми, кто может лишь смотреть на них. Наше путешествие под угрозой. Мы не можем допустить раздоров.

Эйян прикусила губу.

– Я об этом не подумала, – признала она, но тут же, сверкнув глазами, добавила: – Но чтобы не носить эти воняющие хлебом тряпки теперь, когда уже не надо маскироваться, я лучше убью всю команду, и мы вчетвером поведем корабль сами.

Ранильд уже открыл рот, но Тауно опередил его:

– Это пустой разговор, сестра моя. Послушай, мы можем смириться с этими тряпками, пока не минует Элс. Там мы нырнем на то место, где стоял Лири, добудем подходящую одежду... а заодно и смоем по пути грязь от этой.

Так был достигнут мир. Мужчины продолжали с вождением заглядываться на Эйян, потому что надетая на нее накидка из трехслойной рыбьей кожи, переливающаяся разноцветной чешуей, почти не скрывала холмы ее груди и едва достигала бедер. Но у них была Ингеборг.

Людскую одежду им тоже дала Ингеборг, в одиночку добравшаяся до Хадсунда через полные бродяг леса. Там она заинтересовала Ранильда и встретила с водяными на берегу Мариагер-фьорда. Когда сделка была заключена и они ударили по рукам, Ранильд принялся уговаривать своих людей отправиться вместе с ним. Олув Ольсен, сухопарый и угрюмый, с пепельно-бледной кожей, не колебался ни секунды – его жизнью правили нажива и жадность. Торбен и Лейв сказали, что им уже доводилось видеть перед собой острую сталь, а впереди их ждет лишь петля, так что пусть спрут, пусть что другое – какая разница? Палле, Тиге и Сивард позволили себя уговорить. Но последний из его экипажа отказался, и именно поэтому вместо него на корабле появился Нильс Йонсен.

Никто не спрашивал Ранильда, что стало с одним из его моряков. Секреты важно сохранять, и даже дворянин иной раз бывает вынужден исполнить работу могильщика. Ааге просто больше никто никогда не видел.

В тот первый день «Хернинг» миновал широкие пляжи и громыхающий прибой мыса Ска и через пролив Скагеррак вышел в Северное море. Ему предстояло обогнуть Шотландию, затем направиться на юго-запад и проплыть сотню миль мимо Ирландии. И хотя шлюп слыл быстроходным кораблем, ему нужен был посланный Богом ветер, дабы проделать этот путь менее чем за две недели – так оно на деле и оказалось.

Корабль плыл без груза, с одним балластом, и моряки спали внизу, в просторном пустом трюме. Тауно и остальные сразу отказались от этой мрачной, грязной, полной крыс и тараканов пещеры и отдыхали на палубе. Они обходились без спальных мешков или одеял, довольствуясь соломенными матрацами. Когда корабль шел медленно, они прыгали за борт и плавали вокруг него, иногда исчезая под водой на час-другой.

Ингеборг однажды сказала Тауно, что с радостью осталась бы вместе с ними по ночам на палубе, но Ранильд велел ей ночевать в трюме, дабы с ней мог переспать любой желающий. Тауно покачал головой.

– Люди – жестокие создания, – заметил он.

– Твоя сестра стала человеком, – возразила она. – И неужели ты забыл свою мать, отца Кнуда или друзей в Элсе?

– Н-нет. И не тебя, Ингеборг. Когда мы вернемся домой... Но я, конечно, все равно покину Данию.

– Да. – Она отвела глаза. – У нас на корабле есть еще один хороший парень – Нильс.

Он единственный из всех моряков не пользовался ею и всегда был с ней приветлив и вежлив. (Тауно и Кеннин тоже держались подальше от этой трюмной подстилки; ведь ее тело теперь делили отнюдь не честные крестьяне и рыбаки. Им же самим хватало ласковых волн, игр с тюленями и дельфинами и текучих морских глубин.) На Эйян Нильс лишь грустно поглядывал издали, а когда не стоял на вахте, то застенчиво бродил за ней следом.

Остальной экипаж общался с водяными только при необходимости, но не больше. Они брали пойманную ими в море свежую рыбу, но съедали ее молча, словно тех, кто ее принес, вовсе не существовало. Ингеборг слышала, как моряки ворчали себе под нос: «Проклятые язычники... спесивые... говорящие животные... хуже евреев... нам многие грехи простятся, если мы перережем им глотки, разве не так?.. ух, прежде чем воткну свой нож в ту голоногую девку, я с ней сделаю и кое-что другое...»

У Ранильда к ним было свое отношение. Когда несколько его попыток завязать дружбу наткнулись на решительный отказ, он начал их сторониться. Тауно поначалу пытался идти

ему навстречу, но разговоры капитана оказывались или скучны, или попросту внушали ему отвращение, а лицемерить Тауно не умел никогда.

Но Нильс ему нравился, хотя они редко разговаривали – Тауно был по природе молчалив, если только не начинал сочинять стихи. К тому же по возрасту Нильс был ближе к Кеннину, и вскоре юноши обнаружили, что у каждого есть запас шуток и воспоминаний, которыми приятно обмениваться. Кроме прочих корабельных работ много часов каждый день тратилось на плетение из канатов большой сети. Нильс и Кеннин, не обращая внимания на бродивших рядом угрюмых мужчин, частенько посиживали рядом за этой работой, смеялись и болтали:

– ...клянусь, единственный раз в жизни я тогда увидел удивленную устрицу!

– Ха, а я вот помню, давно – я тогда еще совсем был сопливой килькой – было у нас несколько коров. Повел я одну из них к быку одного своего родича. У дороги стояла большая водяная мельница, и еще издалека я увидел, что она работает. А корова-то хуже человека видит, и эта влюбленная дура только и поняла, что неподалеку что-то большое стоит да ревет. Тут она как помчалась вперед, сама мычит, даже недоуздок из руки вырвала. Я ее, конечно, скоро поймал – она сама остановилась, как только до нее дошло, что это не бык. Видел бы ты ее – такая стояла вся несчастная, будто проткнутый булавкой рыбий пузырь. Повел я ее дальше, а она ковыляет да спотыкается, словно ее по голове огрели.

– Хо-хо, дай я тебе лучше расскажу, как мы с парнями нарядили моржа в царские одежды моего отца...

Эйян часто присаживалась к ним – послушать и посмеяться. Она не изображала из себя важную даму, хоть у русалок есть такая склонность. Свои рыжие локоны она обычно распускала по плечам, кольца, ожерелья и шитые золотом наряды надевала только на время праздников и предпочитала охотиться на китов и бросать вызов опасному прибою на рифах, чем скучать дома. Живших на берегу она по большей части презирала (но это не мешало ей бродить по лесам и восхищенно любоваться цветами, оленями, белками, феерией осенних листьев, а зимой – белизной снега и сверканием ледников). Но некоторые люди, в том числе и Нильс, нравились ей. Она тоже не занималась любовью с братьями – то был единственный христианский закон, который Агнете удалось накрепко внушить своим детям, – но теперь мужчины ее народа уплыли неизвестно куда, а парни из Элса остались далеко позади.

«Хернинг» резал носом волны днем и ночью, в шквалы и в штиль, пока не достиг южных Оркнейских островов. Это произошло в светлый летний вечер перед восходом полной луны, в мягкую погоду с ровным ветерком. Тауно и Ранильд решили, что плыть между островами вполне можно и ночью, к тому же братья предложили плыть перед кораблем и высматривать дорогу. Эйян тоже хотелось отправиться с ними, но Тауно сказал, что кому-то придется остаться на корабле на случай возможных неприятностей вроде внезапного нападения акул, и когда они бросили жребий, ей досталась короткая соломинка. Она ругалась четверть часа подряд, ни разу не повторившись, и лишь потом успокоилась.

Вот почему она оказалась в одиночестве на главной палубе неподалеку от носового кубрика. Один из моряков сидел на марсе, скрытый от нее раздутым парусом, рулевой стоял под полуютом, укрытый его тенью. Все остальные, научившиеся доверять братьям в том, что касалось моря, храпели внизу.

Все, кроме Нильса. Он поднялся на палубу и увидел там Эйян. Лунный свет, рассеиваясь в волосах, мерцал на ее накидке, освещал лицо, грудь и руки. Он заливал чистым светом палубу, переливающейся дорожкой струился от самого горизонта до пенного кружева на маленьких волнах, мягко шлепавших в борт. Босоногий Нильс ощущал эти легкие удары, потому что корабль был загружен лишь настолько, чтобы не потерять остойчивость. Обшитый крест-накрест полосами кожи парус, уныло бурый при дневном свете, теперь возвышался над ними заснеженным горным пиком. Потрескивали снасти, шелестел ветер, бормотало море. Было почти тепло. В сонном полумраке невообразимо высоко мерцали звезды.

– Добрый вечер, – робко произнес Нильс.

Она улыбнулась, заметив высокого испуганного парня.

– Привет.

– А ты... мне... можно мне побыть с тобой?

– Конечно. – Эйян показала на море, где вдалеке в лунном свете виднелись двое пловцов. – Как мне сейчас хочется быть с ними! Попробуй отвлечь меня, Нильс.

– Ты... ты любишь море, правда?

– Что еще любить, как не его? Тауно когда-то написал стихотворение... я не смогу хорошо перевести его на датский, но попробую: *«Наверху оно танцует – под солнцем, под лунной, под дождем, под крики чаек и завывание ветра. Внизу оно зеленое и золотистое, спокойное и ласковое, дети его – бесчисленные косяки и стаи, оно – сосредоточие и упование мира. Но в пучине своей хранит оно то, что недоступно свету, тайну и трепет, чрево, в котором вынашивает себя. Дева, Мать, Владычица, прими по смерти мой прах!»* – Нет, – покачала головой Эйян. – Неправильно. Быть может, если ты подумаешь о своей земле, о зеленом колесе ее года, и о... Марии?... носящей одежды цвета небес, тогда, быть может, ты сможешь... сама не знаю, что пытаюсь сказать.

– Не могу поверить, что у вас нет душ! – негромко воскликнул Нильс.

Эйян пожала плечами. Настроение ее изменилось.

– Говорят, наши предки дружили с древними богами, а до этого – с еще более древними. Но мы никогда не приносили им даров и не молились. Я пыталась понять мысли людей, но так и не смогла. Неужели богу нужны рыба или золото? Неужели его волнует, как вы живете? Неужели он не свершит задуманного, если вы станете, хныкая, пресмыкаться перед ним? Неужели его заботит, как вы к нему относитесь?

– Для меня невыносима сама мысль, что ты когда-нибудь обратишься в ничто. Умоляю тебя, прими крещение.

– Хо! Скорее ты переберешься жить в море. Жаль, что не могу помочь тебе сама. Мой отец знает нужные чары, а мы трое – нет. – Она накрыла его руку своей ладонью. Пальцы Нильса до боли стиснули перила борта. – Но я с радостью возьму тебя, Нильс, – тихо сказала она. – Пусть ненадолго, но я хочу поделиться с тобой тем, что люблю.

– Ты слишком... слишком добра. – Он повернулся, собираясь уйти, но она удержала его.

– Пойдем, – улыбнулась Эйян. – На носовой палубе темно, и там мое ложе.

Тауно и Кеннин не зря плавали в море. Они предупредили капитана о рифе, а позднее заметили дрейфующую лодку, вероятно отвязавшуюся от какого-то корабля. В это время года корабли были частыми гостями в местных водах. Когда на рассвете братья поднялись на борт, Ранильд даже ощутил к ним симпатию.

– Божьи камни! – проревел он, шлепая Кеннина по плечу. – А ведь ваше племя могло бы зашибать неплохие деньги на королевском флоте или у купцов Ганзы.

Кеннин высвободил плечо.

– Боюсь, у них не хватит денег, – засмеялся он, – чтобы заставить меня нюхать вонь помойной ямы из твоего рта.

Ранильд бросился в драку, но Тауно встал между ними.

– Довольно, – рявкнул старший брат. – Мы все знаем, что дело следует сделать. И знаем, как будет разделена добыча. Советую не переступать черты – с любой из сторон.

Ранильд нехотя отошел, плюясь и изрыгая проклятия. Его люди недовольно ворчали.

Вскоре после этого четверо свободных от вахты моряков окружили Нильса на полуоте и принялись, хихикая, толкать его локтями. Нильс сдержался, и тогда они вынули ножи и пригрозили порезать его, если он не станет им отвечать. Позднее они утверждали, что не говорили этого всерьез. Но то было позднее, а тогда Нильс вырвался, сбежал вниз по трапу и побежал на нос.

Братья и Эйян спали возле носового кубрика. Был ясный день, дул легкий ветерок, на горизонте виднелось несколько парусов. Над близким берегом мелькали крылья чаек.

Дети водяного проснулись с животной быстротой.

– Что случилось? – спросила Эйян, становясь рядом с Нильсом и вытаскивая стальной кинжал. Как и братья, она тоже попросила Ингеборг купить ей оружие за кусочек золота из Лири. Тауно и Кеннин встали по бокам с гарпунами в руках.

– Они... о, они... – От волнения щеки Нильса покрылись белыми и красными пятнами, язык застыл во рту.

К ним вразвалку направлялся Олув Ольсен, следом с ехидными ухмылками приближались Торбен, Палле и Тиге. (Ранильд и Ингеборг спали внизу. Лейв стоял у руля, Сивард сидел наблюдателем на марсе – оба подзуживали товарищей, выкрикивая дурацкие шуточки.) Помощник капитана моргнул белесыми ресницами и оскалил в ухмылке большие бычьи зубы.

– Так что, русалка, – воскликнул он, – кто будет следующим?

Глаза Эйян стали серыми, как штормовое море.

– Что ты имеешь в виду, – отозвалась она, – если только в твоём твяканье вообще есть хоть какой-то смысл?

Олув остановился в пяти шагах от угрожающе выставленных гарпунов.

– Прошлой ночью Тиле стоял у руля, – раздраженно сказал он, – а Торбен торчал на мачте. Оба видели, как ты ушла под носовую палубу с этим молокососом. А потом слышали, как вы там перешептывались, возились, стучали и стонали.

– Тебе-то какое дело до моей сестры? – ошетинился Кеннин.

Олув помахал пальцем.

– А такое, – продолжил он, – что до сих пор мы, как честные люди, оставляли ее в покое, но раз уж она расставила ноги для одного, то сделает это и для остальных.

– Почему?

– *Почему?* Да потому что мы все здесь делаем одно дело, понял? Да и вообще, какое право имеет морская корова задирать нос и выбирать, кого захочет? – Олув ухмыльнулся. – Я первый, Эйян. Обещаю, ты получишь гораздо больше удовольствия с настоящим мужчиной.

– Убирайся, – сказала девушка, дрожа от ярости.

– Их тут трое, – повернулся Олув к товарищам. – Малыша Нильса я в счет не беру. Лейв, бросай румпель. Эй, Сивард, спускайся!

– Что ты собираешься сделать? – ровным голосом спросил Тауно.

Олув поковырял ногтем в зубах.

– Да ничего особенного. Думаю, лучше всего будет тебя с братцем покрепче связать. Коли станете вести себя хорошо, мы вам ничего плохого не сделаем. А ваша сестричка скоро будет нас благодарить.

Эйян завизжала, как кошка.

– Попробуй, но только сперва ты у меня ляжешь в Черную Тину! – прорычал Кеннин.

Нильс простонал, из глаз его брызнули слезы. Одной рукой он вытащил нож, другой коснулся Эйян. Тауно жестом велел им отойти назад. Его нечеловеческое лицо под развевающими на ветру волосами оставалось невозмутимым.

– Это твое твердое решение? – спокойно спросил он.

– Да, – отозвался Олув.

– Понял.

– Ты, она... бездушные... двуногие животные. А у животных нет прав.

– Ошибаешься, есть. Зато их нет у вонючего дерьма. Наслаждайся, Олув!

И Тауно метнул гарпун.

Острые зубцы пронзили помощнику живот. Олув завопил и покатился по палубе, заливая ее кровью и визжа от боли. Тауно прыгнул вперед, подхватил выскочившее древко и тут же, держа его как палицу, бросился на моряков. Следом за ним двинулись Нильс, Кеннин и Эйян.

– Не убивайте их! – крикнул Тауно. – Нам будут нужны их руки!

Нильс даже не успел вступить в схватку – настолько быстры оказались его друзья. Кеннин погрузил кулак в живот Торбена, тут же развернулся и ударил Палле коленом в пах. Палица Тауно свалила на палубу Тиге. Эйян прыгнула навстречу бегущему с кормы Лейву, застыла на месте перед самым столкновением и перекинула его тело через бедро. Лейв с треском врезался головой в носовой трап. Перепуганный Сивард вскарабкался обратно на мачту, и все кончилось.

Из трюма с яростными воплями выскочил Ранильд, но, оказавшись лицом к лицу с тремя полукровками и сильным парнем, он с большой неохотой был вынужден признать, что Олув Ольсен получил по заслугам. Ингеборг помогла ему успокоиться, напомнив всем, что теперь добычу придется делить на меньше долей. Было заключено хрупкое перемирие, а труп Олува выбросили за борт с привязанным к щиколотке камнем из балласта, дабы он не принес неудачи, всплыв поглядеть на своих бывших товарищей.

После этого Ранильд и его люди не разговаривали с детьми водяного или с Нильсом без необходимости – он теперь спал вместе с ними, не желая получить удар ножом в почки. Оказавшись столь близко к Эйян, парень лишь восхищенно смотрел на нее, а она улыбалась и рассеянно похлопывала его по щеке – мысли ее были где-то далеко.

Ингеборг отвела Тауно в укромное место и предупредила, что, когда золото окажется на борту, экипаж не намерен слишком долго оставлять в живых тех, кого они ненавидят. Она заставила моряков проговориться, притворившись, будто сама ненавидит морской народ и что завела с ними дружбу лишь для того, чтобы заманить их в ловушку, как ловят горностая ради его меха.

– Твои слова не удивляют меня, – сказал Тауно. – Весь путь домой мы будем постоянно настороже. – Он взглянул на нее. – Какой у тебя измученный вид!

– С рыбаками было легче, – вздохнула она.

Тауно приподнял рукой ее подбородок.

– Когда мы вернемся, если нам это суждено, – сказал он, – у тебя будет вся свобода этого мира. А если нет, ты обретишь покой.

– Или ад, – устало отозвалась она. – Я отправилась с тобой не ради свободы или покоя. А теперь, Тауно, давай лучше разойдемся, иначе они заподозрят, что мы с тобой заодно.

Как Эйян, так и Тауно с Кеннином были постоянно заняты поисками затонувшего и утерянного Аверорна. Морские люди всегда знали, в каком районе моря находятся, но полукровки знали координаты заветного места лишь с точностью в пару сотен миль. Поэтому они ныряли в море, расспрашивая проплывающих дельфинов – не словами, ведь животные не имеют языка, подобного людскому, но у морских людей были способы получить помощь от существ, которых они считали своими двоюродными родственниками.

И они действительно узнавали нужное направление, с каждым днем все более точное, – ведь корабль подплывал все ближе и ближе. Да, плохое место, говорил первый дельфин, там логово спрута, ох, держитесь от него подальше... да, верно, спруты, как и другие холонокровные существа, могут долго прожить без пищи, но этот, наверное, страшно проголодался за целые столетия, когда ему не выпадало ничего, кроме дохлых китов... Он до сих пор там, продолжал второй дельфин, потому что до сих пор думает, будто это его Аверорн. Он таится посреди его затонувших сокровищ, башен и костей тех, кто некогда поклонялся ему... Я слышал, он вырос, и теперь щупальца его простираются от одного края главной площади до другого... Ладно, старой дружбы ради мы проводим вас туда, говорил третий, но надо подо-

ждать, пока луна уменьшится наполовину – в это время он отправляется спать, но сон его очень чуток... что, помочь вам?... нет, мы помним об очень многих дорогих нам существах...

И вот настал день, когда «Хернинг» наконец достиг того места в океане, под которым лежал затонувший Аверорн.

8

Дельфины торопливо уплыли прочь. Их увенчанные острыми плавниками серые спины радужно блестели в лучах утреннего солнца. Тауно не сомневался, что они отплывут лишь на минимально безопасное расстояние – их племя отличалось ненасытным любопытством и страстью к сплетням.

Он проложил курс так, чтобы шлюп приплыл на место именно утром, и теперь у них для работы оказался полный светлый день. Парус был спущен, и широкодонный корпус едва пошевеливался – день был спокойным, с легким ветерком и почти безоблачным небом. Весело катились маленькие волны, покручивая на верхушках редкую пену. Глядя через борт, Тауно поразился, как восхищался этим всю жизнь, насколько хрупка и изящна каждая волна и насколько каждая из них не похожа на другую, да и на саму себя мгновение назад. И с какой теплотой солнечный свет разливается по его коже, какой прохладой овевает его соленый воздух! Он ничего не ел с раннего утра – глупо набивать желудок перед битвой, и теперь ощущал свой желудок, и это тоже было приятно, как и любое из ощущений само по себе.

– Ну, – сказал он, – быстрее начнем, быстрее закончим.

Моряки вытаращили на него глаза. Они уже успели вытащить на палубу пики и теперь сжимали их с такой силой, словно собирались плыть с ними в обнимку. На пяти загорелых, грязных и заросших лицах читался ужас, моряки нервно сглатывали, шевеля кадыками. Ранильд стоял с решительным видом, держа в левой руке взведенный арбалет. Нильс, хотя и бледный, пылал и дрожал от нетерпения. Он был слишком молод, и до него еще не дошло, что молодые тоже могут умереть.

– Беритесь за дело, тюфяки, – презрительно усмехнулся Кеннин. – Пора приниматься за настоящую работу. Что, лебедку покрутить уже кишка тонка?

– Здесь приказываю я, мальчик, – непривычно спокойно произнес Ранильд. – Но он все же прав. За работу.

Сивард облизнул губы.

– Шкипер, – хрипло выдавил он. – Я... мне... а не лучше ли будет повернуть обратно?

– Заплыв в такую даль? – усмехнулся Ранильд. – Знай я раньше, что ты баба, смог бы найти тебе другое применение.

– Зачем съеденному человеку золото? Мужики, подумайте! Спрут может утащить нас в море так же легко, как мы вытаскиваем попавшую на крючок камбалу. Мы...

Больше ему говорить не пришлось. Ранильд свалил Сиварда на палубу ударом, раскрывавшим ему нос.

– К лебедке, отродье портовых шлюх, – взревел капитан, – или пусть меня сожрет дьявол, если я сам не отправлю вас в пасть к спруту!

Моряки бросились выполнять приказ.

– Храбрости ему не занимать, – заметила Эйян на языке морских людей.

– Но и подлости тоже, – предупредил ее Тауно. – Никогда не поворачивайся спиной к любому из этой шайки.

– Кроме Нильса и Ингеборг.

– О, разве ты не захотела бы повернуться *спиной* к нему, а я к ней? – рассмеялся Кеннин. Он тоже не испытывал страха, ему не терпелось скорее оказаться в море.

Собрав примитивный подъемник, моряки подняли над палубой то, что готовилось весь долгий путь. В огромный валун был намертво вколочен большой железный стержень, затем выступающую его часть расплющили и заточили в форме зазубренного наконечника копья. По окружности валуна вбили кольца, а к ним привязали огромную сеть. По внешнему краю сети закрепили двенадцать корабельных якорей. Всю эту конструкцию свернули в огромный сверток и привязали к плоту, правильный размер которого подобрали методом проб и ошибок. Подъемник перенес все сооружение через правый борт, накренив шлюп.

– Пошли, – сказал Тауно. Сам он не испытывал страха, хотя и сознавал, что этот мир – тот, что сейчас его принимал и который он воспринимал многократно обострившимися от опасности чувствами, – может внезапно перестать для него существовать, и не только в настоящем и будущем, но и в прошлом.

Полукровки сбросили всю одежду, оставив только головные повязки и пояса для кинжалов. У каждого через плечо была переброшена пара гарпунов. На мгновение они остановились у борта. Перед ними сверкало родное море – перед высоким Тауно, гибким Кеннином, белокожей высокогрудой Эйян.

К ним подошел Нильс. Переплетя свои руки с руками Эйян, он поцеловал девушку и заплакал, потому что не мог отправиться вместе с ними. Рядом Ингеборг взяла за руки Тауно, не сводя с него глаз. Она причесалась, но на лоб ей спадала выбившаяся соломенная прядь. На ее курносом широкооротом веснушчатом лице Тауно увидел ту печальную привлекательность, которую никогда раньше не встречал среди морского народа.

– Может случиться, я больше не увижу тебя, Тауно, – сказала она так тихо, что даже стоявшие рядом не расслышали ее слов, – и знаю, что сейчас не могу и не должна высказать то, что переполняет мое сердце. Но я стану молиться за вас, чтобы если будет суждено тебе встретить смерть в этой схватке ради твоей сестры, то Господь дал тебе в последний момент ту чистую душу, которой ты заслуживаешь.

– О, ты так... добра, но... Знаешь, я твердо намерен вернуться.

– На рассвете я набрала ведро морской воды, – прошептала она, – и начисто вымылась. Ты поцелуешь меня на прощание?

Тауно молча поцеловал ее.

– За борт! – тут же крикнул он и прыгнул первым.

Шестью футами ниже море приняло его с радостным всплеском и обволокло своей животворной силой. Целую минуту он упивался его вкусом и прохладой и лишь потом скомандовал:

– Опускайте.

Моряки спустили на воду нагруженный плот. Тот остался на поверхности – вес его груза точно уравновешивал подъемную силу. Тауно отвязал веревки. Люди столпились у борта. Полукровки помахали руками – не морякам, а ветру и солнцу – и ушли под воду.

Сделать первый вдох в море всегда легче, чем первый вдох воздуха – надо лишь выдохнуть, а затем расправить губы и грудь. Вода входит в тебя, пощипывая рот, ноздри, горло, легкие, пропитывает органы, кровь и все тело до самого дальнего волоска и ногтя. Такая нежная встряска переключает организм на подводную жизнь: тончайшие телесные соки начинают разлагать сам жидкий элемент, образуя вещество, в равной мере поддерживающее жизнь рыбы, зверя, плоти и огня; сквозь ткани просеивается соль, внутренние печи разгораются в полную мощь по сравнению с прежним тлеющим светильником.

И именно в этом кроется причина немногочисленности морского народа. В море им требуется гораздо больше пищи, чем человеку на берегу. Скудный улов или болезнь среди китов могут стать причиной голодной смерти целого племени. Море дает, но оно и берет.

Дети Агнете окружили неуклюжий груз, ухватились за него и поплыли в глубину.

Поначалу вода вокруг них напоминала по цвету молодую листву и старый янтарь. Вскоре начали сгущаться сумерки, прошло совсем немного времени, и мрак поглотил последние

остатки света. Несмотря на возбуждение, они ощутили холод. Их обволакивала тишина. Они направлялись к глубинам, неизвестным в Каттегате или во всей Балтике, – здесь был океан.

– Подождите, – сказал Тауно на языке морских людей, предназначенном для разговоров под водой, языке низких звуков, пощелкиваний и причмокиваний. – Плот опускается спокойно? Вы сможете его удержать?

– Да, – ответили Кеннин и Эйян.

– Хорошо. Тогда здесь меня и ждите.

Они не стали возражать, выказывая чрезмерную смелость. План был составлен, и теперь они подчинялись ему с готовностью тех, кто уважает большую глубину. Тауно, самому сильному и опытному, предстояло отправиться на разведку.

У каждого к левому предплечью был пристегнут фонарик из Лири. То был пустотелый хрустальный шар, наполовину обложенный полированными серебряными пластинками, другой половине была придана форма линзы. Точно такие шары освещали дома морских людей – в них обитали крошечные морские животные, светящиеся в темноте. Отверстие в шаре, затянутое мельчайшей сеткой, не давало им уплыть и пропускало внутрь воду. Шар покоился в ящике из костяных пластинок с заслонкой. Сейчас заслонки всех фонариков были опущены.

– Да пребудет с тобой удача, – сказала Эйян. Трое обнялись в темноте. Тауно стал погружаться.

Он плыл все ниже и ниже. Он не мог представить, что мир может стать еще более темным, унылым и застывшим, но именно это происходило вокруг. Снова и снова ему приходилось напрягать мускулы груди и живота, уравнивая внешнее давление с внутренним, но даже после этого он ощущал тяжесть каждого нового фута глубины.

Наконец он почувствовал, как способен человек ночью почувствовать перед собой стену, что приближается ко дну. Он уловил запах... вкус... ощущение... прогорклости плоти – вода еле уловимо пульсировала, протекая через жабры спрута.

Тауно поднял заслонку фонаря. Луч был слаб и не проникал далеко, но его гораздо более чувствительным глазам света хватило. По его телу пробежал трепет восторга.

Под ним простирались целые акры руин. Аверорн некогда был велик и выстроен целиком из камня. Большинство его зданий превратилось в бесформенные холмики на илистом дне. Но вот глаза различили башню, похожую на обломанный зуб в челюсти мертвеца, чуть подальше – наполовину обрушившийся храм, грациозные колоннады вокруг статуи божества, сидящего перед своим алтарем и смотрящего в вечность незрячими глазами; неподалеку могучие развалины замка, чьи укрепления теперь охраняют зловещие светящиеся рыбы. А вот и гавань, видимая как холмы бывших причалов и городских стен, все еще тесно уставленная галеонами; вот дом без крыши, где скелет мужчины до сих пор пытается заслонить собой скелеты женщины и ребенка; и повсюду, куда ни глянь, – распахнутые сокровищницы и кладовые, где мерцают золото и алмазы!

А посередине распростерся спрут. Восемь его тускло поблескивающих щупалец дотягивались до каждой из углов восьмиугольной центральной площади города, на которой было выложено его мозаичное изображение. Два других, самых длинных щупальца, вдвое длиннее «Хернинга», обвивались вокруг колонны на северной стороне площади, на вершине которой стоял диск с тремя лучами – символ побежденного спрутом бога. Отвратительная голова с плавниками мешком распласталась на дне; Тауно успел заметить кривой клюв и темные глаза без век.

Он тут же захлопнул заслонку и в наступившем полном мраке начал подниматься. Со дна через воду до него донеслась пульсация, ему даже показалось, что мир задрожал. Он направил вниз луч света. Спрут пошевелился. Тауно разбудил его.

Тауно стиснул зубы и отчаянно заработал руками и ногами, отталкиваясь от плотной ледяной воды и не обращая внимания на боль от слишком быстро уменьшающегося давления.

Прирожденные чувства подводного жителя подсказывали ему направление движения. Со дна донесся грохот – спрут потянулся и зевнул, обрушив при этом портик.

На границе света и тьмы он остановился, завис и помигал фонариком. Внизу медленно набухала гигантская тень.

Теперь, пока не подспеют Кеннин и Эйян, он должен остаться живым, удерживая спрута на месте и не давая ему ускользнуть.

В центре этого поднимающегося грозового облака злобно сверкнули глаза. Щелкнул клюв, длинное щупальце начало разворачивать кольца, протягиваясь к нему. Оно было покрыто присосками, и каждая из них была способна вырвать ему ребра. Тауно едва успел увернуться. Щупальце приблизилось, разворачивая петлю за петлей, и он по рукоятку вонзил в него кинжал. Кровь, хлынувшая в воду, когда он вырвал лезвие, оказалась во вкусу похожей на крепкий уксус. Удар щупальца отбросил его прочь. Тауно закувыркался, сжавшись от боли и головокружения.

Теперь к нему потянулись сразу два щупальца. «Кто я такой, чтобы сражаться с богом?» – мелькнуло у него в голове. Он ухитрился снять с плеча гарпун и за мгновение до того, как его должно было стиснуть сокрушительное объятие, метнулся вперед со всей скоростью, на какую еще был способен. Быть может, удастся вонзить острое в пасть спрута.

Оглушительный визг швырнул его в беспамятство.

Минутой позднее он очнулся. Голова раскалывалась, в ушах звенело, вода вокруг бурлила. Эйян и Кеннин поддерживали его с боков. Полуоглушенный, он взглянул вниз и разглядел уменьшающуюся угольно-черную тень. Тонущий спрут извивался и молотил щупальцами.

– Взгляни, ты только взгляни! – ликующе воскликнул Кеннин, направляя вниз луч фонарика. Пробившийся сквозь кровь, сепию и бурлящую воду тусклый свет выхватил из темноты извивающееся от боли чудовище.

Брат и сестра успели подвесить над ним свое оружие и перерезали удерживающие его на плоту веревки. Копье с прикрепленной к нему тонной камня пронзило тело спрута.

– Ты ранен? – спросила Тауно Эйян. Ее голос с трудом пробился сквозь грохот и шум. – Сможешь нам помочь?

– А что мне еще остается? – пробормотал он в ответ и потряс головой. Туман перед глазами немного рассеялся.

Спрут опустился на некогда убитый им город. Рана от копья, хотя и опасная, не оборвала его холодную жизнь, да и вес камня был не настолько велик, чтобы не дать ему вновь подняться. Но зато теперь на него была наброшена огромная сеть.

И сейчас детям водяного предстояло закрепить на развалинах Аверорна привязанные к краям этой сети якоря.

Отчаянна была их работа. Гигантское тело билось, огромные щупальца перемолачивали воду и хватали все, до чего могли дотянуться. Взмученный ил и тошнотворные чернила слепили глаза и забивали до кашля легкие вонючими облаками; веревки хлестали, спутывались и рвались, под чудовищной силы ударами рушились стены, оглушительные вопли спрута звонком отдавались в голове, продавливая барабанные перепонки; их били и грубо отшвыривали щупальца, облепленные острыми ракушками, железистый привкус их собственной крови смешался с кислотой крови спрута, и когда им наконец удалось пригвоздить его ко дну, они были полумертвыми от усталости.

Но спрут теперь был обездвижен, и они поплыли к тому месту, где пульсировала и дергалась гигантская голова, щелкая клювом на стиснувшие ее путы, а под сетью клубком змей извивались щупальца. Сквозь мутную темноту они взглянули в его широкие настороженные глаза. Спрут перестал биться, и слышался лишь шорох протекающей сквозь его жабры воды. Он уставился на них немигающими глазами.

– Ты был храбр, наш морской брат, – сказал Тауно. – И потому знай, что мы убьем тебя не ради корысти.

Он выбрал правый глаз, Кеннин – левый, и каждый вонзил в глаз по гарпуну до самого конца древка. Когда же спрут не перестал дергаться, они использовали вторую пару, затем оба гарпуна Эйян. Кровь спрута и его муки заставили их быстро отплыть в сторону.

И вскоре все кончилось. Одно из остриев достигло мозга и пронзило его.

Полукровки поплыли из Аверорна к солнечному свету. Вырвавшись на воздух, они увидели шлюп, качающийся на крупных волнах, поднятых схваткой в глубине. Тауно и Эйян даже не стали тратить силы на освобождение легких, хотя воздухом им было бы дышать легче, чем водой. Они остались на поверхности, слегка пошевеливая руками, позволяя океану успокаивать и баюкать их стонущие от боли тела, упиваясь наслаждением жизни. Лишь более молодой Кеннин крикнул столпившимся у борта побледневшим матросам:

– Мы победили! Спрут мертв! Сокровище наше!

Услышав его слова, Нильс вскарабкался по выбленкам и закукарекал. Из глаз Ингеборг брызнули слезы. Моряки испустили подозрительно короткий торжествующий крик и после этого поглядывали в основном на Ранильда.

В волнах мелькнули две стайки дельфинов, им не терпелось узнать новости.

Но дело еще не было доведено до конца. Ранильд передал пловцам длинный канат с грузом, крюком на конце и привязанным к нему мешком. Полукровки снова нырнули.

Светящиеся рыбы, слишком быстрые для щупалец спрута, уже набросились на его мертвую тушу.

– Давайте сделаем дело и уплывем отсюда как можно скорее, – сказал Тауно. Его спутники согласились – им тоже было не по душе раскапывать гробницы.

И они занялись этим лишь ради Ирии, ставшей теперь Маргрете. Снова и снова наполняли они мешок монетами, блюдами, кольцами, коронами и слитками; снова и снова подвешивали к крюку золотые сундуки, канделябры и статуи богов. Такую длинную веревку бесполезно было дергать, подавая сигнал, и моряки просто выбирали ее каждые полчаса. Вскоре Тауно понял, что к ней следует привязать и фонарь, потому что, хотя море над их головами и успокоилось, «Хернинг» понемногу дрейфовал и веревка ни разу не опустилась дважды в одно и то же место. В промежутках дети водяного разыскивали новые сокровища, отдыхали или перекусывали сыром и вяленой рыбой – их клала в мешок Ингеборг.

Так продолжалось, пока Тауно устало не произнес:

– Нам говорили, что хватит нескольких сотен фунтов. Клянусь, мы подняли целую тонну. Жадный человек становится несчастливym. Заканчиваем?

– Да, да, конечно. – Эйян взглядела в мрак, едва освещенный тусклым светом их жалкого фонарика, вздрогнула и приблизилась к старшему брату. До сих пор Тауно очень редко видел ее испуганной.

У Кеннина оказалось другое мнение.

– Я начинаю понимать, почему наземные жители так любят грабить, – с усмешкой сказал он. – В бесконечности поиска этих безделушек удовольствия не меньше, чем в бесконечности эля или женщин.

– Не так уж они и бесконечны, – возразил более практичный Тауно.

– Почему же, разве не будет бесконечностью то, что ты не сможешь исчерпать за всю свою жизнь – ни потратить все золото, ни выпить весь эль, ни полюбить всех женщин?.. – рассмеялся Кеннин.

– Не бери его слова всерьез, – прошептала Эйян на ухо Тауно. – Он еще мальчик, и весь мир для него – открытие.

– Да я и сам не старик, – заметил Тауно, – хотя лишь троллям известно, что я почти ощущаю себя таковым.

Они избавились от фонариков, сложив их напоследок в мешок. Он поднимется быстрее, чем смогут они, – быстрый подъем опасен. Тауно отдал честь невидимому Аверорну.

– Спи спокойно, – прошептал он, – и пусть твой сон никто не нарушит до Конца Света.

И они поднялись из холода, мрака и смерти, пересекли границу света, а за ней – границу воды и воздуха. Солнце на западном горизонте бросало лучи почти над самой водой, и небо в той стороне было зеленоватым; на востоке, на небе цвета королевской голубизны, уже замерцала вечерняя звезда. Катились пурпурные и черные волны, окаймленные пеной, хотя бриз уже стих. В вечерней прохладе их шорох и плеск были единственными звуками, нарушавшими тишину кроме тех, что издавали резвящиеся дельфины.

Им хотелось узнать обо всем, но полукровки слишком устали. Они пообещали дельфинам рассказать все подробно завтра, выдохнули воду из легких и поплыли к шлюпу. Кроме Ранильда, никто не ждал их у переброшенной через борт веревочной лестницы.

Тауно поднялся первым. Он встал, стряхивая с себя воду и слегка дрожа, и огляделся. У Ранильда на согнутой руке лежал арбалет, а стоявшие возле мачты его люди сжимали пики. Но ведь спрут мертв! И где Ингеборг и Нильс?

– Гм-ммм... вы удовлетворены? – буркнул себе под нос Ранильд.

– Мы набрали достаточно и для нашей сестры и чтобы сделать всех вас богатыми, – ответил Тауно. Замерзший, израненный и измученный, он едва держался на ногах. Такие же боль и онемение сковывали и его мозг. Сейчас ему полагалось бы воспеть в стихах их победу, но нет, стихи подождут – ему нужны лишь отдых и сон.

Эйян перебралась через борт.

– Нильс? – позвала она.

Ей хватило одного взгляда на стоящую неподалеку шестерку моряков, и ее нож тут же со свистом вылетел из ножен.

– Предательство... и так скоро?

– Убейте их! – взревел Ранильд.

Кеннин только что сделал последний шаг по лестнице и застыл, перекинув ногу через борт. Едва моряки бросились вперед, выставив пики, он испустил громкий крик и spryгнул на палубу. Ни одно из неуклюжих древков не оказалось достаточно быстрым, чтобы остановить его. Он мчался к глотке Ранильда, и на лезвии его ножа тускло блестели красноватые лучи закатного солнца.

Ранильд поднял арбалет и выстрелил. Кеннин рухнул к его ногам. Стрела пронзила грудь и сердце и вышла на спине. На палубу потекла кровь.

Тут до Тауно запоздало дошло: Ингеборг предупреждала его о предательстве, но Ранильд оказался для нее слишком хитер. Должно быть, он подбивал каждого из моряков в одиночку в потайных уголках трюма. И едва пловцы отправились за сокровищами, он отдал приказ схватить женщину и Нильса. И убить их? Нет, на палубе могли остаться следы. Лучше связать, заткнуть кляпами рты и сунуть в трюм, пока не вернутся доверившиеся им полукровки.

Мгновенная сообразительность Эйян и быстрые действия Кеннина нарушили их план. Натиск моряков был сломлен и заторможен, и это дало Тауно и Эйян возможность прыгнуть за борт.

Две пики вонзились в воду неподалеку, не причинив им вреда. Ранильд перегнулся через борт черным силуэтом на фоне вечернего неба.

– Это вам пригодится на пути домой как пропуск для акул! – загоготал он.

И швырнул в воду тело Кеннина.

С ними, по обычаю морского народа, Тауно и Эйян оставили своего брата. Они закрыли ему глаза, сложили руки и забрали нож – сталь уже начала ржаветь, – теперь они смогут пользоваться вещью, знавшей Кеннина. Справедливо получить от него последний подарок, и теперь он достанется им, его друзьям, а не морским угрям.

Брат и сестра отплыли в сторону, а длинные серо-голубые тени очень плавно и нежно окружили Кеннина, и над вечерним океаном поплыла песнь прощания:

Дальний и долгий путь предстоит, Выпало весть донести на край света
О солнце сияющем, волнах веселых, Прибое призывном и вольных ветрах.
Тебя ожидает жизни Податель. Брат наш, Воздуха тебе И воды тебе. Ты в памяти нашей по-прежнему с нами.

– Тауно! О Тауно! – зарыдала Эйян. – Он был таким молодым!

Брат крепко прижал ее к себе. Невысокие волны покачивали их тела.

– Норны³ неумолимы, – сказал Тауно. – Он достойно встретил смерть.

К ним подплыл дельфин и по-дельфины спросил, в какой еще помощи они нуждаются. Корабль не так уж трудно удержать на месте, разбив ему руль, и вскоре жажда свершит справедливое возмездие.

Тауно взглянул на виднеющийся на горизонте неподвижный шлюп со спущенным парусом.

– Нет. У них заложники. Но в любом случае надо что-то сделать.

– Я вспорю герру Ранильду брюхо, – сказала Эйян, привяжу конец его кишок к мачте и заставлю бегать вокруг, пока он к ней не привяжется.

– Вряд ли он заслуживает таких хлопот, – возразил Тауно. – Но он опасен, да. Атаковать сам корабль при помощи дельфинов или же подплыть под него и оторвать от корпуса доску нетрудно. Зато захватить его, напротив, трудно, почти невозможно. Но мы все же должны попробовать – ради Ирии, Ингеборг и Нильса. Отправимся лучше поесть, сестра, – дельфины поймают для нас что-нибудь, да и отдохнуть тоже. Мы потратили много сил.

Вскоре после полуночи он проснулся отдохнувшим. Горе не смогло лишить его сил, и все его тело переполняли жажда мести и стремление прийти на помощь.

Эйян спала рядом с ним, окутанная облаком своих волос. Каким удивительно невинным, почти детским стало ее лицо с полураскрытыми губами и длинными ресницами, касающимися щек. Неподалеку кружились дельфины-сторожа. Тауно поцеловал сестру в ложбинку между шеей и грудями и бесшумно скользнул в сторону.

Стояла светлая летняя северная ночь. Небо над головой слегка светилось, делая свет звезд в этом полумраке более бледным и нежным. Еле шевелящаяся морская гладь слабо мерцала, низкий полуразличимый гул прилива смешивался с шорохом маленьких волн. Воздух был тих, прохладен и влажен.

Тауно добрался до «Хернинга» и проплыл вокруг него с бесшумностью акулы. У руля, кажется, никого не было, но у каждого из бортов оказалось по часовому с поблескивающей пикой, третий сидел в гнезде на верхушке мачты. Трое наверху, значит, в трюме еще трое. Выходит, Ранильд настороже и не намерен оставлять своим врагам ни единого шанса.

Или нет? Борты в середине корабля возвышаются над водой всего на шесть футов. Можно найти способ взобраться на борт...

И, если повезет, убить одного или двух, пока шум схватки не поднимет на ноги остальных. Бессмысленно. Раньше детям водяного удалось одолеть весь экипаж, но в тот раз у моряков не было ничего опаснее ножей, да и никто из них особенно не желал схватки. К тому же, едва удалось справиться с Олувом, началась просто драка, а не битва насмерть.

А теперь не было и Кеннина.

Выставив из воды только лицо, Тауно лежал на поверхности и ждал.

---

³ Норны – богини судьбы в скандинавской мифологии.

Наконец он расслышал звук шагов. Часовой на верхушке мачты, темная тень на фоне звезд, крикнул:

– Ну-ну, ты уже так по нас соскучилась?

– Не забывай, что ты на посту, – отозвался голос Ингеборг, но какой усталый и безразличный! – Знай я, что шкипер повесит тебя за уход с поста, я стиснула бы зубы и ублажила тебя, но вряд ли мне настолько повезет. Так знай, я вышла из этого свинарника в трюме лишь плотнуть свежего воздуха, да позабыла, что и на палубе полно свиней.

– Попридержи язык, девка. Сама знаешь, мы не можем рисковать и оставлять тебя живым свидетелем, но умереть можно очень многими способами.

– И если ты слишком обнаглеешь, мы еще подумаем, оставлять ли тебе жизнь до последней ночи в море, – продолжил моряк у левого борта. – С этим золотом я смогу купить больше девок, чем мне по силам справиться, так что какое мне дело до Ингеборг-Трески?

– Верно, и вообще пора ее освежить, – поддакнул моряк на мачте и начал мочиться на нее. Ингеборг с плачем убежала на полуют. Вслед ей понесся грубый хохот.

Тауно на минуту замер, потом бесшумно нырнул и добрался под водой до руля.

Руль оброс острыми ракушками и скользкими водорослями. Тауно стал подниматься, еще медленнее и осторожнее, чем когда разведывал логово спрута. Из-за кривизны борта румпель находился в восьми футах над водой, в углублении под верхней палубой. Тауно обеими руками ухватился за его стержень, изогнул тело и просунул пальцы ног между стержнем и корпусом. Одним плавным движением, не обращая внимания на впивающуюся в тело бронзу, он взобрался по кронштейну румпеля, ухватился пальцами за край борта и подтянулся, положив на борт подбородок.

– Что это там? – крикнул моряк с палубы.

Тауно замер. Звук стекающих с него в море капель был не громче плеска волн о холодный на ощупь борт.

– Да так, то ли чертов дельфин, то ли еще что, – отозвался другой. – Клянусь бородой Христа, я буду только рад смыться из этих проклятых вод!

– А что ты первым делом сделаешь, сойдя на берег?

Трое моряков принялись болтать, щедро отпуская грубые остроуты. Тауно отыскал Ингеборг. Она затаила дыхание, заметив его силуэт на фоне серебристо-темного неба, и замерла с колотящимся от волнения сердцем.

Тауно увлек ее за собой в темноту под полуютом, но даже во мраке не мог не ощутить округлую крепость ее тела, теплый аромат ее кожи и волосы, щекочущие приблизившиеся к ее уху губы.

– Что делается на корабле? – прошептал Тауно. – Нильс жив?

– До утра. – Она не смогла ответить ему с той же твердостью, с какой произнесла бы эти слова Эйян, окажись та на ее месте, но все же сумела овладеть своими чувствами. – Ты ведь знаешь, они связали нас и заткнули нам рты. Меня они на время оставили в живых – слышал? Если бы Нильс мог им на что-нибудь сгодиться, они не пошли бы на такую подлость. Но он, конечно, и сейчас лежит связанный. Они прямо при нем принялись решать, что с ним делать, и в конце концов согласились, что веселее всего будет повесить его утром на нок-рее. – Ее ногти впились в руку Тауно. – Не будь я христианкой, с какой радостью я бросилась бы в море!

Он не понял смысла ее слов.

– Не надо. Я не смогу тебе помочь, и если не по другим причинам, то от холода ты наверняка погибнешь... Дай подумать... Ага!

– Что ты придумал? – По ее интонации он понял, что она не хочет напрасных надежд.

– Сможешь шепнуть несколько слов Нильсу?

– Разве что когда его выведут на казнь. Они наверняка притащат меня посмотреть.

– Тогда... если сможешь сделать так, что тебя никто не услышит, передай ему, пусть восприняет духом и приготовится сражаться. – Тауно на минуту задумался. – Нужно будет отвести их взгляды от воды. Когда они соберутся надеть петлю на шею Нильса, пусть он начнет изо всех сил сопротивляться. И ты тоже – бросайся на них, царапай, кусай, пинай, кричи что есть мочи.

– Ты думаешь... ты и в самом деле веришь... хорошо, я сделаю все, что смогу. Господь милосерден, раз он... позволит мне умереть в битве рядом с тобой, Тауно.

– Только не это! Не рискуй собой! Если на тебя набросятся с ножом – уклонись, умоляй о пощаде. И укройся, чтобы не пострадать в схватке. Мне не нужен твой труп, Ингеборг, мне нужна ты.

– Тауно, Тауно. – Ее губы стали искать губы Тауно.

– Я должен уйти, – прошептал он ей в ухо. – До завтра.

Он вернулся в море с той же осторожностью, с какой покинул его. Мокрое тело Тауно промокло ее одежду насквозь, и Ингеборг решила, что лучше остаться под полуютом, пока одежда не высохнет. Уснуть она все равно бы не смогла. Она встала на колени.

– Слава Господу всевышнему, – произнесла она, запинаясь. – Слава тебе, пресвятая дева, в милости твоей... ты ведь женщина, ты поймешь... ведь с тобой рядом Господь...

– Эй, ты! – крикнул моряк. – Кончай этот треп. Что, в монашки подалась?

– Хочешь, я стану твоим божественным женихом? – поддакнул моряк с мачты.

Голос Ингеборг смолк, но душа ее не смогла успокоиться. Вскоре часовые позабыли о ней. Вокруг корабля закружили два десятка дельфинов. В ночных сумерках за их спинами виднелся пенный след, хотя двигались они поразительно бесшумно, выставив над водой похожие на острие оружия плавники.

Моряки вызвали из каюты Ранильда, тот нахмурился и подергал себя за бороду.

– Не нравится мне это, – пробормотал он. – Клянусь х... святого Петра, как мне хотелось наколоть тогда на пики тех двух рыбакоуев! Они замышляют недоброе, будьте уверены... Впрочем, вряд ли они станут топить шлюп, как они тогда перевезут золото? Не говоря уже об их дружбе и этой суке.

– А может, нам и Нильса пока не убивать? – засомневался Сивард.

– М-м-м... нет. Надо показать этим сволочам, что мы не шутим. Крикни лучше в море, что, если они и дальше не оставят нас в покое, Ингеборг-Треску будет ждать нечто похуже повешения. – Ранильд лизнул палец и поднял его вверх. – Я чувствую ветерок. Отплываем на рассвете, как только подвесим Нильса на рее. – Он вытащил меч и погрозил кольцу дельфинов. – Слышите? Проваливайте обратно в свои подводные пещеры, бездушные твари! Мы, христиане, отправляемся домой!

Ночь близилась к концу. Дельфины лишь кружили вокруг корабля, ничего не делая, и в конце концов Ранильд решил, что на большее они не способны, а прислали их полукровки либо в тщетной надежде что-либо узнать, либо от еще более тщетного отчаяния.

Легкий бриз крепчал. Волны начали резче биться о борт, раскачивая шлюп. Заслоняя бледные звезды, непонятно откуда пролетела стая черных лебедей.

Звезды растаяли, смытые с неба ранним летним рассветом. Небо на востоке стало белым, на западе осталось серебристо-голубым, и там все еще висела призрачная луна. Гребни волн окрасились светом, а склоны их стали пурпурными и черными; поверхность моря замерцала и заискрилась зеленью, похожей на зеленый оттенок ледника, зашумела и запенилась. В вантах загудел ветер.

Моряки вывели Нильса из трюма по лесенке, подталкивая остриями пик. Руки у него остались связанными за спиной, и подниматься ему было тяжело. Дважды он падал, моряки грубо хохотали. Грязная одежда Нильса была запятнана кровью, но его развевающиеся волосы и мягкая пушистая борода сохранили цвет все еще невидимого солнца. Он широко расставил

ноги, удерживая равновесие на раскачивающейся палубе, и глубоко вдохнул влажный ветренный воздух.

Торбен и Палле остались на страже у бортов, Сивард – на мачте. Лейв и Тиге караулили пленника. Ингеборг стояла в стороне с побледневшим лицом, чувства теплились лишь в ее глазах. Нильс дерзко посмотрел в глаза Ранильда, держащего в руках петлю на конце веревки, переброшенной через нок-рею.

– Раз у нас нет священника, – сказал Нильс, – быть может, ты мне позволишь еще раз прочитать «Отче наш»?

– А зачем? – отозвался шкипер, растягивая слова.

Ингеборг подбежала к нему.

– Может, я его исповедаю и отпущу грехи?

– Ты? – изумился Ранильд, но тут же расплылся в улыбке. Вслед за ним заушмылялись и моряки. – Верно, верно.

Он велел Лейву и Тиге отойти назад, а сам прошел ближе к носу корабля. Удивленный Нильс остался на месте.

– Начинай! – крикнул Ранильд, перекрывая гул ветра и плеск волн. – Поглядим на представление. А ты, Нильс, проживешь ровно столько, сколько будешь в нем участвовать.

– Нет! – крикнул парень. – Ингеборг, как ты могла?

Ингеборг ухватила его за чуб, приблизила лицо сопротивляющегося Нильса к своему и зашептала. Моряки увидели, что Нильс воспрянул, глаза его вспыхнули.

– Что ты ему сказала? – властно произнес Ранильд.

– Оставьте в живых *меня*, и тогда, быть может, скажу, – весело отозвалась Ингеборг. Она и Нильс стали изображать последний обряд, насколько это у них получалось, а моряки смотрели на них и хохотали.

– Рах vobiscum⁴, – произнесла наконец немного знакомая с церковной службой Ингеборг. Потом перекрестила стоящего на коленях Нильса, и это дало ей возможность прошептать: – Господь простит нам это и простит то, что не к нему я взывала. Нильс, если мы не переживем этот день, желаю тебе добра.

– И я тебе, Ингеборг. – Нильс поднялся. – Я готов.

Удивленный и весьма теперь неуверенный Ранильд двинулся к нему с петлей в руке.

– Йа-а-а-а-а! – неожиданно завизжала Ингеборг и бросилась на Лейва, целясь ногтями ему в глаза. Лейв прыгнул в сторону.

– Что за черт? – прохрипел он. Ингеборг повисла на нем, кусаясь, визжа и царапаясь. Тиге бросился ему на помощь. Нильс наклонил голову, разбежался и ударил Ранильда в живот. Шкипер повалился на бок, и Нильс сразу ударил его ногой по ребрам. Торбен и Палле спрыгнули с фальшбортов и бросились на Нильса. Сверху, разинув от удивления рот, на них смотрел Сивард.

Дельфины уже столько часов кружились вокруг корабля, что экипаж давно перестал опасаться нападения с воды и больше не обращал на них внимания. Сивард заметил опасность, но было уже слишком поздно.

Из-за борта возле полуяута на палубу прыгнула Эйян. В руке у нее сверкнул нож.

А из моря появился Тауно. Он освободил легкие, цепляясь за обросший ракушками борт и укрывшись под выступом носового кубрика. В нужный момент снизу всплыл дельфин. Тауно руками и ногами ухватился за его спинной плавник, дельфин взметнулся вверх и поднял его до половины высоты борта. Тауно выпрямился, ухватился за край борта и тут же оказался на палубе.

---

⁴ Покойся в мире (*лат.*).

Палле начал оборачиваться. Тауно схватил левой рукой древко его пики, а правой вонзил в Палле кинжал. Тот свалился на палубу, кровь хлынула из него, как из зарезанного бора. Древком пики Тауно ударил Торбена под дых. Торбен зашатался и отступил.

Тауно перерезал веревки на запястьях Нильса и протянул ему свой второй кинжал.

– Держи. Это кинжал Кеннина.

Нильс радостно вскрикнул и повернулся к Торбену.

Лейв все еще не мог стряхнуть с себя Ингеборг. Эйян подбежала к нему сзади и вонзила в шею кинжал. Она еще не успела извлечь обратно лезвие, как с пикой наперевес на нее кинулся Тиге. Эйян с насмешливой легкостью уклонилась, нырнула под древко и прыгнула на Тиге. Не стоит описывать то, что было с ним дальше. Морские люди не воинственны, но они прекрасно знают, как надо разрывать врага на куски.

Сидящий на мачте Сивард лишь крестился и молил о пощаде.

Хотя Торбен и был оглушен, Нильс не смог прикончить его сразу, и лишь после нескольких попыток ему удалось вонзить ему в живот нож. Но даже после этого Торбен не умер, он истекал кровью и выл, пока Эйян не перерезала ему горло. Нильса тут же стошнило. Тем временем Ранильд пришел в себя, поднялся и выхватил меч. По лезвию пробежал холодный огонек. Он и Тауно закружились по палубе, отыскивая брешь в защите противника.

– Что бы ты сейчас ни сделал, – сказал ему Тауно, – ты все равно уже мертвец.

– Если я и умру во плоти, – оскалился Ранильд, – то все равно буду жить вечно, а ты станешь просто кучей навоза.

Тауно остановился и провел пальцами по волосам:

– Не понимаю, почему должно быть именно так. Наверное, вы, люди, более нас нуждаетесь в вечности.

Ранильд решил, что у него появился шанс, и бросился вперед, угодив тем самым в ловушку Тауно. Ранильд ударил мечом, но рассек лишь воздух – Тауно отскочил и рубанул Ранильда по запястью ребром левой ладони. Меч со звоном отлетел в сторону. Правая рука Тауно вонзила нож. Ранильд свалился на палубу. Поднявшееся солнце окрасило его кровь в глубокий красный цвет.

Рана Ранильда не была смертельной. Он посмотрел в глаза склонившегося над ним Тауно и выдохнул:

– Позволь мне... исповедаться перед Богом... и избежать ада.

– А какое мне до тебя дело? – спросил Тауно. – У меня же нет души.

Он поднял слабо сопротивляющееся тело и сбросил его за борт акулам. А Эйян полезла наверх по вантам, чтобы навсегда успокоить Сиварда.

Книга вторая Тюлень

1

Ванимен, некогда царь города Лири, а ныне капитан безымянного корабля – поскольку его прежнее название, «*Pretiosissimus Sanguis*»⁵, по мнению царя, могло лишь накликать несчастье, – стоял на носу и пристально смотрел вдаль, словно отыскивал неведомый берег. Все на корабле видели, что его могучее тело напряжено, а чело мрачно.

За его спиной, теряя ветер, хлопал парус. Корпус корабля громко трещал, перекатываясь на нещадно треплющих его волнах. Палубу окатывали брызги. Пассажиры, в основном женщины и дети, жались друг к другу. Из тесной толпы доносились сердитые крики.

Ванимен не замечал их. Его взгляд блуждал над волнами. Серо-стальные, отороченные снежно-белой пеной на высоких гребнях, они катились навстречу, прикрытые низкой пеленой мрачных клочковатых туч. Ветер гудел, завывал в снастях, запускал ледяные клыки в тело. Вдалеке у горизонта проносились дождевые шквалы. Пурпурно-черная каверна туч прямо по курсу только что проглотила послеполуденное солнце. Все шире разевая огромную пасть, она вспыхивала молниями. Раскаты грома разносились на многие лиги вокруг.

Ощувив надвигающуюся опасность, плававшие в море соплеменники Ванимена начали торопливо возвращаться. Корабль не мог принять на борт всех, но их помощь могла очень пригодиться. Время от времени Ванимен замечал их мелькающие в волнах тела. Вскоре неподалеку показался и спинной плавник его верной косатки.

Поднявшись по трапу, рядом с ним встала Мейива. Ее голубые волосы были заплетены в косы, и ветер не мог трепать их столь же яростно, как золотистые волосы Ванимена, а худощавое стройное тело укутывал плащ. Приблизив губы к уху Ванимена, она крикнула, перекрывая вой ветра:

– Рулевой просил передать – он боится, что, если ветер усилится, он не сможет удерживать корабль носом к волне, как ты ему велел. Румпель вырывается из рук, словно угорь. Мы можем что-нибудь сделать с парусом?

– Зарифим его, – решил Ванимен. – И пойдем впереди шторма.

– Но он надвигается... с северо-запада. Разве мало выпало на нашу долю штилей, встречных ветров и течений с той поры, как мы оставили за кормой Шетландские острова? И теперь потерять весь пройденный на запад путь?

– Лучше так, чем потерять корабль. Эх, будь у нас капитаном человек, он наверняка придумал бы что-нибудь поумнее. Да, мы приобрели в пути кое-какой моряцкий опыт, но уж больно он невелик. И я могу лишь догадываться о том, как следует поступить для нашего спасения.

Заслонив ладонью глаза и прищурившись от резкого ветра, он посмотрел вперед.

– Но тут мне нет нужды гадать, – добавил он. – Прожив столько веков, я научился разбираться в погоде. Впереди нас ждет не обычный шторм, который за ночь выдохнется. Нет, это чудовище явилось из Гринланда, родившись среди его вечных льдов. И терзать нас оно будет гораздо дольше, чем мне хотелось бы думать.

– Кажется, в это время года таких бурь не бывает... верно?

– Обычно нет. Но я заметил, что за последние двести лет северные холода порождают все больше айсбергов и штормов. Так что можешь считать этот шторм уродцем, а нас – невезучими.

---

⁵ «Драгоценнейшая кровь» (лат.).

Но подумал Ванимен совсем о другом. Вахтенный матрос, которого он убил, чтобы захватить корабль, человек, не заслуживший подобной судьбы, проклял его перед смертью, призвав Всевышнего и своего небесного заступника... Ванимен никому об этом не сказал. И не собирався говорить.

Если корабль пойдет ко дну... Взгляд Ванимена задержался на палубе. Большинство его соплеменников погибнет – и прелестные девы, дарившие и принимавшие столько радостей, и дети, которым только предстоит узнать, что такое истинная радость жизни. Сам он, может, и доберется до какого-нибудь чужого берега, да только ради чего?

Но хватит. Надо сделать все, что в его силах. И какую бы долгую жизнь ты ни вырвал у судьбы для себя, никому еще не удавалось избежать сетей Рен.

Ванимен послал в море мальчика передать самым сильным мужчинам, чтобы они поднялись на корабль по веревочной лестнице, а сам тем временем принялся обдумывать необходимые команды. Наконец-то его соплеменники научились быстро подчиняться приказам капитана, что для его расы стало явлением прежде совершенно неслыханным. Но опытных моряков из них так и не получилось, да и познания самого капитана широтой не отличались.

Помощники прибыли как раз вовремя. Брать рифы на парусе при непрерывно усиливающемся ветре оказалось невероятно тяжело. Парусина и снасти, обдирая ладони, запятыались кровью моряков, а волны, заливая неповоротливую посудину, искали себе жертву. Пассажиров не раз смывало в море. Погиб ребенок, ударившись головой о швартовую тумбу. И хотя смерть была привычна для морского народа, Ванимен еще не скоро забудет это зрелище, как не забудет лицо матери, прижавшей к груди искалеченное тельце и кинувшейся с ним в море, – вдруг оно окажется милосерднее?

Ванимен знал, что подобные мысли опасны. Вода обнимает, укрывает от солнца и непогоды, кормит, но она же высасывает из тела тепло, потерю которого может возместить только обильная пища, а в морских глубинах рыщут бесчисленные убийцы. Он велел сбросить за борт канаты – вцепившись в них, пловцы смогут некоторое время отдохнуть, если у них не хватит сил подняться на борт, а заодно не дадут им потеряться в море.

К этому времени шторм уже почти настиг корабль. Ванимен перешел на корму. Там, под навесом кормовой надстройки, у румпеля стояли двое рулевых. Сейчас их работа несколько облегчилась – нужно было лишь позволять ветру увлекать корабль за собой. Ванимен дал рулевым несколько советов, пообещал вскоре сменить и отошел. В кормовой надстройке имелись две крошечные каютки, по правому борту для капитана, по левому для офицеров. В пути ими редко пользовались – люди моря не любили тесноты, но сейчас Ванимену захотелось ненадолго укрыться от стихии. Он распахнул дверь капитанской каюты.

На прикрепленной к потолку цепи, испуская тусклый свет и густую копоть, раскачивалась лампа. Кто ее зажег?... Стон заставил его бросить взгляд на койку. Там тесно сплелись Ракси и молодой Хайко.

Мешать любящим считалось невежливым. Ванимен принялся ждать, прислонившись к переборке и с трудом сохраняя равновесие, – корабль болтало с борта на борт, – и холодно изумляясь тому, какая ловкость требовалась от любовников в подобных условиях. Над изголовьем койки висело распятие, а в ногах, где его мог видеть лежащий человек, находилось изображение Святой Девы – грубо нарисованное и с трудом различимое, но выражение ее глаз было поразительно нежным. Святые образы не отвернулись от Ванимена, ведь каюта не церковь, куда он осмелился войти, разыскивая Агнете, но он вдруг заново ощутил всю странность и неуместность своего пребывания на корабле.

Увлеченная пара, одновременно вскрикнув, замерла. Вскоре они заметили Ванимена. Хайко смутился, Ракси улыбнулась, помахала рукой и освободилась от партнера.

– Почему вы в моей койке? – потребовал ответа Ванимен, перекрикивая вой ветра, треск грома, рев волн и стоны деревянного корпуса.

– Все другие заняты, – ответила Ракси. – Мы ведь не знали, что ты придешь или станешь возражать.

Покраснел Хайко или ему показалось?

– Было бы... глупо... заниматься этим в воде, – пробормотал юноша. – Мы могли бы потерять корабль из виду. И вообще мы все вскоре можем погибнуть.

Ракси села и протянула к Ванимену руки. Каютка оказалась настолько мала, что она его коснулась.

– Будешь следующим? – пригласила она. – Я не откажусь.

– Нет! – рявкнул Ванимен. – Убирайтесь! Оба!

Они обиженно вышли и прикрыли за собой дверь, оставив его в полном одиночестве. Напрягая зрение в зловонном полумраке каюты, он взгляделся в глаза Святой Матери. «Почему я так разгневался? – удивился Ванимен. – Разве эти двое согрешили... у нее на глазах? У них нет душ, и они не могут грешить, как не грешат животные. Или он сам».

– Разве я не прав? – спросил он вслух. Но ответа не получил.

* * *

День за днем, ночь за ночью – они уже сбились со счета от усталости – шторм гнал корабль перед собой.

Эти дни почти не оставили следов в памяти. Вспоминались только хаос, борьба и с трудом переносимая боль и утраты. Исчезновение любимой косатки больно отозвалось в сердце Ванимена. Вероятно, напуганная бурей, она уплыла прочь, а потом не смогла отыскать корабль, такая же участь постигла и нескольких его подданных. Больше он ее никогда не видел.

Поразительно, но они смогли удержать корабль на плаву, хотя под конец он протекал настолько сильно, что помпы не останавливались ни на минуту. Они все-таки пережили бурю, даже оказавшись полностью в ее власти... до самого ее конца.

* * *

Корабль подходил к Геркулесовым столбам. Ванимен, вспомнив времена своих путешествий на юг, сразу узнал тускло-голубые утесы между Испанией и Африкой. Волнение в море еще не улеглось, но лазурь небес уже гармонировала с чистой зеленью вод, переливающихся искрами на гребешках волн. Пригревало солнце, запах теплой смолы смешивался с солоноватой свежестью бриза. Доски устало поскрипывали, и утомившиеся от грохота шторма уши с наслаждением вслушивались в эту песнь мира и спокойствия.

Ни одно судно пока еще не осмелилось выйти из порта, и любопытные дельфины закружились вокруг их корабля. Оставив на палубе измученных соплеменников, Ванимен бросился в море, глубоко нырнул и вновь поднялся, продолжая дышать воздухом. Его тело, омытое кристально чистой водой, теперь ощущало каждую морщинку на поверхности моря. Он заговорил с дельфинами.

Что могут поведать они ему о Средиземном море? В своих ранних путешествиях он не заплывал далеко за окаймляющие пролив скалы, похожие на каменных львов, – в этих местах христианство уже давным-давно взяло верх над язычеством, и от Волшебного мира почти ничего не осталось. Но сегодня ситуация была иной. Его корабль не сможет пересечь океан, и им очень повезет, если он продержится хотя бы тысячу лиг, да и то при условии, что здешние воды окажутся гостеприимнее оставшихся за кормой. Не знают ли они спокойной гавани для беженцев из Лири?

Дельфины посовещались между собой, и вскоре их гонцы, взметнув на прощание радужные брызги, отправились спросить совета у других собратьев. Тем временем люди отды-

хали, охотились, набирались сил. На их счастье, довольно долго продержался мертвый штиль, поэтому ни один корабль с людьми не приблизился к ним выяснить, кто они такие.

Наконец Ванимен кое-что узнал от дельфинов. Большинство мест на побережье Средиземного моря окажется, без сомнения, негостеприимным. Слишком уж много рыбаков забрасывало здесь сети, и даже если не считать церкви, они вряд ли обрадуются появлению голодных беженцев. Африканское побережье подошло бы, пожалуй, больше, но вера обитающих там людей была еще нетерпимей христианства.

Правда, есть одно местечко на восточном побережье узкого моря... Ванимен с трудом понимал дельфинов. Они знали лишь, что существа, похожие на морских людей, там не обитают, но Волшебный мир еще не изгнан оттуда, как, скажем, из Испании. Как раз наоборот – судя по словам дельфинов, они видели там множество существ, совсем не похожих на людей. Неужели люди в тех краях более терпимы? Кто знает?..

В тех местах плавают много кораблей, хватает и рыбаков – но пищи там в лихвой хватит, чтобы прокормить и новых немногочисленных переселенцев. А где-нибудь на изрезанном, заросшем густым лесом побережье, среди многочисленных островков, наверняка отыщется место для Нового Лири.

Сердце Ванимена взволнованно забило. Заставив себя успокоиться, он спрашивал вновь и вновь. Дельфины более или менее подробно описали внешность живущих там людей, их одежду, священные и магические талисманы. (Многие из них попадали в беду, плавая по морю. Дельфинам иногда удавалось помочь пловцам добраться до берега, а утонувших всегда с интересом рассматривали.) Трудно было понять дельфинов – им никогда не доводилось видеть существ, похожих на племя Ванимена, – и ему о многом приходилось попросту догадываться. Гораздо полезнее для него оказались переданные дельфинами *слова* людей. Никто не мог сравниться с ними тонкостью слуха и умением в точности воспроизвести услышанное.

Ванимен объединил слова дельфинов с тем, что ему удалось узнать во время своих путешествий или от людей, с которыми ему доводилось общаться. Лишь немногие из них – уже десятилетия или века как обратившиеся в прах – были образованны, стремились как узнать новое, так и поделиться знаниями и были готовы воспринять Ванимена таким, каков он есть, – правда, если слухи об общении с нехристью удавалось замять. Король Свейн Эстридсен, епископ Абсалон...

То побережье, расположенное напротив Италии, называлось Далматией. Ныне оно входило в королевство Хорватия, или, на латыни, – Кроатия. Жители его были дальними родственниками русов, но принадлежали к католической вере. Не знали дельфины и того, обитают ли в тех краях существа, подобные северным русалкам. Большого Ванимену узнать от них не удалось.

Быть может, впереди их ждет гибель от проклятия. А может, и нет. Но есть ли у морского народа выбор?

2

Шторм обрушился на шлюп «Хернинг», когда он возвращался в Данию. Плавание при встречных ветрах и без того оказалось тяжелым. Судно могло ходить галсами, пусть и неуклюже, но для этого приходилось надрываться у парусов и брасов, твердой рукой удерживая руль, иначе корабль начинал рыскать или вовсе терял управление. А при такой погоде этим приходилось заниматься непрерывно, днем и ночью.

Ингеборг могла лишь готовить и поддерживать на корабле чистоту – тяжелой работой это не назовешь. У Эйян хватало сил стоять вахты и помогать со снастями и у руля; она же ловила для всех свежую рыбу. Ей помогали в этом несколько дельфинов, крутящихся поблизости из любопытства. Корабль, на котором отчаянно не хватало моряков, держался на курсе во мно-

гом благодаря силе Тауно. Но даже он, уже начавший жалеть о том, что пришлось убить всех моряков прежней команды, пусть даже их пребывание на корабле сейчас было бы опасным, не мог справиться с кораблем в одиночку. В посильной помощи Нильса он нуждался не меньше, чем в его советах.

Никто не назвал бы парня опытным моряком – плавать ему доводилось всего пару раз, и то недолго. Но он быстро учился, не стеснялся спрашивать, мечтал о койке матроса на большом корабле, а может быть, в далеком будущем – если Господь пожелает – и о капитанском мостике. То, что товарищи по матросскому кубрику не могли или не хотели ему объяснить, он узнавал от собеседников в портах – моряки охотно заговаривали с приветливым юнгой. И попав в переделку на «Хернинге», он держал глаза широко раскрытыми, быстро впитывая бесценный практический опыт.

Сам того не заметив из-за множества хлопот, он стал фактически капитаном. Если он и успевал о чем-либо подумать, прежде чем забыться коротким сном, то только об Эйян. Она охотно улыбалась ему. Когда им удавалось сделать что-либо хорошо, она обнимала Нильса и коротко целовала его, и тот был готов от радости воспарить, подобно чайке. Но заниматься любовью им было некогда, да и сердца детей морского царя все еще скорбели об утраченном брате.

Незадолго до бури Нильс решил направить корабль к северу. Неподалеку от Исландии их ждало попутное течение, да и ветры там обычно дули благоприятные. И действительно, до сих пор им удавалось держать неплохую скорость. Радость начала преодолевать усталость.

И тут ударил шторм.

* * *

Тьма сгущалась. Ингеборг знала, что сейчас день – если и не здесь, то хотя бы на Небесах, где Господь судит грешников. Корабль окутал почти полный мрак, видимость была не более чем на длину корпуса.

На палубе ей делать нечего. Огонь в глиняной печурке давно угас, и теперь они питались солониной, черствым сыром, вяленой рыбой, заплесневелым хлебом и сухарями, источенными червями. Когда темнота и вонь в трюме стали невыносимыми, Ингеборг не выдержала и поднялась на палубу. Ветер и град загнали ее в закуток под кормовой надстройкой. Там, закрепив румпель, спал свалившийся от усталости Нильс.

Заметив, что погода начала резко портиться, он изготовил и бросил за борт плавучий якорь, а потом спустил парус. Если отдаться на волю шторма, слишком велик риск налететь на риф или один из многочисленных островов, опоясывающих северную оконечность Шотландии. Правда, крупный вал может захлестнуть корабль с кормы и разбить его в щепки, но якорь станет держать корабль поперек волны, и им останется только молиться о том, чтобы бьющие в корму волны пощадили суденышко. Но бездельничать никому не придется. Течи в корпусе заставляли их часами стоять у помпы, приходилось латать такелаж и исправлять нанесенные волнами повреждения, чтобы суденышко хоть как-то могло противостоять ударам стихии.

Тянулось время, бесконечное, словно кошмарный сон.

Чтобы удержаться на подпрыгивающей и раскачивающейся палубе, Ингеборг ухватилась за румпель. Ураганный ветер толкнул ее назад, облепил промокшим платьем тело, повлек за собой, словно разбушевавшаяся река. Она утонула в его реве, грохоте волн, оцепенела от холода, пронзающего успешнее онемевшее тело.

Пристально всмотревшись вперед, она увидела, как в полумраке, среди града и шквального ветра, раскачивается мачта. Хотя рей был спущен и закреплен на палубе, как долго древесина и канаты смогут выдерживать напряжение? Огромные валы, похожие на серо-стальные горы с белыми гребнями, грохоча, уносились вперед. Обдавая корму водопадами пены, они

били в корабль, заставляя весь корпус вздрагивать. Нередко шлюп не успевал подняться на очередной гребень, и тогда на его палубу обрушивалась kloкочущая ярость. Слетели крепления крышек люков, трюмы превратились в болото.

Сквозь пелену брызг и града Ингеборг разглядела на носовой надстройке фигуры Тауно и Эйян. Кажется, они о чем-то говорили. Неужели они слышат друг друга в таком грохоте? Внезапно Ингеборг в ужасе вскрикнула – Тауно бросился за борт.

Но он же сын водяного, тут же выругала она себя за пугливость. В море он как дома. Он ведь рассказывал, какой вечный покой там царит... Храни его Пресвятая Дева...

Эйян направилась к корме. Теперь Ингеборг разглядела, что тело ее обнажено, если не считать повязки на голове и пояса с ножом, но от холода она, кажется, не страдала. Скорее наоборот, ее промокшие насквозь рыжие локоны казались единственным теплым пятном на многие мили вокруг. Раскачивающаяся палуба не мешала ей идти крадущейся походкой пантеры.

– А, Ингеборг, – поприветствовала она женщину и подошла поближе, чтобы разговаривать, не напрягая голоса. – Я заметила, как ты выбралась на палубу. Решила подышать воздухом, пусть даже чересчур свежим, верно? – Эйян приблизилась вплотную и приставила сложенные рупором ладони к уху Ингеборг, потом добавила: – Позволь составить тебе компанию. Сейчас моя вахта, но отсюда я смогу заметить опасность не хуже, чем стоя на носу. Пожалуй, даже лучше – тут меня не хлещет проклятый град.

Ингеборг сняла ладонь с румпеля и тоже заслонила рот от ветра:

– Куда отправился Тауно?

Точеное лицо Эйян нахмурилось.

– Спросить дельфинов, не отыщут ли они кого-нибудь помочь нам.

Ингеборг ахнула:

– Милосердный Господь! Неужели наши дела настолько плохи?

– Где-то неподалеку берег, – кивнула Эйян. – Когда мы недавно плавали в море, то заметили, что оно мелеет. В воде слышится пульс – это эхо прибоя. А буря и не думает стихать.

Ингеборг взглядела в серые глаза Эйян.

– Если мы разобьемся, хотя бы он останется жив... – прошептала она.

Наверное, Эйян догадалась.

– Ах, бедняжка! – воскликнула она. – Смогу ли я успокоить тебя?

Высокая фигура сестры Тауно заслонила женщину от ветра. Эйян протянула руки. Ингеборг выпустила румпель и неловко шагнула в ее объятия, укрывшись в них от качки и брызг. Ощущая тепло, исходящее от нежной груди Эйян и перекачивающихся под кожей упругих мускулов, она прильнула к ней, словно к полузабытой уже матери.

Говорить им сразу стало легче.

– Не бойся, подруга, – мягко молвила Эйян. – Если корабль разобьется, мы с Тауно поможем тебе и Нильсу доплыть до берега. Мы вынесем вас на безопасное место, а там уже можно надеяться на помощь людей.

– Но тогда мы потеряем золото. – Ингеборг почувствовала, как напряглись руки Эйян. – Тауно ведь не сможет раздобыть новый корабль? Ведь не сможет? И он потеряет все, ради чего столько трудился, ради чего рисковал жизнью. Неужели все напрасно? И он может погибнуть... Эйян, умоляю тебя... не надо... не рискуйте собой ради нас...

Дочь Агнете прижала к себе рыдающую женщину и, негромко напевая, принялась ее успокаивать.

* * *

Вернувшись, Тауно поведал, что дельфины отправились на поиски. Они знали существо, способное, если они сумеют его отыскать, помочь путникам. Большого от дельфинов добиться не удалось, потому что они сами толком ничего не знали. К тому же дельфины сомневались, поймет ли их то существо, а если поймет, то захочет ли прийти на помощь.

Добавить к своим словам он ничего не успел, потому что в этот момент у мачты лопнул передний штаг. Обрывок каната, метнувшись назад, просвистел всего в дюйме от шеи Эйян. Ужаснувшись, Тауно принялся ловить болтающийся обрывок, преследуя его, словно взбесившуюся зверюгу. Когда же его усилия увенчались успехом и он собрался закрепить штаг на мачте, то оказалось, что она треснула. Встревоженный Тауно едва не полез на мачту натягивать новый штаг, но Эйян с трудом его отговорила: в такую качку ничего не стоит сорваться и разбиться насмерть или покалечиться, а потом умирать долго и в мучениях. А если ему не удастся, добавила сестра, то пусть идет откачивать воду из трюма.

Настала ночь, но вместо недолгих светлых сумерек северного лета их окружил непроницаемый мрак. Казалось, ему не будет конца.

С рассветом вернулся тусклый полумрак. Морские брызги окутывали корабль туманным облаком, нахлебавшееся воды судно низко зарывалось носом в волны. Они по-прежнему вздымались высокими массивными горами, но уже с более острыми вершинами, белыми от пены, которые закручивались, когда волна приближалась к отмели или проносилась над рифом. Несмотря на сброшенный Тауно плавучий якорь, шлюп рыскал по курсу словно человек, получивший удар молотом по голове.

Брат и сестра провели всю ночь на палубе и не ушли оттуда даже с рассветом – по всем признакам, корабль плыл вблизи суши, и они не могли расслабиться ни на минуту. Буйство урагана и постоянное напряжение обессилили их; Тауно и Эйян лежали, тесно прижавшись друг к другу, спасаясь от холода и буйства стихии. Тауно спросил сестру, хватит ли у них сил поддерживать на плаву людей.

– Может, и не хватит, – ответила Эйян, перекикивая вой ветра и треск корабельной обшивки. – Но если придется спасаться вплавь, ты возьмешь Ингеборг, а я Нильса.

– Почему? – удивился Тауно. – Он тяжелее женщины.

– Ты и сам знаешь, что в воде разницы почти никакой. А если им суждено умереть, то это хотя бы скрасит их последние минуты.

Больше Тауно ни о чем не спрашивал, и вскоре они забыли об этом разговоре.

Сбоку в волнах мелькнул чей-то силуэт. Когда шлюп в очередной раз накренился на борт, они разглядели существо, похожее на большого серого тюленя, и удивились – почему такое животное решило их сопровождать? Потом они вспоминали, что им сразу почудилось в его облике нечто странное, но в тот момент буря настолько утомила все их чувства, что они не придали этому значения.

Неожиданно «Хернинг» едва не лег набок. Поперек палубы прокатилась волна, внутри нее они разглядели тушу тюленя. Шлюп выпрямился, переваливаясь с борта на борт, вода потоком устремилась в шпигаты, но тюлень остался на палубе. Он приподнялся на передних плавниках... но тут по его телу пронеслась волна превращения, и они увидели сидящего на корточках человека.

Он тут же выпрямился и подошел к брату и сестре. Они увидели, что он огромного роста – на голову выше Тауно – и настолько широк и массивен, что казался квадратным. Прямые серебристые волосы и борода покрывали голову, такого же цвета оказалась шерсть на обнаженном теле, под ней просвечивала бледная кожа. От него разило рыбой. Его лицо с низкими нависающими бровями, плоским носом, щелью рта и тяжелой челюстью без подбородка можно

было бы назвать безобразным, если бы не глаза, поблескивающие под ресницами, которым позавидовала бы и королева: большие, золотисто-карие и без белков.

Рука Тауно метнулась было к ножу, но он тут же отпустил рукоятку и поднял ладонь в жесте дружбы.

– Добро пожаловать, если ты явился с миром, – сказал он на языке Лири.

– Дельфины донесли мне слова, призвавшие меня к вам, – ответил он низким лающим голосом, но на языке смертных. – Если верить их трескотне, тут есть женщина. А вы не настоящие мужчина и женщина – запах у вас не тот, но и не настоящие морские люди, судя по внешности. Так кто вы такие и зачем звали меня?

Он говорил вполне разборчиво, а язык напоминал датский. Скандинавские поселенцы обосновались на островах вблизи Шотландии еще во времена викингов, большинство этих мест так и осталось под властью норвежской короны, а потомки поселенцев продолжали говорить на западном диалекте языка предков, употребляя его наравне с гэльским⁶.

– Мы в беде, – объяснила Эйян. – Ты сможешь нам помочь?

– Смогу, коли захочу, – проревел он в ответ, с легкостью перекрыв грохот бури. – Но что получу я за это? Есть кто еще на борту?

– Да.

Тауно приподнял крышку ближайшего люка и громко крикнул, вызывая дремавших в трюме Нильса и Ингеборг. Перепуганная парочка тут же поднялась на палубу. Увидев неожиданного гостя, они замерли, затаили дыхание и невольно взяли за руки.

Оборотень взглянул на Ингеборг и больше не спускал с нее глаз. Медленно ступая, он двинулся к женщине. Нильс и Ингеборг и так едва держались на ногах из-за качки, а теперь ноги у Ингеборг стали подкашиваться от страха. Юноша напрягся, когда волосатые пальца оборотня с похожими на когти ногтями коснулись побледневшей щеки женщины. Оборотень желал ее...

Но он был нежен и лишь слегка приласкал ее. Глаза его не отрывались от глаз Ингеборг, а губы слегка дрогнули от застенчивости. Оборотень повернулся к водяным:

– Хорошо. Я помогу вам – ради нее. А вы трое благодарите ее. Разве я позволю ей утонуть?

* * *

Хоо, как представился человек-тюлень, поведал им, что живет на острове Сула-Сгейр, что к западу от Оркнейских островов. Из его племени почти никого не осталось – возможно, он последний. Так оно, скорее всего, и было, потому что в Лири никто никогда не слышал о соплеменниках Хоо. Люди с глубокой древности возненавидели селкаев – тюленей-оборотней – и нещадно на них охотились. Хоо полагал, что причиной людской ненависти стали набеги селкаев на рыбацкие сети – в этом они походили на обычных тюленей, зато потрошили сети с человеческой ловкостью и при этом безжалостно их портили. Но он не мог утверждать этого наверняка, потому что с раннего детства рос в одиночестве, а о матери у него сохранились лишь смутные воспоминания да мелодии песен, которыми она его убаюкивала. Однажды приплыли люди на лодке, загнали мать в узкий залив и изрубили на куски, ему же удалось спастись. Хоо вспомнил, что эти люди возносили хвалу Одину, и коли так, то произошло это и в самом деле очень давно.

И Хоо, и путники поведали друг другу свои истории урывками, за работой – спасение корабля было куда важнее. Прежде всего предстояло остановить неуправляемый дрейф «Хернинга», слишком уж близко оказался берег. Хлопал оборванный штаг, а треснувшую мачту

---

⁶ Гэльский – родной язык шотландцев.

нужно было срочно укрепить. Из трюма достали два бруса и примотали их к мачте канатами – в таком виде она продержится дольше.

Всех поражала сила Хоо. Подняв на плечи Тауно и Нильса, он держал их, пока они работали на мачте, и без его помощи измученным мужчинам вряд ли оказалось бы по силам вновь поднять тяжелую рею с намокшим парусом и заново натянуть шкоты. А если бы могучий Хоо не сменил их потом у помпы, трюм наверняка заполнился бы водой.

Но куда более поразительным оказалась его опытность в морском деле. Сперва он объяснил новым товарищам смысл каждой команды, потом заставил потренироваться в их выполнении и лишь потом, заметив яростный прибой на рифах, встал к штурвалу. И свершилось чудо – истерзанный бурей, протекающий и неповоротливый шлюп ожил в его руках. Рифы были уже совсем близко, но ему удалось миновать эту западную, потом другую, третью. Судно осталось на плаву и даже сумело отойти от берега подальше в море.

И шторм, словно догадавшись, что суденышко ему уже не достанется, унесся прочь.

3

– Да, дело пошло на лад, – пробасил Хоо. – Вы хорошо поработали, но теперь надо залатать это старое корыто, или оно на полпути потонет.

В трюме отыскался запас пакли. Вообще-то, корабли для такой операции кренгут – кладут на мелководье на борт, – но уж больно малочисленный был у Тауно экипаж, к тому же они не осмеливались подходить к берегу. Там их могли попытаться убить – и не столько из-за чужой внешности морских людей, сколько из-за золота. Брат с сестрой прыгнули вместе с селкаем в море и принялись забивать паклей многочисленные трещины ниже ватерлинии. Конечно, их следовало бы потом просмолить снаружи, но, поскольку в море это было сделать невозможно, Ингеборг затопила печь и стала подносить Нильсу котелки с горячей смолой, которой тот смолил щели изнутри. На этот труд ушло два дня, зато теперь, хотя корпус «Хернинга» все еще протекал, ослабев после бури, требовалось лишь время от времени откачивать из трюма немного воды, и Хоо решил, что корабль выдержит оставшийся путь.

Когда его спутники впервые за несколько дней насладились долгим сном и отдохнули, он собрал их на палубе. Занимался тихий день, вода стояла неподвижная как зеркало. По голубому небу плыло несколько белоснежных, словно крылья кружащихся в нем чаек, облачков. Воздух быстро теплел. Справа по борту, у самого горизонта, полоской суши виднелась Ирландия.

Тауно и Эйян растянулись на теплых досках палубы, подставив солнцу свои прекрасные обнаженные тела. Ингеборг тоже сбросила с себя всю грязную одежду, повесив ее сушиться. Нильс тоже сушил одежду, но, в отличие от Ингеборг, кутался в плащ и не садился. Когда его взгляд касался женских тел, на щеках парня вспыхивал румянец.

Хоо расположился перед ними. При дневном свете его неуклюжее тело казалось grotesкно громоздким.

– По-моему, – начал он хриплым кашляющим голосом, – не стоит возвращаться, огибая Шотландию, а потом через Северное море. Корабль приходится непрерывно латать. Лучше, если мы спустимся в Ирландское море, проплывем через Английский пролив, а потом направимся мимо Фризских островов к Дании. Путь удлинится ненамного, но станет безопаснее. Берег все время будет неподалеку, и коли случится худшее, мы сумеем помочь людям добраться живыми до суши.

– Сможешь ли ты отыскать дорогу? – спросил Тауно. – Никто из нас эти воды не знает.

– Да, смогу. И еще подскажу, от каких кораблей следует удирать во весь дух, едва завидев верхушки их мачт. У короля Англии есть капитаны похуже пиратов.

Эйян подняла голову и пристально посмотрела на Хоо.

– Ты спас наш корабль от крушения, – негромко произнесла она, – и согласился доставить нас домой. Какую награду за это ты просишь?

Хоо набрал воздуха в огромную грудь, замер, словно был не в силах произнести ни слова, потом проревел:

– Ингеборг!

– Что? – воскликнула женщина. Согнув ноги, она прикрыла коленями грудь, крепко обхватила их левой рукой, а дрожащей правой сотворила в воздухе крест.

Селкай протянул к ней руки. Все его тело вздрагивало.

– Только пока мы плывем... – пробормотал он, запинаясь. – Только пока мы в море. Я буду нежен с тобой, обещаю. О, как долго я был одинок...

Ингеборг перевела взгляд на Тауно. Тот стоял, нахмурившись.

– Ты очень много сделала для нас, Ингеборг, – сказал он. – Мы не можем тебя принуждать.

Женщина не отрывала глаз от Тауно. Все молчали. Наконец Хоо стряхнул с себя оцепенение, его плечи поникли.

– Да, конечно же, я урод, – пробормотал он. – Я остался бы с вами, но видеть ее каждый день и... Прощайте. Думаю, вы доберетесь до дома и без меня. Удачи вам.

Он шагнул к борту. Ингеборг вскочила.

– Нет, подожди, – воскликнула она, подбегая к Хоо. Тот остановился и ахнул, когда женщина взяла его огромную когтистую лапу. – Прости, – сказала Ингеборг. Голос ее дрогнул, в глазах выступили слезы. – Я просто испугалась, понимаешь? Конечно же, я...

Селкай расхохотался лающим смехом и стиснул ее в медвежьих объятиях. Женщина звывала от боли, он тут же выпустил ее.

– Прости меня, – взмолился Хоо. – Я забыл. Я буду нежен, обещаю.

Побледневший Нильс шагнул вперед.

– Нет, Ингеборг, не надо. Наши души и так отягощены грехом, а ты...

Ингеборг громко рассмеялась.

– Ты же знаешь, кто я такая, – резко возразила она. – Для меня такое не в новинку... верно?

Эйян поднялась и, положив ладонь на плечо Нильса, что-то прошептала в светлые локоны над ухом парня. Тот ахнул.

Тауно тоже встал и пристально взгляделся в глаза Хоо.

– Ты *будешь* с ней нежен, – произнес он, поглаживая рукоятку ножа.

* * *

Лето перевалило за половину, ночи становились все длиннее и темнее, но эта ночь оказалась ясной, а бесчисленные звезды давали достаточно света для глаз Тауно и Эйян. Шлюп плыл, подгоняемый бризом, который морщил воды пролива мелкими волнами, с шорохом ложившимися под нос корабля. Время от времени похлопывал край паруса, поскрипывал блок или доска – негромкие звуки, почти не нарушавшие тишины... пока ее не разорвал восторженный рев Хоо.

Позднее он вышел и встал на носу рядом с Ингеборг. Тауно правил у штурвала, Эйян дежурила в «вороньем гнезде», но никто из них не проявлял к парочке на носу открытого интереса.

– Спасибо тебе, милая, – застенчиво произнес селкай.

– Ты свое уже получил, – ответила женщина, кивнув на темноту под носовой надстройкой.

– Могу я пойти с тобой снова?

– Незачем. Уговор есть уговор.

Взгляд Хоо не отрывался от воды, пальцы стиснули доски борта.

– Я тебе совсем не нравлюсь?

– Я вовсе не это хотела сказать, – возразила она. Ее пальцы медленно скользнули вдоль борта и легли на руку Хоо. – Ты наш спаситель, и... обращался со мной куда лучше многих из тех, кого я помню. Но мы из племени смертных и живем недолго. Какая между нами может быть близость?

– Но я видел, как ты увивалась вокруг Тауно.

– А почему бы тебе не попытаться с Эйян? – торопливо отозвалась Ингеборг. – Она прекрасна по сравнению с моей невзрачностью, к тому же близка к вашему миру и, по-моему, насладится гораздо больше, чем... но не думай, что я сожалею, Хоо.

– Ты привыкнешь к моему запаху, – с горечью пообещал он.

– Но почему ты выбрал именно *меня*?

Хоо долго молчал, потом повернулся к ней, сжав кулаки, и ответил:

– Потому что ты настоящая женщина, а не наполовину дочь моря.

Она подняла на него глаза, ее напрягшееся было тело начало расслабляться.

– Мой народ убивал твой народ.

– То было сотни лет назад. На земле о нас давным-давно позабыли. Я живу мирно возле Сула-Сгейра, и говорят со мной только ветер, волны и чайки, а соседи мои – медузы да ракушки. Мой покой нарушают только бури да акулы, а зима сменяет зиму, и иногда становится так тоскливо, понимаешь?

– Голое море, голые скалы, и просто небо – без надежды на Спасение... Ах, Хоо!

Ингеборг прижалась щекой к его груди. Хоо погладил ее с неуклюжей нежностью.

– Но почему ты не искал себе кого-нибудь? – спросила она, прислушиваясь к медленным утроенным ударам его сердца.

– Искал. Когда был молод. Я многое повидал. Но никому не оказался нужен. Люди моря видели во мне лишь уродца, и никто не пожелал заглянуть мне в сердце. То, что под шкурой, их не интересует.

– Нет, это не так, – подняла голову Ингеборг. – Не все они такие. Тауно... Тауно и Эйян...

– Да, вроде бы так. Хорошо, что они так заботятся о сестре. И все же... в людях, таких как ты, есть нечто большее. Не могу назвать, что именно... Вы теплее, вы любите по-другому. Наверное, зная о смерти, вы тянетесь друг к другу – ведь ваша жизнь так коротка. Или же причина в той искорке вечности... душе? Не знаю. Я ничего не знаю о душе, но я ощущал ее в некоторых мужчинах, но больше в женщинах... она похожа на огонек холодной ночью... И в тебе есть этот огонек, Ингеборг, яркий и сильный. Он согревает меня. И считай себя счастливой, пусть даже тебя охватывает печаль, потому что именно из-за души ты способна любить так сильно.

– Я? – изумилась женщина. – Шлюха? Нет, ты ошибаешься. Что можешь ты знать о людях?

– Больше, чем тебе кажется, – хмуро ответил Хоо. – Потому что время от времени я выходил в ваш мир, и не всегда меня гнали прочь. Пусть я уродлив и плохо пахну, но я сильный и надежный работник. Как иначе я мог выучить ваш язык или ремесло моряка? У меня были друзья среди людей, женщины приглашали меня к своим очагам, а некоторые – поверишь ли? – правда, очень немногие, даже дарили мне любовь.

– Теперь я понимаю почему, – прошептала Ингеборг.

Лицо Хоо исказилось, словно от боли.

– Но не любовь законной жены. Разве мог я, морское чудовище, войти в церковь? Все это длилось недолго. Но с мужчинами, ставшими моими товарищами, мы не расставались подолгу и плавали в одно путешествие за другим. Но, конечно же, мне и с ними приходилось расста-

ваться, ведь они вскоре старели, а я – нет. И прошли уже десятки лет с той поры, как я последний раз осмелился встретиться со смертными. А женщина не целовала меня еще дольше.

– Так неужели и мне надо причинять тебе боль? – Ингеборг приподнялась и обняла Хоо за шею, привлекая к себе. Их губы встретились.

– Боль разлуки горька, но останутся воспоминания, – ответил Хоо. – Какие сны я буду видеть! Какие песни пропоет о тебе ветер! И каждой ясной звездной ночью я стану вспоминать тебя и эту ночь, пока не наступит день моей смерти.

– Но ты будешь таким одиноким.

– Это лишь к лучшему, – попытался он ее успокоить. – Потому что причиной моей смерти станет женщина.

– Что? – отшатнулась она.

– Так, ничего. – Он указал на небо. – Видишь, как сияет Большая Медведица?

– Нет, Хоо, – взмолилась Ингеборг, задрожав, хотя набросила плащ перед тем, как выйти на палубу. – Расскажи мне все, прошу тебя. – Она смолкла. Селкай тоже молчал, закусив губу. – Мы станем... мужем и женой... до конца плавания. А за последнее время я насмотрелась столько колдовства, что мне на всю жизнь хватит. И раз эта тайна может коснуться меня...

Хоо вздохнул, покачал головой и ответил:

– Нет, Ингеборг, не бойся. Я... я столько скитался по морям в одиночестве, что приобрел как бы... второе зрение. И догадался, какой станет моя судьба.

– Какой же?

– Настанет день, когда смертная женщина родит мне сына, и мне придется забрать его с собой, дабы люди не сожгли его, назвав демонским отродьем. А женщина выйдет замуж, и ее муж убьет нас обоих.

– Нет, нет!

Селкай скрестил на груди руки.

– Я не боюсь за себя. Но сына мне жаль. Правда, к тому времени, когда это произойдет, Волшебный мир превратится в слабый, угасающий огонек и вскоре угаснет навсегда. Так что, пожалуй, такая судьба станет милосердием для него. Да и для меня тоже.

Ингеборг тихонько заплакала. Хоо не осмеливался ее коснуться.

– Я бесплодна, – призналась она, всхлипнув.

– Знаю, – кивнул он. – Не ты обречешь меня на смерть, а другая женщина... – Хоо стиснул зубы, но тут же добавил: – Ты так устала – ведь тебе столько пришлось вытерпеть. Позволь, я отнесу тебя и уложу спать.

* * *

Было еще темно, когда по песочным часам наступило время смены вахты. Близился рассвет. Экипаж шлюпа договорился о том, что на ночных вахтах всегда будут двое из морского народа, и сегодня Хоо стоял у штурвала, а Тауно забрался в «воронье гнездо» на верхушке мачты.

Эйян, сменившись с вахты, ловко скользнула через люк в кубрик, под который отгородили часть трюма. Звездный свет, льющийся через отверстие люка, был достаточно ярок для ее глаз, и даже при закрытом люке она отыскала бы путь в темноте на ощупь, по запаху или пользуясь присущим всем морским людям чувством направления и места. На соседних койках лежали Нильс и Ингеборг. Парень по-детски сжался в комочек, рука женщины прикрывала глаза. Присев на корточки рядом с Нильсом, Эйян погладила его волосы и прошептала в ухо:

– Вставай, лежебока. Настало наше время.

– А? Что?.. – пробормотал внезапно проснувшийся Нильс, но не успел более произнести ни слова – губы Эйян прижались к его губам.

– Осторожно, – предупредила она. – Не потревожь несчастную женщину. Иди за мной. Она взяла его за руку, и восторженный Нильс последовал вслед за ней вверх по лесенке и на палубу.

На западе сверкали звезды, но на востоке поднялся рогатый месяц, залил небо серебристым сиянием. Еще ярче неба мерцало море. Силуэт Эйян темнел на фоне неба, словно ее освещал небесный фонарь. Ветер посвежел, посвистывал в вантах, раздувал паруса. Нос шлюпа приподнялся, потом окунулся в зашипевшую волну.

Нильс замер.

– Эйян, – воскликнул он, – ты слишком прекрасна, твоя красота обжигает меня!

– Тише, тише, – пробормотала Эйян, бросив торопливый взгляд на верхушку мачты. – Пойдем к носовой надстройке.

И она танцующей походкой устремилась вперед, Нильс заторопился следом.

Под носовой палубой более не таился мрак: в лунном сиянии Нильс ясно видел Эйян – до той секунды, когда она тесно прильнула к нему, и его голова закружилась от вихря ее поцелуев. Внутри него все зазвенело, загрохотало, взорвалось пламенем.

– Сбрось с себя эти дурацкие тряпки, – велела она вскоре и протянула руки, помогая Нильсу.

...Потом они лежали рядом, отдыхая и приходя в себя.

– Я люблю тебя, – прошептал он, вдохнув аромат ее волос. – Люблю всей своей душой.

– Молчи, – предупредила Эйян. – Ты человек... мужчина... хоть еще и молод... и крещен.

– Ну и пусть!

– Нет, не пусть! Ты обязан про это помнить. – Приподнявшись на локте, Эйян всмотрелась в выражение его лица. Ее свободная рука нежно коснулась его груди. – У тебя есть бессмертная душа, и никто, кроме тебя самого, не сможет ее сберечь. Судьба свела нас вместе, но я не стану той, кто погубит твою душу, милый мой дружок.

Ослепленный внезапным отчаянием, Нильс прильнул к ее груди.

– Я не смогу расстаться с тобой, – выдохнул он. – Никогда не смогу. А ты... ты не бросишь меня, правда? Скажи, что не бросишь!

Она принялась успокаивать его поцелуями и объятиями и, когда он смог снова слушать ее, ответила:

– Давай не будем терзать себя мыслями о будущем, Нильс. Толку от них никакого, лишь одни огорчения. Нам ведь хорошо вдвоем, правда? И довольно говорить о любви, – усмехнулась она. – Куда лучше добрая старая страсть. Тебе кто-нибудь говорил, что твой вид возбуждает?

– Ты очень... дорога мне.

– А ты мне. И у нас много общего – работа, разговоры, песни, мы вместе любим море и небом... как близкие товарищи... – Она снова тихо рассмеялась. – А тихой ночной порой у нас есть и другое общее занятие, и я чувствую, что ты... о, радость моя!

...Сидя в «вороньем гнезде», Тауно вслушивался в доносящиеся с носовой палубы звуки. Его губы плотно сжались, стиснутый кулак ударил по ладони. Потом еще раз и еще.

* * *

Погода держалась по большей части ясная, и «Хернинг» плыл на юг даже быстрее, чем все ожидали от столь побитой посуды. Если к ним приближалось другое судно из тех, что курсировали между Англией и Пале, то Хоо, облаченный в человеческие одежды, выкрикивал очередную байку об их корабле, которую они с Нильсом тут же выдумывали в зависимости от ситуации. Поскольку вид у них был явно не воинственный и на пиратов они вовсе не

походили, этого обычно хватало, и лишь однажды им пришлось спустить паруса и затаиться до темноты, чтобы прокрасться мимо королевского судна – Хоо предварительно осмотрел его, приняв тюлений облик, – потому что их могли задержать, приняв за шпионов или контрабандистов.

Пасмурным вечером Тауно вернулся к шлюпу, сжимая в руках отличного крупного лосося. Взобравшись по спущенной на корме веревочной лестнице, он бросил добычу на палубу.

– Хо-хо! – пробасил из-за штурвала селкай. – Ты мне отрежешь кусочек?

Тауно кивнул и протянул Хоо солидный кусок лосося. В тусклом свете фонаря, освещавшего плавающую стрелку компаса, его огромное тело походило на человеческое куда меньше, чем днем. Хоо впился зубами в сырую рыбину и жадно оторвал кусок. Брат с сестрой тоже не заботились о том, чтобы как-либо приготовить рыбу, и Ингеборг занималась стряпней лишь для себя и Нильса, но все же от подобного зрелища по лицу Тауно скользнула тень отвращения. Хоо заметил это.

– Тебя тревожит что? – спросил он.

– Ничего, – пожал плечами Тауно.

– Не-е, что-то есть. Насчет меня, сдается мне. Так скажи, как есть. Нам нельзя злобу копить.

– С чего ты взял? Я не держу на тебя зла, – все еще угрюмо ответил Тауно. – Но если хочешь знать, то мы в Лири ели более прилично.

Хоо немного помолчал, пристально вглядываясь в Тауно, потом произнес, тщательно подбирая слова:

– Не держи в себе, расскажи мне лучше. Иначе покоя нет. Что случилось, парень?

– Я же сказал – ничего! – рявкнул Тауно, отворачиваясь, чтобы уйти.

– Постой!

Тауно остановился.

– Не в том ли дело, что бабы нет у тебя, а у меня и Нильса есть? – предположил Хоо. – Сдается мне, Ингеборг рада тебе будет и в удовольствии не откажет тебе.

– По-твоему, она кто?..

Тауно резко смолк. На этот раз он ушел.

Сумерки быстро густели. По вантам скользнул вниз темный силуэт, прыгнул на палубу. Тауно приблизился. Нильс напряженно вглядывался в темноту, но Тауно без труда разглядел смущенное лицо парня.

– Что ты там делал? – резко спросил он.

– Ну... ты же знаешь, Эйян дежурит на мачте, – ответил Нильс. Голос его едва заметно дрогнул. – Мы разговаривали, потом она велела мне спускаться, пока я еще в силах что-то разглядеть вокруг себя.

– Верно, – кивнул Тауно, – ты не упускаешь ни единой возможности побыть с ней наедине. Так ведь?

Тауно уставился в темноту. Нильс отыскал его руку.

– Тауно... господин... умоляю вас, выслушайте меня, – взмолился юноша.

Долгую минуту принц Лири молчал, потом молвил:

– Говори.

Нильс сглотнул.

– Вы стали мрачны. Холодны со мной... со всеми, кажется, тоже, но со мной больше всего. Почему? Неужели я чем-то обидел вас? Я не стал бы этого делать ни за какие блага на свете, Тауно.

– С чего ты взял, что способен причинить мне хоть какой-то вред, сухопутный топтун?

– Ну, ваша сестра... ваша сестра и я...

– Ха! Она свободная личность. И я не настолько глуп, чтобы судить ее поступки.

– Я... я люблю ее.

– Как же ты можешь? Неужели ты забыл, что у нее и у меня нет душ?

– Я в это не верю! Она... она изумительная, восхитительная. Я хочу жениться на ней... и если не перед людьми, то перед Богом... хранить ей верность и заботиться до самой своей смерти. Я буду ей хорошим мужем, Тауно. Я хорошо обеспечу и ее, и детей. Я знаю, как выгодно вложить свою долю золота... Вы поговорите с ней, Тауно? Она не позволяет мне вести подобные речи, но если об этом скажете вы... Ради меня... и ради нее? Ведь она может быть спасена, даже...

Бормотание Нильса внезапно захлебнулось – Тауно схватил его за плечи и встряхнул столь яростно, что у парня клацнули зубы.

– Заткнись! – взревел Тауно. – Еще одно слово, и я размажу тебя по палубе! Развлекайся с ней и дальше, пока твое время не кончилось. И вбей себе в голову – ты для нее лишь развлечение, очередное после десятков прежних. И не более того. Радуйся, что она обратила на тебя немного внимания, и больше не раздражай нас своими сопливыми воплями. Ты меня понял?

– Да, простите меня, простите, – всхлипнул Нильс. Тауно разжал руки, парень осел на палубу.

Тауно постоял немного рядом, но взгляд его был устремлен на верхушку мачты. Он не заметил ни малейшего движения, лишь ветер трепал длинную прядь волос. Тауно уже открыл было рот, собираясь заговорить на языке морских людей, но передумал. К нему медленно вернулось спокойствие.

– Оставайся на палубе, Нильс, пока я не разрешу тебе спуститься, – приказал он, потом быстро отыскал люк в трюм. Спустившись, он не потрудился прикрыть за собой крышку, чтобы приглушить звуки, а сразу подошел к койке Ингеборг и разбудил ее.

* * *

Приползшие со стороны Ирландии тучи пролились морозящим дождем, сизой дымкой затянувшим небосвод. Капли с шелестом падали на волны, и их шепот совсем заглушил посвистывание бриза. Каждый вдох влажного и прохладного воздуха наполнял легкие ароматом зеленых полей.

В такую погоду торчать на верхушке мачты было бесполезно, и Тауно с Эйян поплыли перед кораблем, разведывая путь. Силуэт шлюпа вскоре растаял в дождевой мороси, и они впервые за долгое время остались наедине. «Хернинг» едва тащился по волнам, брат с сестрой легко его обгоняли и потому могли разговаривать, не останавливаясь.

– Ты был жесток с Нильсом, – сказала Эйян.

Тауно рубанул ладонью по воде.

– Ты слышала наш разговор?

– Конечно.

– И что ты ему потом сказала?

– Что ты был в плохом настроении и ему не следует принимать твои слова близко к сердцу. Он очень страдал. Будь добр к нему, Тауно. Он преклоняется перед тобой.

– А в тебя по уши влюблен. Юный болван!

– Знаешь, а ведь я у него первая женщина, самая первая. – Эйян улыбнулась. – И он быстро учится. Так пусть он осчастливит в своей жизни еще многих – когда мы расстанемся.

Тауно нахмурился.

– Надеюсь, он не ошалееет от любви к тебе до такой степени, что растеряет остатки своего умишка. У нас есть только он да Ингеборг – на кого еще из людей мы можем положиться, спасая Ирию? Ведь мы с тобой вряд ли сумеем сойти за жителей суши, тем более за датчан.

– Да, мы с ним об этом говорили, – подтвердила Эйян, встревоженная не меньше брата. – Он по крайней мере знает, что должен действовать осторожно, ведь он простой моряк и в людских законах столь же невежественен, как и мы. Но я верю в него, потому что он умен и быстро добирается до сути. Правда, – печально добавила она, – именно поэтому он может и не позабыть меня, когда придет время расставаться. Впрочем, он всегда сумеет опереться на совет Ингеборг, а уж она, полагаю, за свою жизнь имела дело с самыми разными людьми.

– Да, она сильная женщина, – вяло согласился Тауно.

Эйян отплыла чуть в сторону и повернулась, чтобы лучше видеть его лицо.

– А я полагала, что твои чувства к ней заслуживают иных слов.

– Верно, она мне нравится, – кивнул Тауно.

– А ты для нее... Сидя в «вороньем гнезде», я слышала, какую радость ты пробудил в ней, спустившись в трюм. Она сдерживалась, но я все равно слышала. – Лицо Эйян исказилось, она помолчала, потом продолжила: – На следующий день мы с ней поговорили наедине. Так, обменялись женскими сплетнями. И она спросила, зная, что мы все равно не согласимся, не хотим ли мы поселиться где-нибудь неподалеку от нее – ведь за золото она может купить дом на берегу – и не уплывать далеко в поисках нашего народа. Когда я ответила, что это невозможно, она отвернулась. Потом повернулась обратно и принялась весело болтать. Но я наблюдала за ее плечами и руками. – Эйян вздохнула. – Воистину, общение с нами не приносит смертным счастья.

– И нам с ними – тоже, – процедил Тауно.

– Верно. Бедная Ингеборг! И все же, как дальше жить нам – двум последним морским людям в Дании? Ведь если не суждено нам отыскать отца, то придется искать прибежища в другом племени. А как тяжело искать родных по всему свету!

– Да... тяжело, – отозвался Тауно. Они пристально посмотрели в глаза друг другу. Тауно побледнел, сестра покраснела. Брат резко нырнул и не показывался целый час.

* * *

«Хернинг» обогнул Уэльс, миновал белые холмы Англии и поплыл домой мимо равнин Ютландии.

4

Корабль с беженцами из Лири преодолел уже более половины пути до побережья Далматии, когда его заметили работорговцы.

Поначалу никто из них, даже Ванимен, не почуял зла. За долгий путь от Геркулесовых Столбов они переговаривались с командами многих судов: кораблей в этих водах плавало немало. Ванимен старался держаться подальше от берегов, поэтому на них никто не нападал. Он также велел всем находящимся на палубе облачаться днем в одежду, которая отыскивалась в сундучках матросов, а пловцам в море не всплывать до наступления темноты. Корабль северной постройки, явно потрепанный штормом, возбуждал любопытство, а иногда – как полагал Ванимен – желание предложить помощь. Тем, кто подплывал ближе, он давал понять жестами, чтобы они плыли дальше, добавляя на ломаной латыни, что они ни в чем не нуждаются и направляются в ближайший порт. До сих пор такой прием срабатывал, правда, Ванимен все гадал почему – то ли произносимые им слова были достаточно понятны местным жителям, то ли капитаны встречных судов начинали с подозрением приглядываться к его странной на вид команде, облаченной в лохмотья. Как бы то ни было, присутствие на палубе женщин и детей ясно доказывало, что они не пираты, и поэтому ни один военный корабль ими не заинтересовался.

Случись такое, они тут же покинули бы судно. Ванимену очень не хотелось с ним расставаться. Несмотря на жалкое состояние, медлительность, неуклюжесть и нескончаемый труд у помп, оно оставалось их прибежищем – и маскировкой в узком море, разделяющем христиан и мусульман, где уже не осталось никого из жителей волшебного мира. День за днем, ночь за ночью жалкое корыто ползло вперед. Когда наступал штиль, а солнце садилось или поблизости не было людей, царь посылал своих людей в море – ухватившись за канаты, они тянули его дальше. Так им удавалось выжимать из своего корабля такую скорость, какой никогда не добился бы людской экипаж, и все же прошло несколько томительных недель, прежде чем они добрались до Адриатики. Не будь рядом волн, где беглецы находили пищу, покой и отдых, они давно погибли бы от отчаяния.

Теперь путешествие стало еще более медленным, требуя еще большей осторожности, – им пришлось плыть вдоль восточного побережья, постоянно высылая разведчиков к берегу. Путники постоянно рисковали нарваться на морской патруль любого из местных правителей, но, несмотря на риск, сердца их забились легче, а песни зазвучали чаще, потому что места эти оказались красивыми и приятными, их скалистые берега поросли густыми лесами, а прибрежные воды обильны рыбой. Ванимен намеревался не спускать парусов, пока корабль в состоянии плыть дальше – сперва требовалось отыскать подходящее место. Впрочем, если и придется покинуть судно, то теперь катастрофы не случится.

Так он полагал.

И в самом деле волшебный мир все еще сохранился у этих берегов и в возвышающихся в отдалении горах. Подплывая ближе, выходя на берег, Ванимен ощущал магию, и после прежней пустоты по его телу пробегал холодок восторга. Он замечал и существ не из обычной плоти – робких или злобных. Они казались ему странными, и если не убегали прочь, словно охваченные ужасом, то сами начинали угрожать. Тогда уходил он. Но все же они были его родственниками в том смысле, в каком Агнете, как она под конец поняла, никогда не смогла бы стать.

Кое-какие места оказались оскверненными экзорцизмом. Призвав на помощь доступную ему вопросительную магию, Ванимен узнал, что большинство из них стало такими не так уж давно. Кажется, среди людей появилась новая вера – скорее новая секта, потому что проклятие повсюду было наложено Крестом, – сменившая терпимость раннего христианства. Но гораздо чаще он замечал слишком обширные участки возделанной земли или городок, который самим своим присутствием сделал бы существование новой колонии невозможным. Что ж, дельфины советовали ему плыть подальше на север.

Следуя их советам, он все чаще стал встречать многочисленные острова, о которых они тоже упоминали, причем свободные от наложенных священниками проклятий. Это вероучение, столь активно ненавидящее всех, кто наслаждается радостью жизни – а именно этому, как догадался Ванимен, невольно учили людей дружелюбные к ним жители волшебного мира, навлекая опасность на людские души, но все же принося им радость, – это вероучение, должно быть, еще не проникло в эти края. И он лелеял надежду, что где-нибудь здесь отыщется то, о чем он мечтал.

И чем скорее, тем лучше, с тревогой подумал он. Корабль уже буквально разваливается, помпы не успевают откачивать воду. Все глубже оседающий с каждым днем, скрипучий, все более медленный при любом ветре, корабль вскоре станет совершенно бесполезным. И тогда им придется плыть дальше без него...

Так обстояли дела, когда на них наткнулись работорговцы.

* * *

Был день, когда рыбакам лучше оставаться дома, а купцам посидивать в таверне. С запада налетали шквалы, с каждым разом набирая силу, выл ветер, пенились волны, низкая

серость на небе плевалась дождем. Ванимен пытался править подальше от недалекого берега, но вскоре с горечью убедился, что это ему не по силам. Прямо по курсу, отделенный парой миль бурлящих волн, неподалеку от берега виднелся крупный остров. Если удастся войти в пролив, то там можно будет укрыться от ветра. Крыши на берегу предупреждали о людском поселении, но тут ничего не изменишь, к тому же домов оказалось не так уж и много.

Ванимен поднялся на полуют, откуда открывался хороший вид на море и откуда удобнее выкрикивать команды экипажу, набравшемуся по дороге моряцких навыков. Сбросив перед работой одежду, мужчины разошлись по местам или встали наготове, ожидая команд. Женщин с детьми он отправил вниз, чтобы те не путались под ногами на палубе. Немногие предпочли отправиться в море, но большинство матерей опасалось, что водовороты и подводные течения среди незнакомых прибрежных скал могут вырвать детей из их рук.

Пока корабль готовился к маневру, из дымки на горизонте выплыло другое судно – поджарая узкая галера, выкрашенная в черный и красный цвета. Она шла на веслах со спущенными парусами, напоминая перебирающего ногами паука. В пенных бурунах на носу галеры поблескивала позолоченная фигура крылатого льва. Заметив ее и оценив курс судна, Ванимен предположил, что это направляющийся домой венецианский корабль. Он удивленно свел брови – судно явно не было грузовым, иначе шло бы под охраной, и в то же время казалось слишком большим для военного.

Отогнав прочь сомнения, он занялся спасением собственного судна. Ему потребовался весь накопленный опыт, а также прирожденное знание природных стихий, чтобы догадываться, какие команды отдавать рулевому и людям на палубах, поэтому весь следующий час он почти не обращал внимания на незнакомое судно, пока к нему не подошла Мейива, стоявшая до сих пор вахту на носу корабля.

Коснувшись локтя Ванимена, она указала рукой в море и громко сказала, перекрикивая вой ветра:

– Взгляни! Они правят нам наперерез.

Посмотрев на незнакомый корабль, Ванимен убедился, что она права.

– И как раз сейчас наши тела не прикрывает одежда! – воскликнул он. Несколько секунд Ванимен молчал, погрузившись в тревожные размышления, потом решительно произнес: – Если мы сейчас бросимся одеваться, то это покажется куда более подозрительным, чем если останемся такими, какие есть. Будем надеяться, что они предположат, будто мы попросту решили раздеться – помнишь, мы ведь и сами видели в открытом море голых моряков. Их капитан, скорее всего, хочет узнать, кто мы такие. Вряд ли он приблизится настолько, что разглядит в нас чужаков другого племени – в такую погоду это слишком опасно, – а когда волосы мокрые, не очень-то и разглядишь, голубые они или зеленые... Передай людям на палубах, пусть ведут себя осторожнее.

Когда Мейива вернулась, галера оказалась с надветренной стороны относительно их судна, и Ванимен наморщил нос.

– Фу! – воскликнул он. – Чувствуешь? От нее несет грязью, потом и... страданиями. Что за дьяволыщина у нее на борту?

Мейива прищурилась.

– Я вижу нескольких, облаченных в металл, вижу оружие, – ответила она. – Но что это за оборванцы в лохмотьях? Их там множество.

Ответ стал очевиден, когда расстояние между кораблями сократилось. Темнокожие мужчины, женщины и дети были скованы цепями в запястьях и у лодыжек. Они стояли, сидели, лежали, скорчившись, на палубе, дрожали от холода и жались друг к другу, отыскивая хоть какое-то утешение в близости. Их охраняли стражники с пиками. Ванимена стиснула тревога.

– Кажется, я знаю, кто они, – сказал он Мейиве. – Рабы.

– Кто это? – переспросила она, никогда прежде не слышав этого слова.

– Рабы. Люди, которых ловят, продают, покупают и заставляют работать подобно животным, тянущим плуг или запряженным в повозку. Я слышал о таком зверстве от людей, с которыми когда-то разговаривал. А это судно, несомненно, возвращается из набега на южные страны.

Ванимен сплюнул под ветер, пожалев, что не может повторить плевок в сторону галеры.

– И это правда? – нахмурилась Мейива.

– Да.

– И все же Создатель Звезд благосклонен к их племени больше, чем ко всем остальным в этом мире?

– Я тоже не могу этого понять... Ага, они нам что-то кричат.

Вой ветра и незнакомый язык сделали всякие разговоры невозможными. Худощавый, гладко выбритый человек в кирасе и шлеме с пестрым плюмажем так долго разглядывал беглецов из Лири, что у Ванимена по коже побежали мурашки. Но все же наконец галера отошла в сторону, и из груди Ванимена вырвался вздох облегчения.

Расслабляться было некогда. Прямо по курсу быстро вырастал скалистый остров, о берег которого яростно разбивался прибой. Забыв обо всем, Ванимен целиком сосредоточился на сложном маневре, заводя посудину с беглецами в безопасность пролива. Право руля! Поднять рей! Выдвинуть шкот с правого борта! Корабль тряхнуло – неужели киль о что-то задел? – и внезапно они вырвались из бури в штиль.

Судно застыло на месте.

Не веря собственным глазам, Ванимен осмотрелся по сторонам. Они стояли в полоске почти спокойной воды, едва тронутой рябью. С обеих сторон стенами вздымались берега. Шторм все еще гудел совсем рядом, но сюда залетали лишь редкие шальные брызги. Материковый берег за узкой полоской пляжа покрывал густой лес, а на острове среди деревьев и кустарников виднелась кучка строений. Ванимен не заметил ни людей, ни собак, как, впрочем, не ощутил и присутствия других существ.

Обратив свои чувства морского жителя на воды пролива, он обнаружил, что их соленость уменьшилась – скорее всего, чуть севернее в море впадала река. В ее устье, несомненно, располагался порт, и не из малых – Ванимен заметил плавающий вокруг мусор и комки смолы, признаки работающих доков. Береговой выступ заслонял от беглецов порт, но это и к лучшему – их тоже пока никто не заметил.

Царь не сомневался, что к вечеру шторм стихнет и они смогут плыть дальше. А пока... Ванимен сел на палубу и устало прислонился к борту. Пока все спокойно. Надо поспать... Измученный Ванимен мгновенно заснул.

Его разбудил отчаянный крик Мейивы.

Огибая скалистый выступ и взбивая веслами волны, на них мчалась галера. Она приблизилась настолько быстро, что сидевшие в трюме даже не успели выбраться на палубу. А их царь едва успел вспомнить, что стал капитаном на корабле, моряк с которого, убитый им, проклял его перед смертью.

* * *

В борта впились крючья. На палубу с грохотом опустился абордажный мостик, и по нему, вооруженные до зубов и закованные в кирасы, хлынули венецианцы. Свой живой товар они загнали в трюм и теперь явились за новой партией.

Некоторые из них попятились, внезапно заметив странность будущих пленников – перепончатые ступни, цвет волос, явно не людские черты лица. Испуганно вскрикнув, они перекрестились и едва не бросились обратно на галеру. Но более смелые подбодрили себя криками, взмахнули мечами и двинулись вперед. Командир нападающих сорвал с шеи распятие и под-

нял его, держа рядом с мечом. Венецианцы осмелели – на них с ужасом смотрели обнаженные, практически безоружные существа, в основном женщины и дети.

Командир гаркнул команду. Его люди развернулись в линию и двинулись вперед, отесняя народ Ванимена на корму. Оружие, шлемы, кирасы и кольчуги – чем могли защититься от них несчастные беглецы? К тому же морской народ ничего не знал о войнах. Те, кто был на палубе, начали в ужасе отступать, а не успевшие вылезти спрятались в трюме.

Начали возвращаться и всплывать те, кто отправился в море.

– Назад! – крикнул царь, заметив, что кое-кто ухватился за веревочную лестницу, собираясь подняться на палубу. – Тут смерть, или еще хуже смерти!

Царь мог присоединиться к ним и с легкостью спастись. Некоторые его соплеменники уже прыгнули с палубы в море. «Но что станет с теми, кто оказался в ловушке, не успев подняться из трюма?» – мелькнуло у него в голове. Враги уже окружили трюмные люки.

Сам он скорее бросится грудью на наконечники копий, но избежит кандалов, невольничьего рынка, грязи, нечистот, плетей и страданий – всех ужасов рабского существования. А может, его станут показывать на потеху публике... как-то на берегу он видел медведя с кольцом в гноящемся носу, танцевавшего на цепи под хохот зрителей... Так неужели у тех, кто поверил ему, нет права на собственный выбор?

К тому же на корабле сейчас почти весь народ Лири – оставшихся в воде женщин слишком мало, чтобы возродить племя.

А он все еще их царь.

– Вперед! – взревел Ванимен. Палуба загудела под мощными ударами его ног.

Царский трезубец остался в каюте, но силы и ловкости ему было не занимать. В Ванимена ткнули пикой. Он перехватил древко, вырвал оружие, замахнулся и раскроил солдату череп. Яростно рыча, царь врезался в толпу врагов, колол, бил, уворачивался и тут же нападал сам. Один из солдат, подкравшись сзади, уже занес топор, собираясь ударить Ванимена в спину, но на него кошкой прыгнула Мейива с ножом в руке, схватила за подбородок и перерезала горло. Мужчины из палубной команды воспрянули духом и поспешили на помощь сражающейся паре, противопоставив сверкающей стали свою силу и прирожденное мужество обитателей моря. Вскоре они освободили подход к одному из трюмных люков. Ванимен велел женщинам выходить, они тут же полезли наверх, прижимая к себе детей, и прыгали в спасительное море. Кучка мужчин продолжала биться, прикрывая их бегство.

Арбалетчики на галере нацелили свое оружие.

Морские люди вполне могли бы выиграть схватку, обладай они хоть какими-то воинскими навыками. Но у них не было ни опыта, ни умения в убийстве людей, которых они видели впервые в жизни. Ванимену не следовало приказывать пловцам остаться – он понял это, когда вокруг него снова сомкнулось железное кольцо воинов, и он воззвал к своим людям о помощи. Но они не расслышали его из-за шума битвы, продолжая потрясенно плавать вокруг корабля. Арбалетчики с галеры заметили нескольких и убили их.

Такая же участь постигла двоих или троих рядом с Ванименом. Венецианцы перестроились, контратаковали и устроили побоище, залив палубу кровью. Их жертвами по большей части стали вылезающие из трюма женщины и дети, погибли и все мужчины на палубе – кроме Ванимена.

Израженный, он едва ощущал, как его снова и снова колет и режет оружие врага. Каким-то образом – рядом с ним разъяренной кошкой отбивалась Мейива – Ванимен сумел вырваться из кольца венецианцев, пробиться к борту и вместе с Мейивой прыгнуть в море.

Соленая вода приняла его в материнские объятия. Ванимен медленно погружался в зеленую прохладную глубину, окруженный уцелевшими соплеменниками. Он спас от рабства всех, кто выжил, выполнил свою задачу и теперь может отдохнуть...

Нет. Царь истекал кровью, в глазах у него темнело, рот наполнился горечью. И если жестоко раненный Ванимен не доберется до берега, где можно обработать раны, он тоже присоединится к числу погибших. Да и не он один – многие женщины и дети тоже были ранены.

– На берег, – приказал он.

Они доплыли до материка, выдохнули воду из легких и выползли на сушу.

* * *

Нет сомнений, что венецианцев схватка потрясла не менее, чем соплеменников Ванимена, потому что они оставались на галере и на захваченном корабле еще не менее часа. Все это время беглецы у них на виду заботились, как только могли, о своих раненых – прикрывая раны мхом и паутиной и стягивая их края плетеными из травы веревочками.

И снова их погубило невежество. Им следовало бы немедленно уплыть прочь, оказав первую помощь, пусть даже потеряв по дороге наиболее тяжелораненых. Ванимен наверняка приказал бы поступить именно так, но он лежал, часто теряя сознание, а подходящей замены ему не нашлось. Его испуганный народ бродил по берегу, тратил время на пустые разговоры и никак не мог решить, что же делать дальше.

Тем временем работорговцы, наблюдая за ними, все более набирались решимости. Да, существа на берегу сильны и опасны, но их можно одолеть и схватить, а затем продать куда дороже любых сарацинов. Капитан галеры был храбрым человеком. Он принял решение и отдал приказ.

Осторожно, но быстро галера двинулась к берегу. Встревоженные беглецы из Лири бросились вправо и влево, чтобы потом укрыться в водах пролива, но арбалетные стрелы отрезали им путь к бегству, заставив всех, кроме нескольких убитых, вернуться. Окажись среди них решительный лидер, они и в такой ситуации смогли бы спастись в воде, но Ванимен только-только начал приходить в себя. Было совершенно ясно, что сколько-нибудь значительное расстояние ему не проплыть. Мейива положила руку Ванимена себе на плечи и направилась, поддерживая его, в сторону леса, отыскивая в нем убежище. Не имея перед глазами лучшего примера, все племя заковыляло следом. Именно на это и надеялся венецианец. Если беглецы рассеются по кустам, многие сумеют скрыться, но ему хватит и тех, кого он сумеет поймать. Перед глазами у него уже блестели дукаты.

Дно пролива перед берегом резко повышалось. Капитан галеры велел подвести ее к берегу, бросить якорь на мелководе и перекинуть через борт абордажный мостик. Спустившиеся по нему солдаты оказались лишь по пояс в воде и торопливо выбрались на берег. Кто-то из беглецов успел скрыться в волнах, но многие стали искать убежища в лесу, прячась в тени деревьев. Охотники двинулись следом.

Им вполне было по силам поймать часть из них и позднее продать необычных рабов в цирки, бордели, а то и как удивительных ловцов рыбы – ловят же соколы всякую дичь. Остальные ускользнули бы и направилась навстречу ожидающей их судьбе. Однако их расчеты спутало невезение – или воля Небес.

Галеру заметили жители острова, и то, что они увидели, оказалось вполне достаточно, чтобы встревожиться – островитяне слишком хорошо помнили, что такое война и пиратство. Гонец, сперва бегом, а затем на гребной лодке, добрался до порта Бан, а оттуда, верхом на лошади, и до гарнизона в Шибенике. Из Шибеника тут же вышел боевой корабль, а вдоль берега торопливо зашагал воинский отряд.

Заметив в отдалении блеск металла, капитан работорговцев понял, что зашел слишком далеко. У него не было никаких дел в территориальных водах Хорватского королевства. Поскольку между ним и Венецианской республикой сейчас был мир, он не мог осмелиться на вооруженное сопротивление королевскому судну. А для того, в свою очередь, явно ино-

странное судно, откровенно нарушившее границу территориальных вод, было слишком соблазнительной добычей. Теперь работорговцу не оставалось ничего иного, кроме как поскорее убратся восвояси и надеяться лишь, что посольство сумеет убедить королевских чиновников, будто венецианский корабль у самого хорватского берега им попросту почудился.

Звук рога призвал венецианских солдат на берег. Хорваты, со своей стороны, не торопились, когда им стало ясно, что незнакомый корабль не желает схватки. Они позволили ему уйти, но хорватских офицеров снедало любопытство – они гадали, что же привело иностранца к их берегам, и выслали отряд прочесать заросли.

Все это Ванимен узнал много позднее, в основном от отца Томислава, который, в свою очередь, восстановил последовательность событий, сложив воедино услышанное. А в тот момент для Ванимена существовали лишь боль, слабость и шум на берегу, заставивший его соплеменников еще дальше уйти от берега.

* * *

Их начала терзать жажда, становившаяся с каждым часом все более мучительной, но они не посмели вернуться к морю, где по берегу рыскали вооруженные люди. Сквозь запах листьев ветерок доносил до них и запах далекой реки, но, к сожалению, смешанный с запахами города. Его предстояло обойти стороной.

Преследователи, не добившись успеха сразу, вскоре махнули на них рукой. Впрочем, они не особенно и старались, но для морского племени это было слабым утешением. Возглавляемые Мейивой, поскольку царь мог лишь ковылять, опираясь на кого-нибудь, они продирались сквозь густой лес, поднимались на все более высокие холмы, терпели голод, жажду и усталость и помогали брести раненым, слыша всхлипывания и плач детей. Камни, коряги и шипы ранили нежные перепонки их ног, густые ветви преграждали путь, каркало воронье. Ветер постепенно стих, от земли поднимались тепло и тишина – для них, существ из другого мира, они стали жарой и глухотой. Здесь не было приливов или течений, волн и свежего бриза, плавающей вокруг еды или прохладных глубин для отдыха. Несчастных беглецов окружал лабиринт деревьев, бесконечный и до ужаса однообразный. Они с огромным трудом пробирались вперед.

Но хотя лес и казался беглецам бесконечным, все же к вечеру они из него вышли. Им снова повезло, потому что в наступивших сумерках они смогли незаметно двинуться дальше среди ферм и полей на поиски реки. Ванимен, все еще слабый, посоветовал им идти по дорогам и тропинкам – хотя сбитым в кровь ногам и было больно, зато так они оставляли меньше следов, чем если бы шли по хлебному полю. Эта часть их путешествия, по ночной прохладе и при свете звезд, оказалась легче предыдущей. Никаких строений поблизости не было. Местность неуклонно поднималась в гору.

К полуночи они поняли, что впереди их ждет не просто ручей или речка, а целое озеро. Но их пересохшие глотки судорожно сжались, когда, перевалив через гребень очередного холма, они увидели перед собой сплошную стену деревьев. Путь к воде преграждали дикие заросли. Почти никто из обессиленных путников не смог бы выдержать еще одну схватку с лесной чащей, и уж тем более ночью, когда местные существа, явно не желающие им добра, наверняка настороже. Уннутар, чей нос считался самым чутким во всем племени, сказал, что учуял что-то нехорошее в самом озере – в нем таилось нечто огромное и жуткое.

– Нам надо поскорее напиться, или мы все умрем, – простила Ринна.

– Замолчи, – рявкнула на нее мать, державшая на руках своего потерявшего сознание ребенка.

– И поесть тоже, – добавила Мейива. Хотя на земле морским людям требовалось намного меньше пищи, чем в море, никто из них не привык голодать долгие часы. Многие уже пошатывались от слабости, а дети досуха выплакали глаза, умоляя дать им хоть что-нибудь поесть.

Ванимен тряхнул головой, проясняя мысли.

– Найдите ферму, – прохрипел он наконец. – Там есть колодец. Кладовые, амбары, коровы, свиньи. Мы... захватим владельцев врасплох... напугаем их, прогоним... потом наедемся и напьемся и бегом вернемся на побережье...

– Да! – зазвенел голос Мейивы. – Подумайте, все подумайте. Если мы так долго не видели домов, значит, эта земля принадлежит большому и богатому поместью. Оно наверняка где-то не очень далеко отсюда.

И она повела их дальше вдоль кромки леса.

Через два-три часа они почуяли запахи воды, людей и скота. Беглецы обогнули озеро и вышли к впадающей в него реке. И в самом деле – там, где два ручья сливались, образуя реку, стояло поселение. Спотыкаясь, морское племя бросилось вперед. Небо на востоке уже окрасили первые отблески рассвета.

И вновь их погубило невежество. Они так мало знали о людях, к тому же их знания ограничивались маленьким уголком Дании. Они совершенно искренне полагали, будто в центре возделанных земель всегда находится одно-единственное поместье или, самое большое, деревушка – а не целое селение крепостных крестьян, охраняемых стражниками из замка. Кое-кто из них заметил это обстоятельство, но уже не успел предупредить остальных. Словно обезумевшие лемминги, беглецы из Лири бросились к воде.

Собаки не стали поднимать шум, но сразу испуганно зарычали. Солдаты, зевающие под конец ночной стражи, насторожились и криками разбудили своих товарищей, которые начали с ворчанием вылезать из-под одеял. Даже в предрассветную рань они сумели разглядеть, что у брода собралась весьма странная компания – голые и почти все безоружные. Скрадинский жупан Иван Субич всегда держал свое войско наготове, и через пару минут конные солдаты уже выехали из ворот замка. Не успели беглецы ахнуть, как всадники с грохотом проскочили мост и окружили их, остриями пик преграждая дорогу тем, кто пытался скрыться. Конный отряд был невелик, но ему на подмогу уже спешили пешие солдаты.

Ванимен поднял руки.

– Сделайте так же, – велел он своему народу, прежде чем снова потерять сознание. – Мы сдаемся.

5

Немного севернее Элса лес уступал место болоту. Оно тянулось две или три лиги вдоль дороги – скорее прибрежной тропы. Ею почти не пользовались – как из страха перед существами полумира, так и по той простой причине, что местность от Элса до Ска была почти безлюдной. Архидиакон Магнус не боялся ездить по ней в сопровождении своей свиты, но он-то был крестоносец Господа, которого небесный патрон сделал неуязвимым перед демонами. Простолюдины же такой милостью небес не располагали.

В этих местах одним холодным вечером и бросил якорь «Хернинг». На востоке поблескивал Каттегат, воды которого постепенно таяли в вечерних сумерках; берег на западе окутывала темнота. Последний отблеск заката распластался по воде красным пятном, холмистый берег порос камышом и кривыми ивами. Вечерний бриз разносил запах болотной сырости. Бухала выпь, скрипели чибисы, ухала сова.

– Странно, что наше путешествие заканчивается именно здесь, – пробормотала Ингеборг.

– Нет, не заканчивается, – возразила Эйян. – Мы его только начинаем.

Нильс перекрестился, потому что место оказалось воистину зловещим. Как и всякий местный житель, он слышал рассказы о... никорах, эльфах?.. и не блуждающий ли огонек уже мелькает в отдалении, заманивая человека к гибели? Да и поможет ли ему святой знак теперь,

после всех его языческих прегрешений? Его рука потянулась к руке Эйян, но та уже отошла в сторону и принялась за работу.

Сперва она, Тауно и Хоо помогли людям сойти на берег, а потом несколько часов плавали между кораблем и берегом, перетаскивая сложенное на палубе золото Аверорна. Нильс и Ингеборг стояли на страже, чтобы вовремя предупредить о нежелательном появлении людей – пара-другая разбойников вполне могла устроить себе берлогу где-нибудь неподалеку – или еще менее желанных гостей. Но опасения оказались напрасными. Закутавшись в плащ, они так и простояли всю ночь, дрожа от холода и согревая друг друга.

К рассвету они закончили разгрузку, но солнца так и не увидели – берег окутал густой туман, погрузив мир в промозглую сырость, пропитанную тишиной. Тауно и Эйян, хорошо знавшие это болото, предвидели появление тумана и даже специально задержали шлюп в море на целый день, чтобы на рассвете воспользоваться удобным прикрытием. Хоо ориентировался в тумане не хуже брата с сестрой, и под руководством морских жителей юноша и женщина, промокнув до нитки, помогли им справиться со следующей частью задачи.

Золото было необходимо спрятать. Тауно вспомнил искалеченное молнией дерево, которое можно было легко заметить со стороны дороги. В считанных шагах западнее дерева отыскался пруд, мелкий и укромный, словно созданный для хранения секретов. На дно пруда легли плетенные из ивовой лозы циновки – они пролежат под водой несколько лет и не дадут илу поглотить то, что путешественники на них положили. Две пары лишних рук помогли быстрее спрятать сокровище, к тому же на берегу можно переносить большую тяжесть, чем плывя с ней в море, и хотя золото весило немало, места оно заняло совсем немного.

Все же им следовало торопиться, и носильщику зачастую приходилось сминать мягкий металл, придавая ему более компактную форму. Увидев, как Тауно безжалостно плющит золотую тиару тончайшей работы, Ингеборг печально вздохнула:

– А ведь кто-то давным-давно подарил ее своей возлюбленной, а какой-то мастер с любовью ее изготовил. То был последний отблеск их жизни.

– А мы живем *сейчас*, – рявкнул в ответ Тауно. – Нам все равно придется бóльшую часть этого добра переплавить или разрезать на кусочки, разве не так? Кстати, их души живут и наверняка обо всем помнят.

– Да, в каком-нибудь сером безвременье, – добавила Эйян. – Они не были христианами.

– Полагаю, нам повезло больше, – ответил Тауно и вновь принялся за дело. Даже рядом он казался в тумане каким-то нереальным. Ингеборг вздрогнула и начала было вытягивать из-под одежды крест, но тут же остановилась и тоже вернулась к работе.

* * *

Ближе к полудню ветерок, постепенно крепчая, отогнал туман в море. Копья солнечного света протянулись к земле, все чаще выглядывая из голубых просветов в облаках. Потеплело. На пляже бормотали волны.

Завершив труды, путники пообедали на обочине дороги холодными припасами с корабля, запивая их кислым вином. Вряд ли это можно было назвать прощальным банкетом, но ничего получше у них не оказалось. Когда с едой было покончено, Тауно отвел Нильса в сторону, подальше от посторонних ушей.

Несколько секунд они простояли молча – обнаженный сын Агнете возвышался над худым, облаченным в драную одежду парнем, угрюмый Тауно и усталый Нильс. Наконец принц Лири заговорил:

– Если я плохо к тебе относился, то приношу извинения. Ты заслуживал лучшего. Под конец нашего путешествия я устал, но... словом, я слишком много возомнил о себе и забыл о том, сколь многим я тебе обязан.

Нильс поднял глаза и ответил с оттенком отчаяния:

– Забудь о своем долге, Тауно. Это я в неоплатном долгу перед тобой.

– За что, друг мой? – мрачно усмехнулся Тауно. – За то, что тебе приходилось идти навстречу опасностям, снова и снова рисковать жизнью ради нашей сестры? За то, что впереди тебя ждут еще большие трудности?

– Разве? А богатство и все, что оно означает – конец нужде, издевкам и насмешкам других людей? Да, я помогаю Маргрете, то есть Ирии, но разве я уже не вознагражден за это сторицей?

– Гм. Я не очень-то искушен в обычаях жителей суши, но могу предположить, что все шансы против тебя, и если ты потерпишь неудачу, твоя смерть от рук людей станет куда ужаснее, чем в океане или в пасти морских монстров. Задумывался ли ты об этом, Нильс? – потребовал ответа Тауно. – Думал ли по-настоящему, серьезно? Я спрашиваю ради Ирии, но и ради тебя тоже.

– Да, думал, – твердо ответил юноша. – Ты знаешь, кому я служу в моем сердце. Так вот, ради нее я готов сделать все, что в моих силах, и каждый свой свободный час я проводил, строя разные планы. Ингеборг станет моей первой советчицей, она лучше меня знает этот мир, но она не останется единственной. Будущее в руках Господа, но все же я храню надежду. – Нильс перевел дыхание. – Ты ведь знаешь, что торопливость погубит нас. И каждый шаг нам следует тщательно продумать.

– Верно. И сколько же времени потребуется? Год?

Нильс нахмурился и подергал жидкую бороденку.

– Пожалуй, больше. Сперва мне потребуется приобрести соответствующее положение... но ты не про это желаешь узнать, верно? Ирия... если все пойдет хорошо, то... мы *можем* выкупить ее через год. Видишь ли, это зависит от того, каких союзников мы сумеет отыскать. Словом, через год мы лучше будем знать, как обстоят дела.

– Тебе виднее, – кивнул Тауно. – Тогда через год мы с Эйян вернемся узнать новости.

– Вас не будет так долго? – изумился Нильс.

– А зачем нам торчать здесь, если мы можем заняться поисками своего народа?

Нильс судорожно сглотнул. Пальцы его рук переплелись. Через некоторое время он собрался с духом и спросил:

– Где вы станете искать?

– На западе, – ответил Тауно, смягчившись. – Возле Гринланда. Как-то в море, одной лунной ночью, мы с Хоо говорили об этом. У нас было видение будущего, у меня очень расплывчатое и неясное, но Хоо мне сказал, что услышал в голове чей-то шепот, и этот голос сказал, что где-то в тех краях меня ждет часть моей судьбы.

Солнечный луч упал на Тауно, превратив его волосы в янтарь. И, словно вспомнив о насущных проблемах, Тауно пожал плечами и пояснил:

– Это вполне логичное направление. По дороге, возле Исландии, мы сможем узнать кое-что полезное.

– Ты будешь беречь Эйян от опасностей? – страстно спросил Нильс.

Тауно коротко рассмеялся.

– Гораздо труднее не дать ей сломя голову кинуться навстречу опасности. – Пристально взглядевшись в Нильса, он добавил: – Давай не будем накликать беды. Нам их уже с лихвой досталось. Лучше договоримся о том, как встретимся снова.

Словно спасаясь от тоски перед расставанием, Нильс с жаром бросился обсуждать эту проблему, обмениваясь с Тауно всевозможными предложениями. Брату и сестре предстояло сообщить о своем возвращении заранее, а потом дожидаться появления Нильса. Место, где они сейчас находились, плохо подходило для будущей встречи – на берегу почти не имелось укромных мест, а если их заметят вышедшие в море рыбаки, это вызовет опасные слухи. К

тому же Нильс будет сильно рисковать всякий раз, возвращаясь за новой порцией золота. Уж лучше ему не совершать непонятных поступков в округе, где его все знали.

Они решили встретиться вновь на острове Борнхольм в Балтийском море. Тауно хорошо знал и любил этот почти необитаемый островок. Нильс, во время одного из своих прежних плаваний, тоже бывал в этом ленном владении Лундского архиепископа и познакомился там со старым моряком – надежным человеком, владевшим лодкой в Сандвиге. Пусть дети морского царя отыщут его, представившись путешественниками, и передадут через него тщательно составленное послание для Нильса. За небольшую плату – брат с сестрой уже надели на запястья витые золотые браслеты, от которых можно при необходимости отрезать кусочки, – моряк согласится доплыть до Дании, отыскать Нильса и доставить ему весточку.

– Тогда до встречи через год – если будем живы! – сказал Тауно.

И они с Нильсом скрепили договор рукопожатием.

* * *

Ингеборг и Хоо стояли на берегу, окутанные влажными завитками тумана, посеребренного невидимым солнцем. У их ног плескались воды Каттегата.

– Надо уйти до полудня, пока туман скрывает нас, – сказал Хоо. Ему предстояло увести шлюп подальше в море и бросить его там, чтобы он разбился у берегов Швеции или Норвегии, где корабль никому не был знаком. К тому времени серый тюлень уже давно плыл бы к родному Сула-Сгейру.

Ингеборг обняла его, позабыв о рыбной вони, которой пропитается ее платье.

– Увижу ли я тебя снова? – спросила она сквозь слезы.

Грубое лицо Хоо удивленно дрогнуло, массивная неуклюжая фигура напряглась.

– Ах, милая, зачем я тебе?

– Потому что ты... хороший, – пробормотала она. – Добрый, заботливый... А многие ли заботятся о других в этом мире... или потом?

– Ну и олух твой водяной, – вздохнул Хоо. – Нет, Ингеборг. Море ляжет между нами.

– Ты сможешь навещать меня. Если все пойдет хорошо... я куплю себе островок или полоску пляжа, построю себе домик...

Хоо обнял Ингеборг за талию, привлек к себе и долго вглядывался в ее глаза.

– Ты настолько одинока?

– Это ты одинок.

– Ты думаешь, мы могли бы... – Он покачал головой: – Нет, радость моя. У тебя своя судьба, у меня своя.

– Но пока они не сбылись...

– Я ведь сказал «нет».

Хоо замолчал. Вертелись клочья тумана, о чем-то бормотали волны. Наконец очень медленно, словно каждое слово было тяжелой ношей, он произнес:

– Самое дорогое, что в тебе нашел я, – твоя женственность. Но мое второе зрение... точно не скажу, все смутно очень, но... внезапно испугался тебя я. Такую странность почувал в тебе я... в тебе, какой будешь ты завтра.

Он разжал руки и шагнул назад.

– Прости меня, – пробормотал он, подняв руки, словно защищаясь. – Говорить не должен был я. Прощай, Ингеборг.

Хоо повернулся и шагнул в море.

– Зачиная сына, – крикнул он сквозь клубящийся туман, – о тебе я думать буду.

Ингеборг услышала его шаги по воде. Услышала, как он поплыл. Когда туман поднялся, шлюп был уже на горизонте.

* * *

Общего прощания так и не получилось – обе пары попрощались наедине. Нильс и Ингеборг долго смотрели на север, пока их возлюбленные не исчезли в волнах. Небеса распахнулись нараспашку, море сверкало. Вдалеке темным пятнышком пролетела стая бакланов.

Нильс встряхнулся.

– Что ж, – сказал он, – если мы хотим добраться до Элса засветло, то пора идти.

Эту ночь они собирались провести в ее хижине, а если хибарка развалилась за время долгого отсутствия Ингеборг, то, может быть, отец Кнуд пустит их переночевать. Утром они начнут упорную борьбу за спасение Ирии, но по крайней мере начнется эта борьба среди знакомых лиц.

Ингеборг зашагала к деревне. Под ногами похрустывал песок.

– Запомни, – велела она Нильсу, – сначала все разговоры буду вести я. Ты не привык лгать.

– Особенно тем, кто мне верит, – скривился Нильс.

– Зато шлюхи всегда лгут.

Ее тон оказался столь резок, что Нильс сбился с шага и медленно, потому что очень устал, повернул голову к Ингеборг. Та шла молча, не отрывая глаз от тропы.

– Я не хотел тебя обидеть, – пробормотал Нильс.

– Знаю, – равнодушно бросила Ингеборг. – Но все равно попридержи язык, пока не избавишься от своих мечтаний и не сможешь рассуждать здраво.

Нильс покраснел.

– Да, мне будет не хватать Эйян, это очень горькая для меня потеря, но... эх...

Смягчившись, Ингеборг, не останавливаясь, ласково пригладила волосы Нильса и мягко добавила:

– Позднее ты, мужчина, возглавишь наше дело. А сейчас я повела себя так только потому, что знаю одного человека в Хадсунде, который, как я думаю, поможет нам за толику золота, не задавая лишних вопросов... и расскажет кое-что о других, обладающих властью, к которым мы направимся позднее. Мы ведь с тобой уже все обсудили.

– Да, верно.

– Но все же будет лучше, если мы с тобой станем до конца понимать друг друга. – Она сухо усмехнулась. – Хотела бы я знать, была ли у морских людей более диковинная цель, чем та, что стоит перед нами?

И они побрели к югу.

Книга третья

Тупилак

1

В нескольких лигах от побережья Адриатики холмы начинают постепенно превращаться в горы, и эти места, окраина Свилая Планины, служат также границей округа, тянущегося далее к настоящим горным районам, за мир и спокойствие в котором отвечал жупан Иван Субич. Однако замок жупана стоял не в центре округа, а в Скрадине, совсем недалеко от Шибеника, – отчасти из-за того, что деревня эта была самым крупным поселением в жупе, а отчасти для того, чтобы при нужде можно было быстро вызвать подмогу из города. Впрочем, такая необходимость возникала очень редко; почти во всех владениях жупана природа осталась нетронутой, а жители – мирными. Воистину, тут был совсем другой мир по сравнению с побережьем и его многочисленными городами и портами, обращенными к западным странам. Здесь сохранилась седая древность и столь же древние обычаи.

Отец Томислав, шагавший по улицам Скрадина, казался их воплощением. Он перебирал ногами куда быстрее, чем можно было ожидать от человека с его комплекцией. Дубовый посох священника, случись ему столкнуться с лихим человеком, превратился бы в опасное оружие. Заткнутая за пояс сутана, открывавшая запыленные старые башмаки, была сшита из грубой домотканой шерсти, выцветшей и лохматившейся от ветхости. Сбившиеся набок четки с болтающимся на конце распятием сделаны из деревянных бусин, вырезанных вручную кем-то из крестьян. Лицо священника напоминало лица его сельских прихожан – широкое, круглоносое и загорелое. Между высокими скулами помаргивали светло-карие глазки, а редкие седые волосы словно перетекли в размазанный по груди всклокоченный куст бороды, спускающийся до самого пояса. Руки у священника были крупные и мозолистые.

Когда он проходил по улице, с ним все здоровались. Он отвечал прихожанам громким басом, а когда рядом пробегал ребенок, гладил его по голове. Кое-кто из прохожих окликал его, спрашивая, не узнал ли он что-нибудь о чужаках, опасны ли они и что замышляют.

– Вскоре все узнаете, с Божьей помощью, – отвечал Томислав, не замедляя шагов. – А пока ничего не бойтесь. Нас хранят святые угодники.

У ворот замка его остановил стражник:

– Жупан велел передать, что встретится с тобой в Соколиной Палате.

Томислав кивнул и направился через вымощенный булыжником двор к главной башне. Она сама по себе была крепостью. Сложенная из потемневших известняковых блоков, высеченных более века назад, она не могла похвастаться ни застекленными окнами, ни дымоходами и прочими современными удобствами. На ее северном конце виднелась сторожевая башенка, под крышей которой имелось небольшое помещение, откуда было удобно наблюдать за окрестностями или выпускать охотничьих соколов. Там же при необходимости можно было провести и уединенный разговор.

Поднявшись в башенку, Томислав подошел к окну отдышаться. Ему открылась повседневная суматоха замка – беготня слуг и мастеровых, собаки, домашняя птица, звуки голосов, топот ног, позвякивание металла, струйки дыма из труб, запахи навоза и свежее выпеченного хлеба. За пределами стен виднелись поля поспевающей пшеницы, слегка колышущейся под дуновением ветерка, лениво подгоняющего по голубому небу несколько пухлых белых облаков. Мельтешили птицы – голуби, вороны, ласточки, жаворонки. На южном горизонте зеленая стена дремучего леса заслоняла все, кроме поблескивающей глади озера.

Его взгляд скользнул вдоль берегов Крки, которая, протекая мимо Скрадина, вскоре впадала в озеро. В миле от деревни на берегу реки рос яблоневый сад, отгороженный изгородью против свиней, охочих до падалицы, а заодно и мальчишек, столь же охотно чистящих ветви яблонь. Томислав заметил внутри возле ограда блеснувшие на солнце шлем и наконечник копья конного стражника. Другие кольцом окружали весь сад. Там, под листвою яблонь, находились странные пленники.

Услышав на лестнице шаги, священник обернулся. В комнату вошел жупан – высокий мужчина с резкими чертами лица. Его губы наискосок пересекал шрам сабельного удара, крививший левую щеку. Черные с проседью волосы спускались на плечи, но борода была коротко подстрижена. На нем была повседневная вышитая рубаха и заправленные в полусапоги порты, на поясе висел кинжал. Драгоценностей жупан не носил.

– Да ниспошлет тебе Господь удачный день, – сказал Томислав, благословив жупана. Те же слова священник сказал бы и самой дряхлой деревенской старушке.

– Это может зависеть и от тебя, – хмуро отозвался Иван Субич.

Томислав невольно нахмурился, увидев вошедшего следом отца Петара, капеллана замка, – сухопарого мужчину, лицо которого почти никогда не украшала улыбка. Священники сдержанно кивнули друг другу.

– Итак, есть ли у тебя для нас хорошие известия? – спросил Иван.

Томислав замешкался с ответом дольше, чем намеревался.

– Возможно, есть, а возможно, и нет. Я не смог сразу во всем разобраться.

– Ничего удивительного, – фыркнул Петар. – Сын мой, ведь я предупреждал тебя, что ты зря потеряешь время, послав за... священником, чья паства ютится по лесам. Прости мою резкость, Томислав. Надеюсь, ты согласишься, что с этим делом должен разбираться ученый доктор богословия – сам бан, а то и личный регент короля.

– Мы не можем ждать так долго, – заметил Иван. – В моих владениях сейчас более сотни этих сверхъестественных пришельцев, мне приходится кормить и охранять их. И это обходится мне недешево, не говоря уже о том страхе, который они порождают в душах селян.

– А что удалось узнать в Шибенике? – спросил Томислав.

– То же, о чем я тебе вкратце рассказал утром, – пожал плечами Иван. – Полузатонувшие останки чужого корабля, на нем мертвые тела таких же существ и людей – на вид итальянцев, скорее всего из Венеции. Они явно сражались между собой. Вот и все, что узнали люди сатника. К счастью, сатник оказался умен и не дал новостям распространиться. Тела тайно захоронили, а солдатам строго-настрого приказали молчать. Слухи все равно расползутся, но я надеюсь, что они так и останутся слухами и со временем заглохнут.

– Но только не здесь, – пробормотал Петар, оглаживая пальцами светлую бороду. Пальцы другой руки пощелкивали четками.

– Верно. Впрочем, путники почти не ходят через Скрадин, – заметил Иван. – Я послал просьбу о помощи – прислать нам пищи и солдат, – но пока не получил ответа. Сатник, несомненно, послал бану Павле письмо и воздержится от всяческих действий, пока не получит указания. Так что пока вся тяжесть легла на мои плечи, поэтому я нуждаюсь в любом совете, какой смогу получить.

– И от кого угодно? – насмешливо произнес Петар.

Томислав вспыхнул, стиснул посох и рявкнул в ответ:

– Каков же будет *твой* совет?

– Безопаснее всего убить их всех, – сказал Петар. – Может, они и люди, но совершенно точно не христиане – ни католики западной конфессии, пусть даже один из них знает латынь, ни нашей; ни ортодоксальные схизматики, ни отвратительные еретики Богомила, ни даже евреи или пайнимы. – Его голос возвысился, лицо заблестело от пота, несмотря на холодные каменные стены. – Голые, не знающие стыда, беспорядочно совершающие плотский грех... даже у

язычников есть хоть какое-то достоинство, какое-то подобие брачных уз... И ничего похожего на молитву, пожертвование Всевышнему, никакого преклонения перед ним – вот насколько низко они пали!

– Если сие верно, – мягко заметил Томислав, – то тогда мы свершим худший из грехов, убив их, если вместо этого мы можем привести их к Господу.

– То не в наших силах, – не уступал Петар. – Они животные, у них нет душ, или же вместо души у них нечто худшее, из самого ада...

– Это еще предстоит узнать, – прервал его Иван.

Петар стиснул руку жупана:

– Господин... сын мой, сын мой, разве смеем мы рисковать проклятьем, которое они могут навлечь на нас? Святая Глаголитская церковь уже осаждена со всех сторон – папой, которому следовало быть нашим любящим отцом, ортодоксами Сербии и Империи, Богомилом, вдохновленным самим Сатаной...

– Довольно! – рявкнул Иван, освобождая руку. – У меня были веские причины вызвать к себе отца Томислава и попросить его о встрече с теми существами. Нужно ли мне повторить их специально для тебя? Я давно знаю его как человека по-своему мудрого, и он далеко не невежда, поскольку учился в Задаре и потом служил там епископу. А ежели говорить о дьявольщине или колдовстве, то отец Томислав живет там, где люди знают об этом поболее нашего. Его самого коснулось...

Выражение, появившееся на лице Томислава, вынудило воина скомкать начатую фразу и неуклюже завершить ее совсем другими словами:

– Так что, удалось тебе что-то узнать?

Сельский священник помолчал немного, успокаиваясь, и когда заговорил, его слова прозвучали с подчеркнутой невозмутимостью:

– Возможно. Петар, узнав, что их предводитель немного понимает латынь, обратился к нему слишком грубо. Он имел дело с личностью гордой, страдающей от ран и объятый страхом за судьбу своего народа. И если кричать на него, словно на раба, издеваться над их обычаями, которые не принесли вреда никому, разве что им самим... то как, по-твоему, он себя поведет? Конечно же, он повернулся к Петару спиной. А ты, жупан, поступил на благо всем нам, послав своего военного хирурга на помощь их раненым.

– Ну, хорошо, ты вежливо поговорил с их вождем, – сказал Иван. – И что же он тебе сказал?

– Пока немного. Однако я чувствую, что немногословие его не от нежелания говорить. Его латынь скудна словами и малопонятна из-за сильного акцента. – Томислав хмыкнул. – Признаюсь, моя латынь тоже слегка заржавела, и это тоже не пошло делу на пользу. Более того, мы оказались совершенными чужаками друг для друга. Многое ли можно объяснить за пару часов?

Он открыл мне, что они явились сюда не как враги, а просто в поисках нового дома – на дне морском. – Его слова вызвали меньшее удивление, чем можно было ожидать, потому что внешность морских людей сразу породила всевозможные домыслы и догадки. – Их изгнали из родных мест где-то далеко на севере; я пока не узнал кто и почему. Он признал, что они не христиане, хотя кто они на самом деле – до сих пор для меня загадка. Он обещал, что, если мы их отпустим, они уйдут в море и никогда не вернуться.

– Солгать нетрудно, – заметил Петар.

– Думаешь, он говорил правдиво? – спросил Иван.

– Да, – кивнул Томислав. – Хотя, конечно, поклясться в этом я не могу.

– Нет ли у тебя догадок о том, кто они такие?

Томислав нахмурился, подняв глаза к небу.

– Гм-м-м... кое-какие догадки есть. Но лишь предположения – кое-что из того, о чем знает или во что верит моя паства, кое-что слышал или читал сам, кое-какой собственный... опыт. Скорее всего, я ошибаюсь.

– Принадлежат ли они к смертному миру?

– Их можно убить, как и нас.

– Я не об этом спрашивал, Томислав.

Священник вздохнул.

– Полагаю, они не Адамовой крови. Но это вовсе не значит, что они зло, – торопливо добавил он. – Вспомни о леших, домовых, полевиках и других безвредных существах – да, иногда они немного озоруют, но нередко становятся добрыми друзьями для бедного люда...

– С другой стороны, – молвил Петар, – вспомни и о вилии.

– Замолчи! – с внезапным гневом гаркнул Иван. – Не желаю больше слышать твое карканье, ты меня понял? Я ведь могу попросить епископа прислать мне другого исповедника.

Он повернулся к Томиславу:

– Извини, старина.

– Я... не настолько... мягкотелый, – слегка запинаясь, ответил сельский священник. – Но в его словах есть толика правды. Кажется, последние несколько лет вилия и в самом деле бродит по окрестностям. Бог да простит злобных сплетников.

Томислав расправил плечи.

– Я считаю, что будет лучше и для нас, и перед Богом, если мы отпустим этих людей, – сказал он. – Отведи их к морю, пусть под копытами стражников, если захочешь, но отведи и пожелай счастливого пути.

– Я не посмею так поступить, если этого не велит мне мой господин, – ответил Иван. – И даже если бы мог, все равно не отпустил бы их, не уверившись прежде, что из-за них никому не причинится вреда.

– Знаю, – согласился Томислав. – Тогда выслушай мой совет. Пусть они и далее останутся твоими пленниками, но будь к ним добр. И отпусти их вождя ко мне домой, так мы лучше узнаем друг друга.

– Что? – взвизгнул Петар. – Не сошел ли ты с ума?

Слова жупана удивили даже Томислава.

– Ты по меньшей мере беспечен, – заметил он. – Вспомни, насколько он велик и силен. И когда поправится, то с легкостью сможет разорвать тебя на куски.

– Не думаю, что он решится на подобную жестокость, – негромко возразил Томислав. – Но коли случится худшее, то погибнет лишь плоть моя, а прихожане сразу убьют его. Я же давно не боюсь расстаться с жизнью земной.

* * *

В Загруде – деревушке, где жил Томислав, – обитали менее сотни христианских душ, семьи которых состояли в близком родстве. От Скрадина до нее был полный день пешего пути по тропе, шедшей сперва на север, затем сворачивавшей на запад сквозь окружающий озеро лес, но обходящей его воды стороной. Некогда люди расчистили земли возле ручья и поселились здесь, кормились пахотой, рубили лес, жгли уголь, охотились и ставили капканы. Землю обрабатывали общиной, как вольные землепашцы, и хотя большинство было крепостными, с этим никто особо не считался, потому что хорватское дворянство редко угнетало своих крестьян и покидать родные края никто не собирался.

Домики деревушки стояли двумя рядами в тени невырубленных деревьев и окруженные хлебными полями. Деревянные, крытые соломой строения на одну или две комнаты покоились на сваях. В них поднимались по лесенке, а между сваями размещались стойла для животных.

Улица между домами была или пыльной, или грязной и обильно унавожена. Впрочем, запах навоза не казался назойливым, разбавленный запахом трав с зеленых лужаек между домами, а на мух летом селяне внимания не обращали. За каждым домом располагался садик с летней кухней.

Рядом с каждым домиком виднелся амбарчик – с косою крышей и установленный на очищенных от коры стволах, чьи корни напоминали птичьи ноги, совсем как у знаменитой избушки Бабы-яги. В сарайчиках хранились инструменты и необходимые мелочи. Рядом с домиками стояли ярко расписанные двухколесные тележки. На одном из концов деревенской улицы виднелась небольшая мастерская, на противоположном – часовенка, тоже расписанная причудливыми узорами, ее черепичная крыша переходила в луковицу купола, увенчанного крестом. Мельницы в деревне не было, но фундамент и осевшие останки земляной дамбы указывали место, где она некогда стояла.

Ни в одном из направлений поля и луга не тянулись до горизонта – повсюду их окружал лес. Где-то он стоял ближе, где-то дальше, но везде глаз натывался на мощную зеленую стену с освещенными солнцем кронами и густой тенью внизу. В лесу по большей части росли дубы и березы с примесью других пород, а проходы между стволами густо заросли кустарником.

Ванимену деревня во многом напоминала Элс. Но шло время, и он начал понимать, насколько поверхностным было это сходство.

Дорога сюда, верхом на одолженном муле, оказалась для него сущей пыткой, но в доме Томислава, где для него нашлись кровать и обильная здоровая пища, морской царь начал поправляться гораздо быстрее человека, окажись тот на его месте. Он удивил Томислава и быстротой, с какой осваивал хорватский язык. Прошло немного времени, и они со священником повели настоящие беседы, которые с каждым днем становились все более непринужденными. Когда же его перестали бояться селяне, он познакомился и с ними, немало узнав об их жизни.

* * *

Ванимен сидел рядом с Томиславом на скамье под козырьком крыши. Было воскресенье, когда люди отдыхали после богослужения. На уборке урожая священник работал наравне с остальными, а Ванимен, уже выздоровевший, помогал ему если и не умением, так силой.

Лето постепенно переходило в осень. Зеленъ листвы поблекла, в кронах деревьев уже мелькали первые коричневые, красные или золотые пятнышки. В выцветшем небе тянулись стаи гусей, чьи крики наполняли душу безмолвной тоской, а когда солнце скрывалось за вершинами деревьев, ветерок, прохладный летом, становился холодным. Большинство крестьян отдыхали дома, а редкие прохожие запросто окликали Томислава и его гостя. Все успели привыкнуть к Ванимену – одетый по-крестьянски, он, если не присматриваться к его босым ногам, мог запросто сойти за человека могучего сложения.

Оба потягивали пиво из деревянных чашек и успели немного захмелеть.

– Вы добрые люди, – заметил Ванимен. – Жаль, что не в моих силах помочь вам жить лучше.

– Такие желания, – с пылом ответил Томислав, – и заставляют меня думать, что ты и в самом деле можешь получить благодать Божью, коли сам пожелаешь.

Ванимен, когда его недоверие к людям рассеялось, давно стал откровенен со священником. Томислав же, посылая с мальчишкой свои отчеты Ивану, кое-что смягчал или опускал в рассказах Ванимена.

– Я не лгу ему, – объяснял он Ванимену, – просто не хочу усиливать враждебность по отношению к вам.

Сам же Томислав пытался разъяснить Ванимену, в какой стране они оказались. У Хорватии и Венгрии был единый монарх. Щедро наделенная природой, с многочисленными портами для торговли с другими странами, Хорватия сама по себе представляла важное и ценное владение. Ее величие возросло бы еще больше, если бы крупные племенные кланы страны не находились постоянно на грани войны, а иногда и переступали эту грань. Увы, едва такое случалось, иностранцы – чаще всего проклятые венецианцы – сразу начинали ловить рыбку в мутной воде и захватывать чужие земли. Сейчас в Хорватии преобладал мир, а союз Субича и Франкапана дал сильное правительство на территориях подвластных им септов. Самая большая власть в руках графа Брибирского – Павле Субича, который добился должности бана, то есть правителя провинции. Правда, его провинцией стала вся *страна*. Иван был родственником Павле.

Нынешним вечером Ванимен, избегая беседы на темы веры, сказал Томиславу:

– Воздержание и бедность очищают душу, но тяжелы для тела и ума. Ведь у тебя нет даже подходящей домохозяйки.

Женщины деревни, соблюдая очередность, приходили наводить порядок в домике священника, но никто из них не мог уделить этой работе достаточно времени или усилий. Томиславу частенько приходилось самому готовить еду – у него это неплохо получалось, потому что священник любил поесть, – и наводить чистоту. В своем садике и пивоварне он всегда работал сам.

– Если честно, то я в ней не нуждаюсь. Мои потребности просты, а свою долю веселья я и так получаю – увидишь, когда мы устроим праздник урожая. – Томислав помолчал. – И моя земная ноша даже полегчала, когда умерла моя жена. Она долго и безнадежно болела, а я за ней ухаживал. – Он перекрестился. – Господь призвал ее к себе и исцелил. Наверняка она сейчас в раю.

– Так ты был женат? – удивился Ванимен. – Я знаю, что когда-то священники женились, по крайней мере в наших северных краях, но уже много поколений не встречал женатого священника.

– Да, мы католики, но глаголитской конфессии, а не римской. И хотя папы в Риме всегда недолюбливали нас, все же не считают нас еретиками.

Ванимен удивленно покачал головой:

– Я, наверное, никогда не пойму, почему вы, люди, ссоритесь из-за таких пустяков – зачем и для чего, если вместо ссор вы можете наслаждаться этим миром. – Увидев, что Томислав не склонен начинать спор, Ванимен продолжил: – Расскажи мне лучше, если желаешь, о своей жизни. Я о ней до сих пор почти ничего не знаю.

– Да что о ней рассказывать? – отозвался Томислав. – Самая обычная, скучная жизнь. Вряд ли она заинтересует тебя, ведь ты за долгие столетия увидел больше удивительного, чем я могу представить.

– Нет, ты неправ, – возразил Ванимен. – Ты столь же странный для меня, как и я для тебя. И если ты позволишь мне заглянуть внутрь себя, я смогу увидеть... не только как именно племя Адама утвердилось на земле, но и почему...

– Ты сможешь увидеть промысел Божий! – воскликнул Томислав. – Ха, ради такой возможности стоит открыть тебе свою душу. Хотя не так уж и много в ней сокрыто. Хорошо, я начну, а ты спрашивай, о чем захочешь.

Томислав заговорил, и постепенно его громкий вначале голос зазвучал тише. Его взгляд устремился куда-то вдаль, поверх крыш и деревьев – в глубины неба, предположил Ванимен, где Томиславу виделись ушедшие годы. Время от времени он делал глоток пива, но то было не привычное смакование, а потребность тела, желавшего смочить пересохшее горло.

– Я родился крепостным, но не здесь, а в Скрадине. Как у нас говорят, «в тени замка». Мой отец работал в замке конюхом, а тогдашний капеллан решил, что меня стоит попробовать научить читать и писать. Когда мне исполнилось четырнадцать, он рекомендовал меня епи-

скопу. Так я попал в Задар, где стал изучать священное писание – если честно, то был тяжелый труд и для плоти, и для души. Тем не менее в городе бурлила жизнь, туда приплывали люди со всех сторон света, наполняя его всяческими товарами и удовольствиями. Признаюсь, некоторое время я предавался грехам, но потом покался и, смею надеяться, получил прощение.

После покаяния я начал тосковать по родным краям, простой жизни своих соотечественников. Но несколько лет я дожидался, пока освободится место деревенского пастыря, и все эти годы я прослужил личным писцом у епископа.

Тем временем я женился на местной женщине. Произошло это более по моему желанию, чем из-за канонических правил, потому что свадьба состоялась еще до того, как я принял сан. Ах, какой прелестной была в молодости моя Сена!

Но минуло совсем немного времени, и ею овладела печаль. Сперва, наверное, из-за непривычной жизни. Толпы, шум, интриги, беспокойство, непрерывные изменения – все это пугало ее и отягощало душу. К тому же двое наших детей заболели и умерли, а в трех выживших она нашла меньше утешения, чем я надеялся.

Наконец я получил свой приход. Епископ ворчал, отпуская меня, но смягчился, когда я объяснил ему, что означает деревенская жизнь для Сены.

Но все оказалось напрасным. Дети, родившиеся в деревне, умерли или оказались мертворожденными. Но, что еще хуже, трое наших детей страдали от деревенской жизни столь же сильно, как моя жена от городской. Они задыхались в этом узком мирке, росли грубыми и вспыльчивыми. Сан священника сделал меня и всю мою семью свободными, и по закону они не были обязаны жить в одном и том же месте. Один за другим, едва подрастая, дети покидали нас.

Сперва отправился в море Франьо. После нескольких плаваний его корабль бесследно исчез. Или он потерпел крушение, или его захватили пираты или работорговцы. Кто знает, быть может, мой сын сейчас евнух в гареме какого-нибудь турка.

Зинке повезло больше. Она вышла замуж за купца, когда мы были в Шибенике, – не спросив нашего благословения, чуть ли не на следующий день после первой встречи. Мы ничего не смогли поделать, потому что обвенчавший их священник был земляком того купца, и она отправилась вместе с мужем в Австрию. С той поры она не прислала нам ни единой весточки. Я молюсь о ее счастье.

А потом сбежал и наш младший сын Юрай. Он сейчас в Сплите, работает у венецианского торговца – а ведь Венеция наш старинный враг! Один мой знакомый купец по милости своей иногда навещает меня и рассказывает о его жизни, но сам Юрай так и не написал мне ни строчки.

Ты, наверное, догадался, как терзалось сердце несчастной Сены, как тосковала она о детях. Через несколько лет после того, как Сена родила последнего ребенка, она перестала разговаривать и почти не двигалась – лишь лежала на постели, уставившись в потолок пустыми глазами. И хотя я рыдал, когда она десять лет спустя умерла, я знаю, что Господь смиростивился над ней. А наша маленькая дочурка тогда еще была жива.

Томислав тряхнул головой и усмехнулся.

– Ты, наверное, подумал, что я раскис от жалости к себе, – произнес он, выйдя из мира воспоминаний. – Вовсе нет. Господь подарил мне немало утешений: себя самого, зеленые леса, музыку, шутки, дружбу, доверие моей паствы и, конечно же, привязанность деревенских детишек...

Томислав заглянул в свою чашку.

– Пусто, – сообщил он Ванимену. – И твоя тоже пуста. Дай-ка мне ее, пора выбить из бочки затычку. До вечерни еще долго.

Когда он вернулся, Ванимен печально произнес:

– Я тоже потерял своих детей. – Он не стал добавлять, что потерял их навсегда. – Скажи, ты упоминал о девочке, родившейся уже здесь. Она тоже умерла?

– Да, – подтвердил Томислав, тяжело опускаясь на скамью. – Красивая была девчушка.

– И что же с ней произошло?

– Никто не знает. Пошла погулять к озеру и утонула. Быть может, споткнулась и ударила головой о корень. Но в одном я уверен – водяной тут ни при чем, потому что после нескольких дней поисков мы нашли ее всплывшее тело...

...Раздувшееся и смердящее. Ванимен повидал немало утопленников.

– Я не стал хоронить ее вместе с матерью и остальными, – сказал Томислав. – Отвез гроб на тележке в Шибеник.

– Почему?

– Решил... что там ей будет лежать легче... в голове у меня тогда все перемешалось, сам понимаешь. Жупан помог мне получить разрешение.

Томислав стремительно подался к Ванимену и продолжил:

– Я ведь предупреждал, что мой рассказ окажется не из веселых. А тебе, кстати, еще предстоит пережить собственную скорбь.

Ум у Ванимена был более последовательным, чем у большинства его соплеменников, но он умел сменить тему или настроение с нужной ему быстротой.

– Верно, скорбь по моему племени, – согласился он. – Я как раз собирался поговорить о них с тобой.

– Ты уже заводил этот разговор, – Томислав попробовал улыбнуться, – да только тему выбрал не совсем пристойную.

– Я лишь хотел пожаловаться на то, что их до сих пор держат взаперти, а мужчин, как я слышал, отделили от женщин и детей.

– Верно, но их поведение оказалось для нас неслыханным. Петар утверждает, что даже разговоры об этом опасны для общественной морали.

– Но сколько это будет продолжаться?! – Ванимен в сердцах шлепнул себя по бедру. – Я так и вижу – и как четко я вижу, чувствую, слышу, обоняю и ощущаю на вкус – насколько они несчастны в заточении.

– Я уже говорил тебе, – сказал Томислав, – что бан велел охранять их и хорошо заботиться до тех пор, пока он не узнает о них все, что ему нужно. Думаю, ждать осталось недолго. Мы многое сумели узнать друг от друга, и теперь, когда ты выучил наш язык, ты сможешь поговорить с ним сам. Бан тоже этого желает.

– Но когда? – Царь Лири покачал головой. – Наверняка он очень занят, объезжает свои владения и неделями не бывает в замке. А мой народ тем временем томится в заключении, которое для него хуже пытки. Твой барон, быть может, полагает, что кормит их хорошо, однако мой собственный желудок утверждает, что получает слишком много зерна и молока, но совсем мало рыбы. Они слабеют – и не только из-за еды, но и без воды тоже. Воды для питья им, конечно, дают вдоволь, но когда они в последний раз плавали, когда отдыхали под водой, как того требует для нас природа? Ты позволяешь мне освежиться в ручье, но даже я чувствую, как медленно сохнет моя плоть.

Томислав кивнул:

– Знаю, друг Ванимен. Или догадываюсь о том, чего не знаю. И что же тут можно сделать?

– Я думал об этом, – заговорил Ванимен, воспрянув духом. – Неподалеку отсюда есть озеро. Позвольте нам жить в нем на свободе. Конечно, не всем сразу – кто-то останется заложником, дожидаясь своей очереди. Там, конечно, хуже, чем в море, но все же вода поддержит наши силы, вернет из нынешней полусмерти.

Я, кстати, заметил, что никто в этом озере не ловит рыбу. Но *мы* сможем и станем ее ловить. Рыбы там наверняка множество, хватит и нам, и поделиться с вами. Мы наловим

столько рыбы, что возместим все затраты, которые вы уже на нас понесли. Разве это не придется по душе вашему барону?

Томислав вздохнул:

– Придется-то оно придется, не будь это озеро проклято.

– Как так?

– Там обитает водяной, подводное чудовище. Он рвал сети, что забрасывали рыбаки. Когда же мы послали в озеро лодки с вооруженными мужчинами, их оружие не смогло его ранить. Он потопил лодки, и те из храбрых парней, кто не умел плавать, утонули. Как-то мы решили построить там мельницу, чтобы не возить зерно в Скрадин, но, когда она была почти готова, водяной подплыл вверх по ручью и стал плескаться в мельничном пруду. Он так напугал всех, что люди сломали уже готовую плотину, лишь бы он уплыл обратно в озеро.

– Но почему священник вроде тебя... не изгнал его? – с трудом произнес Ванимен, нахмурившись.

– Народ этого не пожелал бы. А церковь и дворяне считают, что лучше уважить их желание. Экзорцизм изгнал бы из этих мест все существа полумира, а некоторые из них, как верят люди, приносят удачу. Уж лучше отказаться от рыбы из озера и иногда попасться на обман лешего в лесу, чем жить без полевика, отгоняющего насекомых с полей, или домового, приносящего благополучие в дом, без кикиморы, что иногда помогает в работе усталой крестьянке... – Томислав вздохнул. – Да, это язычество, но безвредное. Оно не затрагивает истинной веры селян и помогает им в нередко тяжелой и унылой жизни. Последователи Богомила изгнали всех этих древних помощников отовсюду, где те жили, но богомилы не знают радости и ненавидят этот мир, который Господь сотворил для нас прекрасным.

Томислав вздохнул несколько раз и добавил почти шепотом:

– И те, кто обитает под водой или в дремучей чаще, тоже бывают прекрасны...

Но Ванимен не услышал его слов. Порывисто вскочив, он резко поднял кулак и крикнул:

– Так вот в чем мы, морские люди, можем вам помочь! Так мы докажем вам свою добрую волю! И я сам поведу отряд, который прогонит чудовище прочь!

2

Жил в Хадсунде человек по имени Аксель Хедеборо, преуспевающий торговец лошадьми. Аксель нередко пользовался услугами Ингеборг, но все же весьма удивился, когда она пришла к нему домой в сопровождении юноши приличной наружности и попросила о разговоре наедине.

– Мы хотим попросить тебя об услуге, – пояснила Ингеборг, – и сделать тебе скромный подарок, дабы получить твою благосклонность.

Золотое кольцо, которое Ингеборг украдкой, чтобы его не заметили ученики Акселя, показала ему на ладони, отнюдь не было безделушкой – торговец тут же оценил его стоимость в пять серебряных марок.

– В таком случае следуйте за мной, – ответил он, сохранив на лице невозмутимость, и провел гостей из деловой половины дома в жилую, плотно прикрыв за собой дверь.

Стены комнаты, в которой они оказались, были обшиты темными деревянными панелями, окна застеклены превосходными стеклами, а сама комната тесно заставлена мебелью. Аксель задернул занавески, создав подходящий для секретов полумрак. Приняв кольцо, он уселся за стол и начал с любопытством разглядывать причудливые узоры, покрывающие золото.

– Садитесь, – произнес он, скорее приказывая, чем приглашая.

Гости уселись на краешки стульев и с тревогой взглянули на хозяина. Тот был толст, с выбритым до синевы двойным подбородком и крупным ртом, одет в богатый кафтан, пропах-

ший застарелым потом. Через некоторое время он оторвал глаза от кольца и посмотрел на гостей.

– Ты кто такой? – обратился он к Нильсу.

Юноша назвал свое имя, место рождения и представился моряком. Взгляд торговца неотрывно изучал его с головы до ног. Аксель увидел, что Нильс, как и Ингеборг, опрятен и одет в новые одежды, но следы, оставленные солнцем, ветром и трудностями, все еще ясно читались на лицах обоих посетителей.

– И чего же вы от меня хотите? – спросил он наконец.

– Это долгий рассказ, – ответила Ингеборг. – Ты сам торговец и поймешь, почему нам о многом придется умолчать. Суть же в том, что мы располагаем некоторым состоянием, но нам нужна помощь в том, как его удачно поместить. Нильс считает, что лучше всего было бы купить право на морскую торговлю. А ты имеешь дело с капитанами, у тебя связи в других странах – наверняка есть кто-то из... Ганзейской Лиги. Верно, Нильс? И если ты отправишь нас к подходящему человеку и сделаешь так, что он выслушает нас с пониманием, – она улыбнулась той улыбкой, какой пользовалась на рынке, – то убедишься, что мы не скряги.

Аксель задумчиво потерел висок своих черных волос.

– Странное предложение от таких личностей, как вы двое, – произнес он наконец. – Мне нужно знать больше того, что вы мне сказали. Насколько велико ваше состояние и как вы его раздобыли?

Его взгляд переместился на туго набитый кошелек, свисающий с пояса Нильса. В нем лежали датские монеты, которые не могли вызвать никаких подозрений. Ингеборг получила их от городского ювелира, которого знала столь же близко, как и Акселя. Ювелир согласился рискнуть и преступил закон, купив у Ингеборг за полцены слиток драгоценного металла. Впрочем, у нее и Нильса имелось еще немало кусочков золота, зашитых в складки одежды, – запас на непредвиденные расходы в ближайшем будущем.

– Размер нашего состояния, – холодно ответила Ингеборг, – зависит от того, что мы сможем с ним сделать, для этого мы и пришли к тебе за советом. Видишь ли, мы нашли клад.

Аксель напрягся.

– В таком случае он принадлежит королю! Хотите оказаться на виселице?

– Вовсе нет. Сейчас я тебе все расскажу. Ты наверняка помнишь Ранильда и его шлюп, на котором он в начале года отправился в плавание, помалкивая о цели путешествия. С тех пор о нем никто не слышал. Нильс был у него матросом, а меня он прихватил с собой.

– Вот как? – Торговец оправился от удивления. – То-то местные гадали, куда это подевалась Ингеборг-Треска. Но женщина на корабле приносит несчастье.

– Неправда! – вспыхнул Нильс.

Ингеборг жестом велела ему замолчать и продолжила:

– У Ранильда не хватало людей, к тому же он очень торопился. А я могла оказаться полезной.

– Еще бы, – фыркнул Аксель. Нильс метнул в него гневный взгляд. Ингеборг даже бровью не повела.

– К тому же, – добавила она, – до меня тоже дошли кое-какие слухи – шила ведь в мешке не утаишь. И эти слухи плюс то, что Ранильд узнал из другого источника, указывали на сокровище, спрятанное язычниками на островке посреди океана. Так что, как видишь, мы никого не грабили, не оскверняли могил и не утаиваем ничью собственность.

Но золото пробуждает жадность и ведет к убийству. Ты ведь помнишь, какие головорезы плавали у Ранильда – кроме Нильса, разумеется. На обратном пути мы попали в ужасный шторм. Кончилось все тем, что из всех душ, отплывших на «Хернинг», спаслись только две наших. А сам шлюп затонул. Но мы сумели добраться до берега с неким металлом и теперь хотим его выгодно вложить.

Аксель долго молчал, потом рявкнул:

– Это правда?

– Готова поклясться любым святым или любой клятвой, какой пожелаешь, что все мои слова – правда, – ответила Ингеборг. – И Нильс тоже поклянется.

Юноша тут же кивнул.

– Гм, гм. – Аксель провел пальцем по жирным волосам. – Любопытную вы мне рассказали байку.

– Я ведь говорила, что она тебя заинтересует. И пусть тебя не волнует, почему мы пришли именно к тебе. – Ингеборг улыбнулась. – Ты когда-нибудь рассказывал обо мне своей жене?

Снова став серьезной, она сказала:

– Ты можешь неплохо заработать. Услуга нетрудная, риска никакого. Мы тоже не собираемся нарушать закон. Скорее наоборот – нам нужен человек, который не дал бы нам его нарушить. И в то же время трепаться на каждом углу о нашей просьбе будет еще глупее – человек, имеющий власть, всегда найдет повод обобрать нас до нитки.

– Верно, – согласился Аксель. – У вас хватило ума с самого начала поискать себе покровителя, который вас прикроет, поможет начать дело и без лишнего шума спокойно зарабатывать деньги.

Нахмурившись, он разглядывал кольцо, крутя его в пальцах.

– Ганза, – пробормотал Нильс. – Их корабли перевозят почти все грузы из северных стран, так ведь? Я слышал, что города Лиги становятся все более могущественными – их опасаются даже короли. И если бы я стал владельцем Ганзейского корабля...

Аксель покачал головой:

– На это, парень, можешь не надеяться. Я их хорошо знаю. Эти купцы – жадюги, трясутся над своими богатствами, не выносят чужаков и никогда не расстанутся даже с частичкой могущества и власти, принадлежащей магнату или гильдии. Возьмем, к примеру, город Висби на острове Готланд – они предоставляют купцам большую свободу, но лишь тем из них, кто уроженец Готланда. Думаю, если ты придеешь к одному из этих некоронованных принцев, он промурыжит тебя до тех пор, пока не придумает, как выжать тебя досуха, а меня попросту устранил от сделки.

Нильс сжал кулаки. Ингеборг успокаивающе опустила ладонь на его руку.

– Но к кому-то все же можно обратиться! – воскликнул Нильс.

– Возможно, возможно, – протянул Аксель. – Вы меня застали врасплох со своей просьбой. Дайте подумать... – Он принялся катать кольцо по столу, и в наступившей тишине этот звук показался неестественно громким. – Гм-м-м... Копенгаген... крупный морской порт, правит в нем епископ Роскильдский, а он не позволяет всяческим гильдиям пускать в городе корни... Верно, каждый из бюргеров занимается своим ремеслом, получив от городских властей лицензию... Возможно, подойдет. Больше я почти ничего не знаю, потому что не отправляю свой товар через Копенгаген.

– Вот видишь, – заметила Ингеборг, – ты сможешь нам помочь, если захочешь. Подумай, не торопись. Но первым делом, если я хорошо тебя знаю, ты начнешь торговаться о причитающейся тебе плате.

Аксель поднял голову. Они увидели, что его лицо стало жестким.

– А почему ты в этом так уверена? – спросил он.

– Что ты этим хочешь сказать? – удивилась Ингеборг.

– А то, что ты мне почти ничего не рассказала, и то, что я услышал, – несомненная ложь.

– Вспомни, мы готовы были поклясться перед Богом в том, что сказали правду.

– Для тебя, Ингеборг-Треска, и лжесвидетельство не грех. – Аксель выпятил челюсть. – И рассказ твой – брехня. Я скорее поверю, что вы откопали клад в Дании – если только не

пришли кого-нибудь в море, а за это ссылают на галеры. Хотите прихватить меня с собой? Но я не настолько глуп.

Женщина долго вглядывалась в лицо Акселя.

– В таком случае ты ведешь себя, как трус.

– Я законопослушный человек, у меня есть дом и семья.

– Чушь! Я сказала, что ты *ведешь* себя, как трус, как шулер. Я знаю тебя и таких, как ты. – Ингеборг презрительно скривилась. – И ты с самого начала решил ограбить нас сам. Что ж, тебе это не удастся. Так что или выпусти нас – тогда мы попробуем в другом месте, – или торгуйся о своей доле, как полагается порядочной сволочи.

Нильс положил руку на рукоятку матросского ножа, висящего у него на поясе. Аксель выдавил улыбку.

– Попридержи язык, милочка. Дело лишь в том, что я не желаю флиртовать с висельником. Мне нужны гарантии, и для начала я хочу взглянуть на ваш клад.

Ингеборг встала.

– Пошли, Нильс. Тут нам ничего не светит.

– Стойте, – спокойно произнес Аксель. – Садитесь, и продолжим разговор.

Ингеборг покачала головой:

– Я достаточно пожила на свете, чтобы научиться чують предательство. Пошли, Нильс.

Юноша встал. Аксель поднял руку:

– Я приказываю вам остаться. Или мне приказать ученикам схватить вас?

– Пусть только попробуют! – рявкнул Нильс. Ингеборг успокоила его.

– Ты что задумал? – невозмутимо поинтересовалась она.

– А вот что, – ответил Аксель, все еще ухмыляясь. – Я подозреваю, что вы виновны или в пиратстве, или в краже королевской собственности. Мне ясно и то, что вы еще не задумывались о расплате, которая вам за это полагается. Далее, вы попросту нищие, и у вас нет семей, меня же Господь наградил более высоким положением в обществе, и я могу потерять гораздо больше вашего. Так почему я должен рисковать всем... меньше чем за весь клад?

Видя, что они стоят неподвижно, он добавил:

– Конечно, я и вам что-нибудь дам.

Ингеборг и Нильс продолжали молчать. Аксель нахмурился и шлепнул ладонью по столу.

– Ладно, – сказал он. – Но зарубите себе на носу, что я *не* предлагал стать вашим сообщником. Я лишь задал вопрос, чтобы увидеть, как вы себя поведете. Мой долг – донести о нашем разговоре. Но не шерифу, а самому барону. И не дать вам тем временем скрыться, верно?

Подумайте хорошенько. Я слышал, что самый опытный палач у юнкера Фалквора. И он сумеет вытянуть для своего господина всю правду из того, что от вас останется.

– А ты, конечно же, получишь достойную награду, – прошептала Ингеборг.

– Так диктует мне осторожность, – возразил Аксель. – Мне будет очень жаль, если придется поступить именно так, потому что у меня остались приятные воспоминания о тебе, Ингеборг, а у твоего спутника вся жизнь впереди. Поэтому лучше сядьте, и попробуем договориться по-хорошему.

– Нильс! – произнесла Ингеборг.

Юноша понял намек. Сверкнуло лезвие ножа, показавшееся огромным в тесной комнате.

– Мы уходим, – сказал он. – Ты выведешь нас на улицу. И если с нами случится хоть малейшая неприятность, ты умрешь первым. Вставай!

Аксель поднялся, внезапно побледнев. Перед ним стоял уже не прежний робкий мальчик. Нильс спрятал нож, но держался рядом с торговцем. Ингеборг перед уходом спрятала кольцо на груди.

Из дома они вышли втроем. В одном из переулков Нильс отпустил Акселя. Когда торговец торопливо заковылял по улице, Ингеборг с горечью произнесла:

– А я-то надеялась, что он лучше всех прочих. Неужели в христианском мире не осталось милосердия?

– Нам лучше уйти, пока он не поднял шум, – предостерег Нильс.

Они торопливо вернулись на берег Мариагер-фьорда. Там дожидалось прилива небольшое судно, направлявшееся в порты вдоль всего Зунда. Нильс и Ингеборг заранее договорились о проезде и перенесли на корабль необходимые пожитки. Как выяснилось, подобная предосторожность оказалась не напрасной. Получив же, кроме платы за проезд, еще и дополнительную сумму, которой с лихвой хватило, чтобы всю ночь пить за здоровье пассажиров, капитан уступил им и свою каюту.

3

Полная луна висела в небе кружком замерзшего света. Редкие звезды проглядывали сквозь ее яркое сияние, покрывающее инеем вершины деревьев в лесу вокруг озера и серебрищее рябь на воде. Ветерок обдувал осенним холодом и шуршал умирающими листьями.

Поднявшись со дна, водяной поплыл к берегу. Он старел, когда уменьшалась луна, и молодел вместе с ней; этой ночью его переполняли сила и голод. Его огромное тело, размером с трех боевых коней, обросшее мхом и длинными водорослями, походило на человеческое, но имело толстый хвост, ноги с длинными пальцами и перепончатые передние лапы с когтями. Вокруг зияющего провала рта топорщились жесткие усы, красными угольками светились глаза.

Когда брюхо коснулось дна, водяной остановился. Из темных прогалин между деревьями до него донеслись звуки раздвигаемых кустов и приближающихся шагов. Гм, чем бы люди ни занимались в лесу после наступления темноты, глядишь, кто-нибудь из них и окажется достаточно беззаботным и выйдет на берег. Водяной замер каменной глыбой. Поднятая им на воде серебристая рябь постепенно разгладилась.

Из тени выскользнул чей-то силуэт, бесшумно двинулся по прибрежной траве: стройный, тонкий, лунно-белый. Зазвенел смех.

– Эй, дурачок! Смотри, как надо прятаться! – Быстрое как ветер существо слилось со стволом ближайшего дуба. – Дай-ка я тебя накормлю. – По шкуре монстра застучали желуди.

Водяной зарычал от гнева – раскатисто, как гром. Вот уже три года его дразнит вилия! Взмешенный, он даже выбрался на берег на пару шагов, царапая себе брюхо, но поймал лишь ее смех. Скоро вилия покинет лес и отправится зимовать в воды озера, но и тут водяному не суждено ее поймать. Хотя холод делал ее сонливой, она всегда замечала его приближение и ускользала. К тому же он догадывался – когда вилия не доводила его до бешенства и его туповатые мозги соображали лучше, – что не в состоянии причинить вред почти бесплотному духу.

– Я знаю, зачем ты пришел сюда, – крикнула вилия. – Надеешься пообедать кем-нибудь из людей? Ничего у тебя не выйдет. – Она взмахнула рукой, рядом с ней закружился маленький вихрь. – Эти людишки мои. – Тут ее настроение изменилось. Вихрь исчез. «Но почему они бродят здесь ночью? – удивленно спросила она себя. – И почему пришли без факелов, чтобы освещать себе дорогу? Люди всегда приходят с факелами, а эти... Даже не припомню...»

Сидя на ветви дуба, она качнулась вперед-назад, и поднявшийся ветерок распушил облачко ее волос – но он был настолько слаб, что волосы приближающихся людей едва шелестели.

– Они *не* люди! – тут же воскликнула вилия. – Вернее, не все они люди. – И она полезла выше, чтобы спрятаться.

Водяной зашипел ей вслед, скользнул обратно в воду и принялся ждать.

Из леса вышел Ванимен, возглавляя отряд своих соплеменников. Все были обнажены, если не считать поясов с ножами, но несли охотничьи копья и сети. Рядом с ним шагали Иван Субич и шестеро его слуг. Морские люди, хорошо видевшие в ночной темноте, провели спотыкающихся людей через лес, и теперь, выйдя на залитый ярким лунным светом берег, жупан и его спутники заморгали.

– Вот он! – крикнул Ванимен. – Мы его сразу заметили. Наверное, нам помогло то, что мы шли без факелов.

Иван пристально всмотрелся.

– Тот большой камень? – спросил он.

– Какой же это камень? Видишь, как светятся глаза?

Ванимен взмахнул копьем и что-то крикнул на языке морских людей. Его воины с громким плеском бросились в воду. Алчно рыча и обнажив поблескивающие клыки, водяной бросился на ближайшего, но проворный воин ускользнул. Водяной метнулся к другому – опять неудача.

В воде закружились тела. Морские люди сжимали кольцо, ныряли, кололи копьями и зубами. Не выдержав, водяной нырнул. Воины последовали за ним.

Долгую минуту взбаламученные воды озера успокаивались. Наступила тишина, и когда озеро вновь неподвижно застыло, небеса погрузились в оцепенелый сон. Голос одного из солдат нарушил молчание:

– Они сражаются слишком глубоко. Мы ничего не увидим.

– Если это можно назвать сражением, – заметил его товарищ. – Этой бестии даровано бессмертие до самого Судного дня. Его шкуру не пробивает даже железо. Господин, на что надеются твои охотники, пусть даже они знают колдовство?

– Их предводитель сказал, что они хотят кое-что испытать, – ответил Иван. Он был не из тех, кто делится сомнениями с подчиненными. – А какая из его задумок окажется лучшей, еще предстоит узнать.

– Если только весь его отряд не погибнет, – возразил третий солдат. – И что тогда?

– Тогда нам придется ждать здесь до рассвета, когда сможем отыскать дорогу домой, – ответил жупан. – На берегу этой зверюге нас не поймать.

– Ей-то не поймать, но есть и другие. – Солдат осмотрелся вокруг. В его глазах отразился лунный свет.

Иван поднял висящий на груди крест. В нем виднелось небольшое углубление, закрытое стеклышком.

– В этом кресте – косточка от фаланги пальца святого Мартина, – сказал жупан. – Молись, как подобает истинным христианам, и никто из порождений тьмы не сможет причинить нам вред.

– Твой сын Михайло думал иначе, – осмелился пробормотать солдат.

Услышав эти слова, жупан дал солдату пощечину. Хлопок эхом отразился от стены деревьев.

– Придержи язык, болван!

Солдаты перекрестились – ссоры накликают беду.

Медленно тянулись часы. Мороз крепчал. Ожидающие на берегу дрожали от холода, топтались с ноги на ногу, отогревали руки под мышками. Дыхание облачком вырывалось изо ртов. На верхушке большого дуба зашевелилось что-то белое, но никто не осмелился пристальнее взглянуть в ту сторону.

Луна уже садилась, когда из всех глоток разом вырвался крик. Гладь озера разорвало темное пятно – в их сторону двигался уродливый силуэт. Не доплыв до берега, он остановился. Люди увидели воинов Ванимена, кружащих вокруг водяного.

Ванимен добрался до мелководья, встал и зашагал к людям. С него текла вода, пленочкой ртуту покрывая все тело. Лицо морского царя сияло от гордости.

– Мы победили! – объявил он.

– Хвала Всевышнему! – радостно воскликнул Иван, но к нему тут же вернулась солдатская подозрительность. – Ты уверен? Что же вы сделали? И что нам теперь делать?

Ванимен скрестил руки на могучей груди и рассмеялся:

– Верно, мы не можем его убить. Но даже сегодня ночью, когда водяной сильнее всего, мы доказали свое превосходство. Наше оружие причиняло ему боль. Он не сумел схватить никого из нас, зато мы мучили его, пока мучения не стали для него невыносимыми. Мы также показали ему, как умеем ловить рыбу – он и в этом не смог нас превзойти. Мы выхватывали рыбин прямо у него из-под носа, распугивали других, не давали ему кормиться.

В конце концов, воспользовавшись особыми чарами, мы дали ему понять, что станем проделывать такое ночь за ночью, сколько потребуется, и ему лучше обуздать свой гнев и уйти добровольно. Мы проводим его вверх по реке, мимо вашего города, и там отпустим. Пусть плывет дальше, к безлюдным предгорьям. Больше он не станет вам докучать.

Иван обнял Ванимена. Солдаты радостно закричали, из воды им отозвались воины царя. Водяной угрюмо молчал.

– Идите вдоль берега, – посоветовал Ванимен. – Мы не будем терять вас из виду.

Он повернулся и шагнул в воду.

Сквозь поредевшие листья на землю скользнул белый силуэт.

– Ах, нет, – пропела вилия, – неужели вы прогоните бедного старого уroda? Здесь его дом. А мне станет без него одиноко. С кем я буду играть и резвиться?

Ванимен увидел пляшущий над травой силуэт обнаженной девушки – прекрасной, но почти прозрачной. Возле ее губ и рта не клубился пар от дыхания.

– *Русалка!* – взревел он и бросился в воду.

Существо остановилось.

– Кто ты? – спросила она жупана высоким нежным голосом. – Не помню ли я тебя?

По коже Ивана заструился пот. Он содрогнулся, но шагнул вперед, охваченный более ненавистью и яростью, чем страхом.

– Демон, призрак, отвратительная воровка душ! – завопил он. – Изыди! Возвращайся в свою могилу, в свой ад!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.